

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

К.А. Кузоро

«САМЫЕ СРЕДОТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ
ЗНАНИЯ И ВЕРЫ»:
ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Издательство Томского университета
2018

УДК 930.2:271.22
ББК 63.3(2)5+86.37
К 89

Рецензенты:

Э. И. Черняк – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

П. И. Мангилев, протоиерей – канд. ист. наук, доцент, проректор Екатеринбургской духовной семинарии по учебной и научной работе;

Д. В. Хаминов – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Кузоро К.А.

«Самые средоточные вопросы знания и веры»: церковная историческая наука XIX – первой четверти XX в. / под ред. Е.Е. Дутчак. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. – 142 с. + 8 вкл.

ISBN 978-5-7511-2399-4

Освещается эволюция церковной исторической науки XIX – первой четверти XX в., выявлены основные тенденции ее развития. Рассмотрены направления исследования церковной истории в высшей духовной школе, реконструированы социальный и интеллектуальный портрет церковного историка, способы работы с историческими источниками, понимание исторического процесса, охарактеризовано жанровое разнообразие научных сочинений церковных историков.

Для специалистов в области истории Русской православной церкви, религиоведения, а также всех интересующихся российской историей, наукой и культурой.

УДК 930.2:271.22
ББК 63.3(2)5+86.37

*Монография подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 15-01-00148*

ISBN 978-5-7511-2399-4

© Кузоро К.А., 2018

*140-летию
Томского государственного университета
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Существуют достаточно устойчивые стереотипы, что духовенство было непричастно к высокой культуре, оставалось неграмотным, а духовные академии далеки как от настоящей науки, так и от образования. Да, духовенство представляло собой довольно замкнутую социальную группу с патриархальным бытом и взглядами, но это не значит, что достижения науки и культуры были ему чужды. Попробуем в этом убедиться, проанализировав церковную историческую науку, понимаемую в данном исследовании как изучение различных аспектов истории Русской православной церкви и христианской церкви в целом, осуществляемое представителями духовных академий, семинарий, кафедр богословия в университетах.

Церковная историческая наука – неотъемлемая и уникальная составляющая науки и культуры дореволюционной России, долгое время незаслуженно остававшаяся без внимания. До революции 1917 г. она не успела получить должного теоретико-методологического осмысления, а в советское время подвергалась жесткой и крайне идеологизированной критике. Лишь в последние годы ситуация начала меняться. Труды церковных историков изучают и переиздают, по их учебникам студенты современных духовных семинарий и академий осваивают учебные курсы, их творчеству посвящаются научные конференции.

Во второй половине XIX столетия высшая духовная школа переживала свой расцвет. Четыре православные духовные академии – Киевская, Московская, Санкт-Петербургская и Казанская – являлись крупнейшими центрами богословской науки и подготовки высокообразованных церковных кадров. Особенно значимым стал академический устав 1869 г. (в основных положениях повторяющий Университетский устав 1863 г.), расширяющий права профессорской коллегии и выдвигающий на первый план задачи развития науки. Церковные историки этого периода отличались широкой эрудицией

и превосходным владением материала, их преподавательская деятельность не отделялась от научной работы. Мировому научному сообществу хорошо известны имена ее представителей – митрополита Макария (Булгакова), А. В. Горского, Е. Е. Голубинского, В. В. Болотова, Н. Ф. Каптерева, А. П. Лебедева.

Дореволюционная церковная историческая наука успела только встать на путь осмысления своего опыта, работа в этом направлении продолжилась в эмиграции. Среди исследований, освещающих историю развития и методологию церковной исторической науки, следует отметить «Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России» и «Взгляд на условия развития церковно-исторической науки у нас» А. П. Лебедева [1, 2], «Русскую богословскую науку в ее историческом развитии и новейшем состоянии» Н. Н. Глубоковского [3], «Пути русского богословия» Г. В. Флоровского [4], «Систематические построения истории Русской церкви» А. В. Карташева [5]. В этих работах со значительной долей самокритики очерчиваются путь развития церковной исторической науки, ее проблемы. Несмотря на невысокую в целом оценку русской церковной исторической науки, исследователи видели ее замечательные перспективы [2. С. 723]. Сегодня это направление нуждается в комплексном и систематическом изучении в соответствии с современными подходами и методами.

Нами предпринята попытка осветить особенности развития русской церковной исторической науки XIX – первой четверти XX в., остановившись на таких вопросах, как социальный и интеллектуальный портрет церковного историка, направления исследования церковной истории в высшей духовной школе, способы работы с историческими источниками, понимание исторического процесса, жанровое разнообразие научных сочинений. Они реконструированы на основе материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Государственного архива в г. Тобольске, Государственного архива Томской области (ГАТО). Существенно дополнили представление об изучаемой теме материалы фондов духовно-учебного управления при Св. Синоде, Санкт-Петербургской и Тобольской духовных семинарий, Томской духовной консистории; личные фонды церковных историков и богосло-

вов – митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Макария (Булгакова), Ф. Ф. Сидонского, М. А. Голубева, И. В. Чельцова, И. Ф. Нильского, Е. Е. Голубинского, Ф. Г. Елеонского, В. В. Болотова, А. И. Бриллиантова. В частности, их конспекты лекций, рукописные семинарские и академические журналы, учебные программы, расписки в получении книг, рецензии и отзывы на кандидатские сочинения и монографии, студенческие сочинения, черновые заметки воссоздают среду, в которой жили церковные историки, их взгляды, читательские интересы, подходы к работе с историческим материалом, нормы взаимодействия с коллегами.

В ходе работы над исследованием были проанализированы опубликованные воспоминания и переписка церковных историков, духовных писателей, общественных деятелей XIX – первой половины XX в. [6–13], а также монографии дореволюционных и современных исследователей, раскрывающие различные аспекты научной деятельности церковных историков и организации духовного образования и церковной исторической науки в России: «Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории Русской церкви» (1889) Н. И. Полетаева, «Московский митрополит Платон Левшин как противораскольничий деятель» (1905) Н. В. Лысогорского, «Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского» (1998) А. Ю. Полунова и И. В. Соловьева, «Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского» (2004) Г. Гоголева, «Филарет Московский» (2011) А. Ю. Сегеня, «Исполин знания: жизнеописание протоиерея А. В. Горского» (2012) А. С. Мелькова и др.

Особенно следует отметить труды, раскрывающие путь развития высшей духовной школы. В обобщающем исследовании «Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий» (2005) В. А. Тарасовой рассмотрена государственная и церковная политика в отношении духовного образования, охарактеризованы преподавательская и студенческая корпорации. Весомый вклад в исследование духовного образования и русской богословской науки сделан профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н. Ю. Суховой в работах: «Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века)» (2006), «Вертоград наук духовный» (2007), «Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.)» (2012), «Система науч-

но-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в.» (2012) и др. В центре внимания автора не только сам феномен российской высшей духовной школы: организационное устройство духовных академий, их профессорско-преподавательский состав, учебная и научная деятельность академий, но и реформы в сфере духовного образования, их значение, результаты и последствия.

Существенно дополнили данную работу научные статьи, опубликованные в дореволюционных и современных журналах («Богословский вестник», «Православное обозрение», «Странник», «Русский вестник», «Русское обозрение», «Отечественные архивы», «Вопросы истории», «Российская история», «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии»); материалы научных конференций: «Болховитиновские чтения» (Воронеж, 1993), «Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее» (Томск, 1995), «Православие и Россия: канун третьего тысячелетия» (Томск, 2000), «Макарьевские чтения» (Горно-Алтайск, 2004–2010), «Платоновские чтения» (Москва, 2004–2009), «Православное наследие в культуре России» (Челябинск, 2012), «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 2013–2016).

Многое из опыта XIX–XX столетий могло бы стать полезным для организации современного духовного образования. С 1990-х гг. в России начинается процесс восстановления закрытых в советское время и основания новых духовных научных и учебных учреждений. Для подготовки священнослужителей поощрялось открытие духовных школ: семинарий, училищ, пастырских курсов. В советское время речь шла не о развитии, а о выживании духовных школ, поэтому дореволюционные традиции организации научного и образовательного процесса были утрачены. В настоящее время действуют Московская и Санкт-Петербургская православные духовные академии, более 50 семинарий, духовные училища, общецерковная аспирантура и докторантура им. св. Кирилла и Мефодия, высшие учебные заведения – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), Российский православный университет (Москва), Новосибирский Свято-Макарьевский православный богословский институт, Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва), Библейско-богословский институт святого апостола Андрея Первозванного (Москва), Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург), Поволжский пра-

вославный институт (Тольятти) и др. По оценкам специалистов, если с педагогическими функциями большинство духовных учебных заведений справляется на должном уровне, то научно-исследовательское направление их деятельности еще находится в процессе становления [14–17]. Проблемы современного духовного образования связаны со слабой организацией обмена опытом между духовными школами, отсутствием систематического взаимодействия со светскими научными и образовательными центрами, упрощенным пониманием частью самого духовного сообщества задач церковной исторической науки и сведением духовного образования к сугубо практическим вопросам, а также с нехваткой кадров и недостаточным финансированием.

Попробуем посмотреть на церковных историков XIX – первой четверти XX в. как на самостоятельное научное сообщество, создававшее свои традиции, культуру научного исследования, практики взаимодействия, способы позиционирования в обществе. Изучение опыта предшественников способно дать импульс развитию научных исследований в академиях и научных центрах. Современная церковная историческая наука, раскрыв свой потенциал, может занять достойное место в российской и мировой науке.

Источники и литература

1. *Лебедев А. П.* Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России // Богословский вестник. – 1895. – № 12. – С. 289–321.
2. *Лебедев А. П.* Взгляд на условия развития церковно-исторической науки у нас // Богословский вестник. – 1907. – № 4. – С. 705–723.
3. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. – М. : Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002. – 191 с.
4. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. – Париж, 1937 (репр. Вильнюс, 1991). – 600 с.
5. *Карташев А. В.* Систематические построения истории Русской церкви // Карташев А. В. История Русской церкви. – М., 2000. – Т. 1. – С. 13–47.
6. *Грот Я. К.* Переписка митрополита Евгения с Державиным // Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 65–216.
7. *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 1–64.

8. *Дневник А. В. Горского* (с примечаниями С. Смирнова). – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. – 195 с. (репр. изд. – СПб., 1999).
9. *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого : автобиографические воспоминания : в 2 ч. / Н. П. Гиляров-Платонов. – М. : Изд-во тов-ва М. Г. Кувшинова, 1887. – Ч. 2. – 347 с.
10. *Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском* // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 544–560.
11. *Субботин Н. И.* Воспоминания, заметки, письма // Русское обозрение. – 1896. – Т. 37. – С. 259–287.
12. *Воспоминания Е. Е. Голубинского* // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.
13. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М. : Тип. Сытина, 1914. – С. 737–755.
14. *Вяткин В. В.* Богословие и проблема современной историографии // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 172–175.
15. *Вяткин В. В.* Между наукой и богословием. О проблемах церковной историографии // НГ-религии. – 2010. – 2 июня. – С. 7.
16. *Данилов В. Л.* Реформа духовного образования в России : история и современность // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2017. – № 1. – С. 164–169.
17. *Федотов А. А.* Русская православная церковь в 1943–2000 гг. : внутри-церковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.orthedu.ru/ch-hist/18012-fedotov-a-a-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-19432000-gg-vnutricerkovnaya-zhizn-vzaimootnosheniya-s-gosudarstvom-i-obschestvom.html> (дата обращения: 20.12.2017).

Глава 1
**ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX –
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.**

**1.1. У истоков церковной исторической науки: между моральной
оценкой и изложением фактов**

Известно, что рубеж XVIII–XIX вв., отмеченный в развитии отечественной историографии как время критического осмысления ее состояния и определения нового отношения к историческому знанию, стал периодом, когда начала оформляться его самостоятельная отрасль – история церкви. Но это был результат, подготовленный XVII и XVIII столетиями. XVII в. стал периодом заката летописания, и неизбежность перехода к другому типу исторических сочинений была очевидна: происходившим событиям требовалось не только описание, но и объяснение. В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры издается излагающий исторические события «Синописис», составителем которого считается Иннокентий Гизель, в 90-е гг. XVII в. А. И. Лызловым создается «Скифская история», посвященная теме борьбы русского народа против монголов и турок. В первой четверти XVIII столетия интерес к истории возрос. По указам Петра I, считавшего историю государственным делом, тесно связанным с политическими интересами, собирались вещественные и письменные памятники прошлого, издавались исторические сочинения П. П. Шафирова, А. И. Манкиева, Б. И. Куракина.

Тогда же, на фоне появления общественного интереса к истории, официальное закрепление получило ее изучение в духовных школах. Духовный регламент 1721 г. – главный акт законодательства Петра Великого в отношении церкви – является в то же время значимым источником по истории духовного образования. Основа Духовного регламента была составлена Псковским архиепископом Феофаном (Прокоповичем), в котором Петр I, по словам Г. Флоровского, нашел «понятливого исполнителя и истолкователя своих пожеланий и мыслей», а затем отредактирована и дополнена самим правителем [1. С. 84].

Дисциплины, которые должны были, согласно регламенту, изучаться в духовных школах:

1. *Грамматика купно с географией и историей;*
2. *Арифметика с геометрией;*
3. *Логика (диалектика);*
4. *Риторика купно или раздельно со стихотворным учением;*
5. *Физика, присовокупляя краткую метафизику;*
6. *Политика краткая;*
7. *Богословие;*
8. *Язык греческий и еврейский (если будут учителя)»* [2. С. 54–55].

Таким образом, первый и шестой пункт этого перечня подразумевают знакомство учащихся с историческими событиями прошлого и настоящего.

Итак, по мнению создателей Духовного регламента, можно совмещать несколько «учений» вокруг одного «часа»: «Уча грамматике, может учитель с нею учить купно и географию, и историю» [Там же. С. 54]. При этом упоминается история церковная и история «внешняя», «универсальная», т.е. всемирная. Например, на уроках грамматики учитель мог предлагать для перевода с латыни тексты на географическую или историческую тематику. При этом год, отведенный для изучения грамматики, должен был разделяться надвое. Первые полгода предписывалось изучать грамматику и географию, вторые – грамматику и историю, потому как «историю честь без ведения географского, есть как бы с завязанными глазами по улицам ходить» [Там же. С. 53]. На уроках географии учитель должен показывать «универсальную ситуацию мира», чтобы ученики «на глобусе могли перстом показать, когда кто спросит их: где Азия? где Африка? где Европа?». Изучение исторических текстов на уроках грамматики было призвано оживить и разнообразить «невеселое языка учение» [Там же. С. 54].

В числе учебных пособий для академического преподавания Духовный регламент рекомендовал для переводов с латыни сочинения Иустина Философа (ок. 100–165), написанные «чистым латинским языком», и сочинения немецкого юриста, историка, философа С. Пуфендорфа (1631(32)–1694). Не уточнялось, какие именно книги С. Пуфендорфа рекомендовались, но известно, что в России в тот

период были изданы два его сочинения: «Введение в историю европейскую» (СПб., 1718) и «О должностях человека и гражданина» (СПб., 1724).

При школах Духовным регламентом предписывалось открывать библиотеки: «при школах надлежит быть библиотеке довольной; ибо без библиотеки, как без души академия» [2. С. 53]. Для преподавателей библиотека должна была быть открыта «во все дни и часы», а для учащихся и сторонних лиц – в установленное время. Читать предписывалось в самой библиотеке, а «книги по келиям разбирать» запрещалось. Важно отметить, что Духовный регламент закреплял необходимость обращения к первоисточникам. Пока что правило распространялось на изучение богословия, в отношении истории оно стало действовать позднее. Изучать богословие предписывалось «не по чужим сказкам, но по своему ведению и при чтении Священного Писания, знакомить студентов академии с текстами, на которых основываются догматы веры, чтобы они не сомневались в истине преподаваемого им учения» [Там же. С. 53].

Помимо классных занятий с историей, ученики встречались и за общей трапезой. За трапезой учителю или префекту (надсмотрщику) предписывалось читать вслух для учеников «истории воинские или церковные», «повести о мужах, во учении просиявших, також и о древних и нынешних философах, астрономах, риторах, историках и прочая». Считалось, слушание их «и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет» [Там же. С. 62]. Еще одна встреча с историей ожидала учеников при подготовке театральных постановок. Как правило, источником сюжетов для студенческих спектаклей служила ветхозаветная или античная история и мифология. Обычай ставить спектакли (мистерии) существовал в духовных школах Украины, в Славяно-греко-латинской академии в Москве, духовной школе митрополита Димитрия в Ростове.

Таким образом, Духовный регламент впервые закрепил необходимость изучения в духовных школах общеобразовательных предметов, а среди них – церковной и светской истории. История рассматривалась как источник нравоучительных примеров, изучение прошлого признавалось общественно полезным делом, способствующим нравственному воспитанию.

Как писал историк А. П. Лебедев, «история, по Регламенту, представлялась веселой забавой для скучающих юношей. Мнение

невысокое! Едва ли оно хоть сколько-нибудь могло располагать к серьезному занятию историей» [3. С. 6]. Введенная Духовным регламентом в круг изучаемых в духовных образовательных учреждениях дисциплин история воспринималась при этом на протяжении всего XVIII в. как не самостоятельная, а вспомогательная наука.

* * *

Складывание серьезного интереса к отечественной истории стало одним из наиболее характерных явлений духовной жизни рубежа XVIII–XIX вв. От истории теперь ожидали не только описания прошлого, но и объяснения, советов и решений по злободневным политическим и социальным вопросам. Исторические события впервые начали рассматриваться «в качестве системы, некоего значимого единства» [4. С. 94].

В конце XVIII столетия российская историческая наука в лице М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина приобрела свою национальную профессиональную основу. В русском обществе возник интерес к обсуждению литературных, исторических и социальных вопросов. Прогресс в отечественном историописании, связанный с влиянием просветительской мысли, выражался в формулировке общих представлений об истории: ее предназначении и целях, методах, подходах к изучению источников. Как указывает Г. В. Вернадский, к этому периоду возник «довольно широкий круг любителей русской старины, искавших в истории аргументов для защиты самобытности русской культуры в противоположность повальному увлечению французскими модами и французским вольнодумством» [5. С. 62]. «Любителями русской старины»: А. И. Мусиным-Пушкиным, И. П. Елагиным, А. Н. Олениным, занимающимися поиском новых фактов и документов, было издано значительное количество летописных списков и памятников русского права. Собранием, публикацией и изучением исторических памятников, превратившимися в это время в самостоятельное направление научной деятельности, занимались Н. И. Новиков, Н. Н. Бантыш-Каменский, митрополит Евгений (Болховитинов).

Рубеж XVIII–XIX вв. в развитии отечественной исторической мысли явился временем критического осмысления ее состояния и

определения нового отношения к историческому знанию, именно тогда возникла его отдельная отрасль – история церкви.

Рассмотрим труды трех духовных писателей, стоявших у основания церковной исторической науки: *митрополита Московского Платона (мирское имя – Петр Георгиевич Левшин, 1737–1812), митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Евфимий Алексеевич Болховитинов, 1767–1837) и епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Иларион Дмитриевич Смирнов, 1784–1819).*

Будущий митрополит Платон образование получил в Славяно-греко-латинской академии. Дореволюционные историки отмечали его отличные природные способности, склонность к уединению и научным занятиям и особый интерес к истории и географии [6]. После окончания обучения он был оставлен преподавателем теории поэтического искусства и греческого языка, через год Петр Левшин был переведен учителем риторики и катехизатором в Троицкую семинарию. В 1758 г. в Троице-Сергиевой лавре он принимает монашество, а спустя три года становится ректором семинарии и преподавателем богословских дисциплин.

В области богословия митрополит Платон знаменит «Увещанием к раскольникам» (1766) и «Краткой российской церковной историей» (1805), представляющей первый опыт систематической разработки истории Русской православной церкви. Литературный талант митрополита проявился и в его блестящих проповедях, катехизисах, путевых записях.

Митрополит Платон успел испытать мировоззренческое воздействие просветительских идей времен Екатерины II. Организуя духовные школы (знаменитая Вифанская семинария, духовные училища в Николо-Перервинском и Саввино-Сторожевском монастырях Московской епархии), он ставил задачу воспитать новое, «ученое и культурное» поколение служителей церкви. По его мнению, священнослужителю необходимо быть гармонично и всесторонне развитым, при этом изучение богословских дисциплин должно сочетаться с общеобразовательными предметами, а успехи в науках – с нравственным совершенствованием.

Современные биографы пишут о митрополите Платоне не столь восторженно, как их дореволюционные предшественники. Но тем не менее и они признают, что митрополит заслуживает репутацию од-

ного из самых просвещенных и образованных людей своей эпохи [7].

Поводом к написанию «Краткой российской церковной истории» явилась необходимость создания современного, специализированного, обобщающего учебного пособия по церковной истории для учащихся: «Побуждением же к написанию сей церковной истории наиболее было то, что в училищах духовных предписывано было, чтоб обучать церковной истории, и она хотя и была обучаема... особенной Российской церковной истории доселе не было» [8. С. 9]. Излагая церковную историю, ученый, по мысли митрополита, должен обращаться к фактам истории «гражданской» в той мере, в которой это необходимо: «где оне с церковными делами были связаны, и одне другим служили объяснением», поскольку «церковные дела с государственными соединены нераздельным союзом» [Там же. С. 9–10; 9. С. 231].

Для автора важно предупредить читателя, что его сочинение является несовершенным; ссылаясь на свой преклонный возраст, просит извинить за допущенные ошибки. Но, как отмечает митрополит, «по неимению доселе никакой церковной Российской истории, послужит она в духовных училищах и некоторой пользе, хотя и на время; а тем, кои просвещеннее, и с большим в сию материю вниманием взойдут, подаст она случай обстоятельнее и исправнее издать Российскую церковную историю» [Там же. С. 11].

Хронологические рамки «Краткой российской церковной истории» охватывают период с X до рубежа XVIII–XIX вв. Отчетливо просматривается свойственный историкам века Просвещения «энциклопедизм»: стремление объединить в одном сочинении все исторические периоды, представить целостную картину исторического развития.

Митрополит Платон указывает источники, на которые опирался при работе над своим трудом: это «Степенная книга царского родословия», «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына, «История Российская» В. Н. Татищева, «История Российская от древнейших времен» М. М. Щербатова, «Ядро российской истории» А. Я. Хилкова, «Древняя Российская Вивлиофика» – издание письменных памятников по истории России, предпринятое просветителем Н. И. Новиковым. Митрополит Платон длительное время работал с летописным материалом. Под его руково-

дством в Московской Синодальной типографии издавались русские летописи, жития и тексты служб русским святым [10]. Много уникальных документов он получил благодаря разбору и систематизации архива московской консистории. Митрополит Платон знакомился с источниками и в путешествиях по России, интересуясь церковными книгохранилищами и архивами, не всегда доступными в то время для светских исследователей. Например, в 1804 г. он совершил поездку в Киев, во время которой собирал материалы для «Краткой российской церковной истории» [11. С. 122].

В тексте «Краткой российской церковной истории» в большинстве случаев ссылки на источники митрополит Платон не делал, извиняясь своими преклонными годами и «болезненным припадками». Он писал: «Я сам от себя ничего не выдумывал. Кто пожелает потрудиться помянутые летописцы прочесть, в них все писаное мною найдет, кроме моих собственных, в некоторых местах рассуждений... Также не ручаюсь я и за хронологию, чтоб везде все годы положены были в самой точности. Ибо и в самых летописцах премногие в годах сретаются разности, которые все приводить в согласие почел делом не моих сил; да и хронология требует особого подвига» [8. С. 14]. Таким образом, с одной стороны, митрополит не выдумывал фактов, не заполнял ими пробелы (к чему время от времени прибегали светские историки, его современники) [12], но, с другой стороны, критически осмыслить, к примеру, хронологические данные древнерусских летописей он не смог (что не сделано и сейчас, поэтому значимо, что митрополит уже в то время смог увидеть проблему хронологических нестыковок в летописных текстах).

В своем сочинении митрополит Платон пытается высказывать собственные предположения о происхождении различных слов. Так, рассуждая о язычестве, он обращается к этимологии слова «Бог»: «...имя Бог, по всей вероятности, происходит от слова “бой”; а “бой” происходит от “бию”, “поражаю”». И сие понятие о Боге есть свойственно почти всем народам, которые всегда Бога представляли, яко всесильного, яко могущаго страшными казнями и сотрясением карать всех человеков и все твари» [8. С. 5].

Как известно, митрополит поддерживал политику Екатерины II по секуляризации монастырских земель. Это нашло отражение, например, в «Краткой российской церковной истории», где он пишет о том, что преподобный Сергий Радонежский принял в дар земли от

князя Дмитрия Донского лишь потому, что «не хотел Сергей неприятием оскорбить веры Димитриевой, и что он таковое даяние не к себе относил, но к устроению обителя и к снабдению странных и неимущих. Ежели то после него не так было употребляемо, как надлежало, от сего чужд был праведный муж» [8. С. 213].

Наиболее важные для него концепции митрополит Платон стремится рассмотреть детально и критически. К примеру, такой основополагающий вопрос, как распространение христианства на Руси, он исследует, руководствуясь разными источниками: «Нестор пишет, что Святой Апостол Андрей приходил через Евксинское море и Днепр в Киев, и там на горах поставил крест, прорекши, что там имеет быть христианство; потом тем же Днепром доплыв того места, где ныне Новгород» [Там же. С. 11]. Другие историки – Евсевий и Дорофей – писали, что апостол Андрей «кроме других народов, обитающих в Азии и в Греции, проповедовал скифам... Но какие именно были сии скифы и в каких местах, сие требует особенного испытания» [Там же. С. 12]. При этом сам митрополит утверждал, что доказательств посещения Киева и Новгорода апостолом Андреем нет, следовательно, уверенно говорить о распространении христианства на Руси можно, начиная лишь с периода правления княгини Ольги. Это важно отметить, поскольку церковные историки более позднего периода зачастую принимали на веру предание о посещении Киевской Руси апостолом Андреем.

Но в других случаях митрополит мог выдать легенду за исторический факт. Например, известнейший сюжет о выборе веры князем Владимиром, увидевшим в христианском храме изображение Страшного суда, где живо и выразительно были представлены праведники, идущие в рай, и осужденные на вечную муку грешники: «Сие тронуло Владимира до глубины души, и он сознавая себя по совести во многих пороках и беззакониях суща, от всей внутренности вздохнул и сказал: добро сим одесную, а сим горе ошуюю грешникам» [Там же. С. 21–22].

Для утверждения истинности христианства и преследуя просветительские и воспитательные цели, митрополит порой игнорировал факты, не вписывающиеся в его историческую концепцию. Так, о христианизации Древней Руси он писал: «Присем приметить надлежит, что народ, по велению Владимирову, тотчас без всякого сопротивления или роптания оставил прежнюю свою веру языческую и

принял христианскую... А из сего видно, что оно языческое служение никакого в сердце их не имело уверения и твердости, а состояло только в одной наружности» [8. С. 32]. Очевидно, многовековое противостояние языческой веры и христианства автор предпочел не замечать.

Митрополит Платон прилагает к тексту «Краткой российской церковной истории» различные документы, выдержки из летописей, речи Ивана IV, поучения митрополита Макария Московского, Максима Грека, что вполне соответствовало духу времени – зарождению интереса к историческому источнику.

Одним из бесспорных положительных последствий крещения Руси он отмечал «умножение просвещения в русском народе, тогда невежественном» [Там же. С. 35]. Под «надзиранием» епископов открывались училища, в которых детей обучали чтению и письму. Вероятно (и вполне обоснованно), митрополит Платон видел себя продолжателем этого учительного служения православной церкви. Но при этом он обращал внимание на то, что всегда «были князи и другие властелины не сведущие, и духом Евангелия не были просвещены. У многих вера состояла только в одной наружности, в одних внешних обрядах; переменен наружной вид, но не переменялась душа» [Там же. С. 126].

Автор осуждает «игру человеческих страстей», в назидание приводя примеры смелых, честных, доблестных христиан: с почтением и любовью пишет он о святых благоверных князьях Александре Невском и Михаиле Черниговском, о «любителе простоты» Сергии Радонежском. В правителях митрополит ценил мудрость, смирение, рассудительность. Митрополит Платон в качестве примера высокой нравственности, честности, благородства приводит жизнь духовенства времен Смуты XVII столетия: «А многие архиереи, монахи же почти все, явно обличали самозванцев, и им не покорялись, и чрез то многие испили смертную чашу: однако оставили по себе вечную память, и явное доказательство подали, колико твердая государству подпора есть духовенство» [9. С. 203]. Здесь мы видим еще одну важную мысль, стержнем проходящую через все произведение: государственная власть и церковь связаны между собой и нераздельны.

В «Краткой российской церковной истории» митрополит Платон не мог не уделить внимание церковному расколу XVII в. Признавая

необходимость церковной реформы, он указывает на то, что провести ее можно было бы более мудро и осторожно: «Патриарх Никон, яко муж просвещенный выше века своего, усмотрев в церковных книгах многие от неискусных переводчиков и от неисправных переписчиков погрешности... созвал Собор в 1654 году, где обще положено было, церковные книги исправить противу древних греческих и российских книг... Но видится, что далее поступлено в сем случае неосмотрительно: велено новоисправленные книги везде принять, а старые обирать. А надлежало было, объяснив все причины исправления книг, и представить пред очи видимые ошибки; также оговорив, что и в старых книгах ничего Церкви противного не заключается... Но, как стали везде насильно новые вводить, а старые обирать, возстал ропот, возмущение, мятеж и раскол» [9. С. 236–237].

Считая первостепенной воспитательную функцию истории, митрополит Платон надеялся, что его труд послужит к «пользе и наставлению юношества, в духовных училищах наших обучаемого, дабы они, подражая древним духовным святым мужам, не столь, по Апостолу, в научении странна, и различна прилагали, сколь добродетелю и благодатию утверждали бы сердца свои» [8. С. 19].

Сочинение митрополита Платона стало актуальным и своевременным – действительно, в начале XIX столетия опыт полного и систематического описания церковной истории был необходим. Следует отметить его умение сочетать события светской и церковной истории, в результате «гражданская» история не заслоняла собой церковную, а излагалась в той мере, в какой была необходима для того, чтобы события церковной истории оказались вписанными в общий контекст развития государства и стали понятными читателю.

«Неутомимо-усердный деятель на поле науки» [13. С. 237], Евгений (Болховитинов) окончил Воронежскую духовную семинарию, затем поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Кроме этого, Евгений (Болховитинов) посещал лекции в Московском университете по всеобщей нравственной философии и политике, опытной физике, всеобщей истории, французскому красноречию и немецкому языку. Будущий историк имел широкий кругозор, был в курсе тенденций российской и европейской науки, литературы, философии. Становлению интереса к науке во многом способствовало его знакомство с известным историком, археографом, архивистом

Н. Н. Бантыш-Каменским, проделавшим огромную работу по сбору, систематизации, публикации государственных грамот, договоров, дипломатических актов.

После окончания академии Евгений (Болховитинов) был направлен в Воронежскую духовную семинарию преподавателем риторики, греческого языка, курса греческих и римских древностей, церковной истории и философии. В 1796 г. он произведен в сан протоиерея, немного позже назначен префектом (инспектором) семинарии. В 1799 г. был вызван в Санкт-Петербург для занятия места префекта духовной академии. В марте 1800 г. он принял в Санкт-Петербурге монашество, в 1822 г. возведен в сан митрополита Киевского и Галицкого.

Евгений (Болховитинов) написал множество работ на богословские («О трудности естественного богопознания», «Рассмотрение исповедания духобоческой секты»), филологические («Рассуждение о надобности греческого языка для богословия и об особенной пользе его для российского языка», «Новая латинская азбука») и даже естественнонаучные темы («О свойствах и действии воздуха», «Пастырское увещание о прививании коровьей оспы»). Митрополит помогал библиографу и издателю В. С. Сопикову в составлении «Опыта российской библиографии». Еще в Воронеже он предпринял попытку написать «Российскую историю», но работа осталась незавершенной, вероятно, «некоторой причиной этого послужили недостаток материалов и нужных пособий и положение провинциального работника», и в дальнейшем митрополит предпочитал заниматься историей «отдельных краев или предметов» [14. С. 18].

Важнейшим увлечением митрополита Евгения стало краеведение: везде, где бы он ни был, стремился привести в порядок местные архивы, отыскать и опубликовать не известные ранее исторические материалы. Следует отметить, что автор в краеведческих трудах стремился исходить из имеющегося материала, а не домысливать факты. По аналогии со светскими научными обществами, членом которых он являлся (кружки Н. П. Румянцева, Н. И. Новикова), митрополит создавал научные кружки при духовных учебных заведениях Воронежа и Киева. Несмотря на занятость, митрополит ездил по монастырям, лично руководил археологическими раскопками Десятинной церкви в Киеве, по его распоряжению «в архиерейский дом целыми возами доставляли разного рода архивный материал,

среди которого находились памятники русской письменности» [15. С. 412]. В числе его многочисленных краеведческих работ отметим следующие: «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй архивных записок и сказаний», «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии», «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «О древностях вологодских и зырянских», «Летопись древнего славянского города Изборска», «История Киево-Печерской лавры и ее описание» и др.

Еще один ключевой научный интерес митрополита – биографии духовных и светских писателей. Работая над составлением «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви», автор помещал в нем «биографические, а особенно ученые обстоятельства авторов» [16. С. 10]. Часть биографий он заимствовал из «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова, но при этом тщательно их перерабатывал, стараясь определить значение и место каждого писателя в литературной и научной жизни России. Первый том словаря митрополита Евгения с краткими и точными статьями, явившимися результатом большой проделанной работы, вышел в 1838 г.

В целом взгляд митрополита на историю таков: «история... должна быть повествованием, собранием фактов, имен, без субъективного отношения к этому собранию» [15. С. 413]. Вследствие этого его труды носили хронографический, описательный характер, где приведены преимущественно факты и цифры, а не их объяснение. Если митрополит Платон морализировал в своих трудах, то митрополит Евгений стремился транслировать новое знание, издать неизвестные документы, рассказать читателю об исторических событиях. В приложениях к его трудам находили место извлечения из старинных памятников письменности, вновь открытых архивных материалов. К примеру, в приложении к «Историческим разговорам о древностях Великого Новгорода» (1808) опубликованы «Прибавление первое о древних улицах Великого Новгорода», «Прибавление второе о древних монастырях и церквях Новгородских в самом городе и около него находившихся», «Прибавление третье о пятинах Новгородских» [17. С. 71–98].

Современники обвиняли митрополита в поверхностности, недостаточно тщательной разработке избранных им тем, но при его

стремлении охватить максимально широкий спектр вопросов иначе было невозможно. Несмотря на имеющиеся недостатки, его заслуга как историка и собирателя источников чрезвычайно велика. Занимаясь поиском и первичной обработкой документов, он внес вклад в развитие исторической науки, подготавливая основу для следующих за ним поколений ученых. Известный русский филолог-славист И. И. Срезневский позднее напишет о нем: «Научной деятельности посвятил он все свое время, со стойкостью и прямоотой, заслуживающей подражания. Начал ее в то время, когда строгих научных исследований у нас почти не было; продолжал с тем же успехом и тогда, когда они стали появляться все чаще и чаще; продолжал до последних лет долгой жизни с прежней юношеской любовью; как благородный труженик науки и честный русский, радуясь всякому новому труду и пользуясь своим положением для поддержания и успеха таких трудов, помогал им своими советами и указаниями, своими работами, своим влиянием на других» [16. С. 2].

Историк, поставивший перед собой цель воссоздать историю не только российской, но и зарубежных церквей, Иннокентий (Смирнов) родился в 1784 г. в селе Павлове Московской губернии (в настоящее время – г. Павлов Посад). Как и большинство детей из семей духовенства, обучался в семинарии: сначала в Перервинской, а затем в Троице-Сергиевой. Обучение в Перервинской духовной семинарии не могло оставить ученика равнодушным к личности ее основателя митрополита Платона: «очевидно, что молодой Иннокентий был искренним почитателем митрополита Платона, их духовные качества и добродетели обнаруживали большое сходство» [18. С. 39].

С 1809 г. Иннокентий (Смирнов) преподавал философию в Троице-Сергиевой семинарии, а затем стал ее инспектором. 6 августа 1810 г. молодой монах был назначен игуменом сначала Николо-Угрешского монастыря, 14 октября того же года – Знаменского монастыря в Москве. В 1813 г. он стал профессором и ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, а годом позднее был удостоен степени доктора богословских наук. В 1819 г. был хиротонисан во епископа Пензенского и Саратовского, вскоре скончался от болезни. В 2000 г. Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский и Саратовский Русской православной церковью был причислен к лику святых.

Самый масштабный исторический труд Иннокентия (Смирнова) – «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества» (1817), служившее вплоть до 1860-х гг. пособием по церковной истории в духовных учебных заведениях. Епископу Иннокентию принадлежат гомилетические и богословские сочинения: «Богословие деятельное, подлежащее и практическое», «Опыт изъяснения первых двух псалмов», «Изъяснение Символа веры»; проповеди, отчасти изданные при жизни, отчасти напечатанные в духовном журнале «Странник»; письма к духовным чадам, опубликованные в «Чтениях Московского общества истории и древностей» (1874). Собрание его сочинений издано в 1821 г. в Петербурге.

В предисловии к «Начертанию церковной истории» автор пишет о своем понимании исторического процесса: «История Российской церкви есть повествование царства Христова в нашем Отечестве – в России. Следственно, и предмет сей истории должен быть царствование Иисуса Христа – царя небесного в той стране, где мы живем; в тех местах и храмах, которые мы видим и осязаем» [19. С. 1].

Иннокентий (Смирнов) понимал, «как далек был его труд от требований серьезной науки» [2. С. 15], ведь он был создан в крайне сжатые сроки. Иннокентий (Смирнов) сознавал недостаточность источниковой базы, к тому же был критичен к своему мастерству историка: история, как говорил он, «почерпнута из скудных источников, какие были на месте и во время Начертания, и притом такою рукою, которая не могла достигать до глубины духовной в событиях человеческих; по сему не могла и показывать их величия, разве в частях раздробленных... Читатель из сего должен заключить: 1) Что ему самому надлежит искать источников, дабы обогатить историю церкви событиями; 2) Что ему же самому в оных событиях надлежит открыть глубину путей Божиих, коих темное око сочинителя не могло открыть, и даже приметить» [19. С. 1].

Труд епископа Иннокентия (Смирнова) состоит из двух частей, раскрывающих историю древней и Русской православной церкви. «Начертание церковной истории» испытало на себе существенное влияние работ немецкого богослова Вейсмана, особенно в области структурирования текста, которое А. В. Карташев охарактеризовал как усвоение «дурного примера некоторых старых западных историков излагать историю по отдельным векам, с якобы особой, инди-

видуальной их характеристикой, на самом деле до курьезности внешней и искусственной» [20. С. 19–20].

«Начертание церковной истории» носит фрагментарный, разрозненный характер, автор порой даже не пытается связать между собой отдельные очерки: «Пустынничество», «Печерский монастырь», «Достопамятные лица» и т.д. Иннокентий (Смирнов) параллельно описывает события в разных странах – России, Швеции, Словении, Болгарии. Такой стиль изложения позволяет предположить, что труд Иннокентия (Смирнова) является собранием его лекций. Кроме непосредственно исторических событий, он пишет о различных «аномальных явлениях»: на страницах его сочинения находят место «власьянистая комета», «солнечные затмения», «кровавый дождь», «шестокрылая гусеница». Таким образом, церковная история в трактовке автора включает в себя и историю церковной иерархии, и «подвиги мужей благочестивых», и знамения, чудеса, обычаи, обряды, праздники, богослужения.

Иннокентий (Смирнов) обращается к достаточно широкому кругу сочинений византийских и средневековых европейских писателей: Льва Философа, Георгия Кедрина, Василия Македонянина, Мариана Шотландца, Адама Бременского, Чезаре Баронио. Среди российских источников присутствуют Кормчая, Макарьевские Четьи-Минеи, Требник патриарха Иоасафа; сочинения Максима Грека, Симеона Полоцкого, архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия. Обращается он также к трудам митрополита Платона (Левшина), В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова. Перед непосредственным изложением исторического материала Иннокентий (Смирнов) приводит краткие биографические сведения об авторах и перечисляет их основные труды.

Особенно подробно Иннокентий (Смирнов) останавливается на «Повести временных лет». Автор восхищается тем, что Нестор «описывал события с таким беспристрастием, какое может быть у писателя, взирающего на все земное, как на чуждое ему, с такою основательностью, какую можно находить в муже просвещенном и рассудительном... На общественные и обыкновенные события взирает как на такие происшествия, коих основание лежит не в одной человеческой воле, но и судьбах промысла, действующего приспособительно к волям человеческим» [19. С. 113–114]. Естественно, мы понимаем, что сложно говорить о какой-либо беспристрастно-

сти, учитывая, что летописи представляли собой «мозаичное полотно» из различных известных средневековому книжнику произведений [21. С. 12]. Сам епископ идеалу беспристрастности не соответствовал: например, к католической церкви он относился с враждебностью и недоверием: «Поспешность, с кою она возростала, не позволяет верить, чтобы уготовлялись ей христиане, разумеющие христианские обязанности» [19. С. 392]; лютеранская церковь в его представлении – вообще «храмина, основанная на песке» [Там же. С. 551].

Помимо исторических событий, автор описывает «состояние учения о церкви», где в соответствии с хронологией перечисляет духовных писателей и их сочинения, что с определенной долей условности можно назвать подобием историографического обзора. Историография получила статус специальной отрасли исторических знаний со своим предметом, объектом и задачами только во второй половине XIX в., поэтому описание «состояния учения о церкви», сделанное епископом, по-своему ценно. Вырисовывается в сочинении и образ историка: «Муж отличный в свое время дарованиями, ученостью и почестями, повествователь искренний, строгий в порядке и весьма назидательный для читателей» [Там же. С. 173–174]. Автор более всего ценил «ученость и изящество» в исторических сочинениях и, перечисляя «достопамятных» лиц церковной истории, на первое место ставит духовных писателей, а только за ними – пастырей.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX в. сформировались и утвердились два взгляда на сущность церковной истории. В соответствии с первым история рассматривалась как источник нравоучительных примеров, которые историк формулировал и предоставлял читателю. Изучение прошлого признавалось общественно полезным делом, способствующим духовному воспитанию, познанию нравственно-этических уроков истории. Второй подход провозглашал, что цель истории – нести знание, анализ, поиск закономерностей, а не моральную оценку; представлять собой последовательное и, по возможности, беспристрастное изложение фактов, осмысливать и интерпретировать которые надлежит уже самому читателю. Эти два подхода к церковной истории будут сосуществовать и в дальнейшем, противостоять и дополнять друг друга.

Источники и литература

1. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 600 с. (репр. изд. Париж, 1937).
2. *Духовный* регламент всепресвятейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. – М. : Синодальная тип., 1897. – 196 с.
3. *Лебедев А. П.* Вступительная лекция по истории церкви, прочитанная в Императорском Московском университете 11 октября 1895 г. // Лебедев А. П. «Великий и в малом...». Исследования по истории Русской церкви и развития русской церковно-исторической науки. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. – С. 5–34.
4. *Рудковская И. Е.* Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 92–99.
5. *Вернадский Г. В.* Русская историография. – М. : Аграф, 1998. – 448 с.
6. *Ховаковский В.* Биографические очерки. Платон, митрополит Московский. – СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1870. – 65 с.
7. *Бессарабова Н. В.* Мировоззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина) // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 141–147.
8. *Платон (Левшин).* Краткая российская церковная история. – М. : Синодальная тип., 1823. – Т. 1. – 396 с.
9. *Платон (Левшин).* Краткая российская церковная история. – М. : Синодальная тип., 1823. – Т. 2. – 359 с.
10. *Алехина Л. И.* Митрополит Платон – издатель службы и жития благоверного князя Даниила Московского // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 50–57.
11. *Глазева А. С.* Жизнь и взгляды Московского митрополита Платона (Левшина) // Российская история. – 2010. – № 6. – С. 120–131.
12. *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева : источники и известия. – М. : Новое литературное обозрение; Киев : Критика, 2005. – 544 с.
13. *Бычков А. Ф.* О словарях русских писателей митрополита Евгения // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 217–292.
14. *Полетаев Н.* Труды митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) по истории Русской церкви. – Казань : Универ. тип., 1889. – 587 с.
15. *Евгений (Евфимий Болховитинов)* // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 11. – С. 411–413.
16. *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 1–64.

17. *Евгений (Болховитинов)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. – М. : Губернская тип. Решетникова, 1808. – 99 с.

18. *Зелев С. В.* Святитель Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский – выпускник Перервинской духовной семинарии // Платоновские чтения : сб. матер. конф. – М., 2007. – С. 38–44.

19. *Иннокентий (Смирнов)*. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества. – М. : Синодальная тип., 1834. – 564 с.

20. *Карташев А. В.* Систематические построения истории русской церкви // Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви : в 2 т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 12–39.

21. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 399 с.

1.2. Труды А. В. Горского: к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия

В XIX столетии неуклонно повышался общественный и социальный статус исторической науки. Тема истории заняла ведущее место в литературе, живописи, музыке, что привело к невиданной ранее популяризации знаний о прошлом и как следствие к историческому опыту России, прогнозированию возможных путей ее дальнейшего развития.

С середины 1830-х гг. научная и общественная мысль России обратилась к философии Г. Гегеля, представлявшей историю как процесс, непрерывное движение от несовершенства к совершенству; как самораскрытие в конкретной истории народов некоего абсолютного духа. В связи с этим укреплялась идея, что требуется изучать не историю монархии, а историю народов, возникновение и эволюцию государственного, правового и социального строя. Все сильнее осознавалась недостаточность старого, описательного подхода для решения животрепещущих политических и социальных задач современности. Под воздействием позитивизма в российской исторической науке середины XIX в. постепенно находили место убежденность в научности истории и стремление представить историческое знание как объективное и достоверное. Более доступными стали архивы; оживилась работа археографических комиссий; появились новые периодические издания, сосредоточенные на исторической тематике. В исторической науке углублялись специализация и диф-

ференциация. Произошедшие в светской исторической науке интеллектуальные подвиги в той или иной мере находили отражение в трудах церковных историков.

Попробуем проследить их, обратившись к научному наследию *Александра Васильевича Горского (1812–1875)*, по мнению дореволюционных и современных исследователей, «открывшего» церковную историческую науку, став «первым церковным историком в строгом и истинном смысле этого слова» [1. С. 285].

Информационной основой для исследования научного наследия А. В. Горского служат многочисленные воспоминания и труды его современников – церковных историков, священнослужителей, общественных деятелей: Н. И. Субботина, Е. Е. Голубинского, А. А. Спасского, П. С. Казанского, Н. Ф. Каптерева; дневник самого А. В. Горского, который он вел с 1830 по 1875 г.

При это современных исследований, посвященных научной и педагогической деятельности А. В. Горского, в особенности его историческим воззрениям, не так много. Его личности посвящены монографии Г. Гоголева [2], А. С. Мелькова [3], а также статьи И. Хибарина [4] и А. С. Мелькова [5] в «Журнале Московской патриархии».

Вопросы о том, какие основы должна иметь под собой церковная историческая наука, как наиболее эффективно организовать ее преподавание, остаются актуальными и для современного религиоведения. Поэтому небезынтересно подробнее рассмотреть взгляды А. В. Горского на церковную историческую науку и ее преподавание в духовных учебных заведениях.

Родился А. В. Горский в 1812 г. в семье преподавателя Костромской духовной семинарии. После окончания духовного училища и семинарии в 1828 г. поступил в Московскую духовную академию. В студенческие годы проявился его интерес к истории.

Имя А. В. Горского неразрывно связано с Московской духовной академией, и именно ему академия была обязана «тем широким развитием, какое нашли в ней церковно-исторические занятия» [1. С. 285]. С 1833 г. А. В. Горский – бакалавр церковной истории, с 1837 г. – экстраординарный профессор Московской академии, с 1839 г. – ординарный профессор. С 1834 по 1862 г. он служил в библиотеке Московской академии (с 1842 г. заведовал библиотекой). С 1833 по 1862 г. возглавлял кафедру церковной истории. В 1860 г.

возведен в сан протоиерея (будучи безбрачным, что вызвало в обществе немало споров). В 1862 г. А. В. Горский был назначен ректором академии: редкий случай, когда духовную академию возглавил представитель белого духовенства.

Вот что писал о назначении А. В. Горского ректором Е. Е. Голубинский, в то время еще студент академии: «Слух о назначении Александра Васильевича Горского в ректоры академии встречен был студентами и профессорами с тревогой и страхом, так как первые опасались, что он будет строгим ректором и скрутит их, а вторые опасались, что он будет ходить на лекции и как человек многоученный, будет подвергать последние строгой критике. Но тревоги и страхи одних и других оказались совершенно напрасными. Что касается до студентов, то Александр Васильевич вовсе не обуздал их: он хотел действовать на них кроткими мерами увещания и вразумления, но это решительно ни к чему не служило... Ректорство тяготило его и отвлекало от научных занятий, что было ему крайне тяготно» [6. С. 41–42].

После назначения А. В. Горский перешел на кафедру догматического богословия: в силу существующей в то время традиции ректор академии непременно должен был преподавать догматику. Но и в лекциях по догматическому богословию А. В. Горский следовал собственным научным интересам: раскрытию сущности догмата предшествовал рассказ об исторической эпохе, в которой он формировался.

А. В. Горский обладал несомненным педагогическим талантом. Проблема методики преподавания была актуальна для всех духовных учебных заведений: от училищ до академий. Принцип обучения того времени, который А. В. Горский (испытав лично на себе) в дневнике очень метко охарактеризовал как «учи, что тебе дано, после подумаешь о том, что выучил» [7. С. 3], не способствовал формированию мыслящей, творческой, свободной в суждениях личности, способной создавать и преобразовывать, делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Следствием «слишком школьной metody» становилось «знание сухое, холодное... принужденный тон и бесплодность поучений, неумение говорить с народом об истинах, которые казались очень знакомыми в училищах» [Там же].

В период работы А. В. Горского в духовной академии в Учебном комитете Синода шли обсуждения методики преподавания в духов-

ных училищах и семинариях. Признавая механическое заучивание уроков «стесняющим самостоятельность умственных сил учащихся и вредящим развитию их дарований» и стремясь исправить эту ситуацию, Учебный комитет принимает решение поставить в обязанность местным учебным начальствам наблюдать, чтобы «наставники ясно и отчетливо изъясняли ученикам преподаваемые науки, чтобы при требовании от учеников отчетов в классе обращали преимущественное внимание на понимание ими того, о чем они говорят, вызывая разнообразными вопросами к свободному изложению выученного» [8. Л. 3].

Педагогическая деятельность А. В. Горского отвечала новым требованиям, была направлена на формирование научной самостоятельности, воспитание мыслящей личности, готовой работать с историческим материалом, сопоставлять и анализировать. Тридцать лет А. В. Горский преподавал церковную историю и двенадцать лет – догматическое богословие. Лекции А. В. Горского, «согретые живым религиозным чувством» [9. С. 264], отличала тщательная проработка фактов. В архиве ученого сохранились черновики его лекционных курсов, свидетельствующие о постоянной работе по их обновлению и усовершенствованию.

На лекциях по церковной истории А. В. Горский не боялся обсуждать неоднозначные вопросы, излагал разные точки зрения, предлагая учащимся самостоятельно выбирать ту, которая кажется им наиболее верной. От студентов он требовал понимания методологии изучаемой науки и классификации исторических источников [10. С. 415]. Для занятий церковной историей А. В. Горский считал необходимым знание не только церковной археологии, истории Вселенских соборов, патристики и патрологии, но и географии, статистики.

А. В. Горский принимал участие в разработке и проведении реформы духовного образования 1867–1869 гг.; был одним из основателей и постоянным автором журнала Московской духовной академии «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе» (издавался с 1843 г.); состоял почетным членом Академии наук, Московского и Санкт-Петербургского университетов, Общества любителей духовного просвещения, Общества истории и древностей российских.

А. В. Горский вел переписку с бывшими учениками, благодаря которой знал, что происходит в разных городах России; запрашивал губернские газеты, жития местночтимых святых, копии с архивных документов. Бывшие ученики обращались к нему с просьбами подсказать, какие лучше выбрать методы преподавания, как разработать учебную программу для училищ и семинарий. При этом нередко имея скудные библиотеки, они брали материал для занятий из академических лекций своего учителя [11. С. 283].

Авторитет А. В. Горского был признан в среде светских историков, филологов и публицистов: его заслуги отмечали М. П. Погодин, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев. А. В. Горский оказал влияние на формирование взглядов Е. Е. Голубинского, Н. Ф. Каптерева, А. П. Лебедева; давал консультации Н. И. Костомарову и О. М. Бодянскому. Несмотря на то, что понятие «научная школа» в богословской мысли времен А. В. Горского было непопулярным [12], можно сказать, что именно им были заложены основы научной школы историков церкви.

Среди трудов А. В. Горского стоит выделить жизнеописания святых отцов, поучения и речи, публикации памятников древнерусской литературы («Паннонские жития равноапостольных Кирилла и Мефодия», «Слово о законе и благодати митрополита Иллариона» и др.). На страницах православных журналов были изданы его очерки «Образование канона священных книг Нового Завета», «О митрополии русской в конце IX в.», «О духовных училищах XVII в.», статьи о русских митрополитах.

А. В. Горский был глубоко верующим человеком, убежденным, что «во все времена все высокое в стремлениях духа человеческого истекает из источника святой веры» [10. С. 400], исходя из этого, формулировал свое видение церковной истории как результата «присутствия и содействия Божия» [13. С. 2]. В главнейших событиях истории церкви он усматривал присутствие и действие Святой Троицы. В распространении христианства и сопутствовавших ему гонениях он видел особое действие Бога Отца, без воли которого никто не мог войти в недра церкви. Во внутреннем устройстве церковной жизни: учении, богослужении, иерархии – он признавал особенное воздействие второго лица Святой Троицы – Иисуса Христа. Направление же христианской жизни к осуществлению евангельских идеалов он считал особенной областью Святого Духа. Церков-

ную историю А. В. Горский понимал не как сумму фактов, по его мнению, она «обязана проникать во внутреннюю связь между ними, извлекать идеи факта из самого факта» [3. С. 76].

Особенность, присущая Горскому-историку, – это тщательное изучение источников и строгое изложение исторических фактов. Он не делал серьезных обобщений о законах исторического развития или о характере той или иной эпохи, вероятно, считая такие теоретические обобщения преждевременными для русской церковной исторической науки того периода.

Рассмотрим три основных труда А. В. Горского: «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам», «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», «Историю евангельскую и церкви апостольской».

В 1841 г. было написано «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры», переиздававшееся девять раз. Автор начинает изложение истории монастыря с жития Сергия Радонежского, вписывая его в исторический контекст. Например, так он объясняет причины переселения его родителей из Ростова в с. Радонеж: «Когда Ростов попал под власть великого князя Московского, они переселились со всем семейством своим в удел Андрея Иоанновича, сына великого князя Иоанна Даниловича, в село Радонеж, где наместникам княжеским обещаны были многие льготы» [14. С. 1]. А. В. Горский, сопоставляя различные исторические источники, выясняет происхождение географических названий, принадлежность земель, на которых располагался монастырь. Он никогда не забывал, что история церковной жизни раскрывалась в человеческих отношениях и потому может быть изучена только в их контексте.

Источники, которые использовал для своих реконструкций А. В. Горский, представлены грамотами из лаврского архива, описями монастырского имущества, вкладными книгами, монастырскими уставами, актами археографических экспедиций. Из сочинений российских историков были следующие: «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына, «Краткая российская церковная история» митрополита Платона (Левшина), «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви» митрополита Евгения (Болховитинова), «Дея-

ния Петра Великого» И. И. Голикова и др. Время от времени А. В. Горский включает в «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры» тексты источников полностью, в частности, это касалось патриарших грамот [14. С. 183]. Он обращает внимание читателя и на наличие разных точек зрения на исторические события, к примеру, на строительство лаврской колокольни [Там же. С. 29].

На основе монастырских описей и информации вкладных книг А. В. Горский реконструирует архитектурный ансамбль лавры. Среди несомненных плюсов осуществленного описания – его полнота. А. В. Горский включает в него абсолютно все монастырские строения – от соборов до оград. Описание храмов и разного рода монастырских построек носит справочный характер. Все постройки пронумерованы, их описание унифицировано: размеры, расположение, устройство иконостаса, имена расписывавших храмы мастеров. Если имеются более детальные сведения, А. В. Горский их непременно сообщает: «В алтаре (Троицкого собора. – К. К.) над святым престолом устроена в 1809 году, тщанием митрополита Платона, серебряная кованая, местами золоченая сень. Она поддерживается четырьмя круглыми столбами, которые украшены серебряными позлащенными виноградными кистями: серебра в ней, как показывает надпись на одном из столбов, более шести пудов с половиною; золота – на три фунта сорок золотников» [Там же. С. 17].

Составляет А. В. Горский и характеристику ризницы, содержащей множество предметов «для благоговения, любознательности и любопытства» [Там же. С. 38]. Автор приводит описание богослужебных книг и икон, крестов на престольных, священных сосудов, кадил, митр, панагий. Не мог не уделить внимание он и академической библиотеке, ознакомив читателей с «достопримечательнейшими рукописями» и документами вотчинного архива лавры, проследив пути формирования их коллекций.

Такой же справочный характер носит история самой лавры, которую А. В. Горский называет «*Летописью* настоятелей и обители». Автор последовательно перечисляет игуменов, управлявших обителью, знакомит читателя с их жизнеописаниями, более или менее развернутыми. Иногда он делает краткие заметки о том, что происходило в лавре, например: «При Митрофане (1584–1588) были переложены мощи преподобного Сергия в новую серебряную раку...

При Иоасафе (1605–1610) похоронены в лавре Годуновы» [14. С. 96–98]. Следует отметить, что биографический метод, применяемый А. В. Горским, остается одним из ключевых в современных исследованиях истории церкви [15].

Выбивается из летописного повествования лишь особая страница как в истории монастыря, так и в истории страны – его осада польско-литовскими интервентами в период Смуты, продолжавшаяся почти шестнадцать месяцев (с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г.). В изложении А. В. Горским истории этих событий мы видим два слоя: божественный промысел – небесное заступничество и историю земную: «Защитою обители было, во-первых, упование на всеильную помощь Божию и ходатайственное заступление бесценного Начальника сего монастыря, которому сама Матерь Божия дала обетование быть неотступною от его обители... Сергей, явившись во сне пономарю Иринарху, предупредил осажденных о новом приступе врагов...» [Там же. С. 100], и только во вторую очередь монастырь спасло «благоразумение и попечительность ея временных правителей» [Там же].

«Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры» отличается фрагментарностью, более напоминая справочник, чем исторический труд в нашем современном понимании. Автор «раскладывает» историю лавры на составные части и пишет о каждой отдельно: о храмах, ризнице, библиотеке, игуменах и т.д. В то время как в светской науке все сильнее и отчетливее прослеживалось стремление изучать исторические процессы в развитии, подходить к явлениям политической, социальной, духовной жизни комплексно.

За следующий труд – «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горский взялся в 1849 г. по поручению митрополита Филарета (Дроздова), по мнению которого, исследовать хранящиеся в библиотеке документы могли только ученые с богословским образованием, «сведущие в церковных догматах и законоположениях», но даже они могли это делать не иначе как «под ближайшим надзором духовного начальства» [16. С. 477]. Описание рукописей митрополит Филарет решает осуществить в ответ на жалобы светских ученых на недоступность фонда библиотеки и их желание самим заняться составлением указателя или каталога. Библиотекой стали интересоваться светские историки, публицисты, литераторы. Митрополит, в свою очередь, не желал пускать

светских ученых в свое «драгоценное книгохранилище». Это в целом соответствовало сложившейся тенденции к определенной специализации в публикациях различных видов источников, чему «в немалой степени способствовали попытки различных ведомств России использовать источники, особенно недавнего прошлого, в практике реализации возложенных на них функций и задач в области внутренней и внешней политики» [17. С. 28].

А. В. Горский работал над описанием рукописей вместе с выпускником Московской духовной академии, археографом и археологом, профессором Симбирской семинарии Капитоном Ивановичем Невоструевым (1815/1816–1872). Отталкиваясь от подходов к изданию исторических источников, выработанных представителями Румянцевского кружка, за основу А. В. Горский и К. И. Невоструев взяли «Описание рукописей Румянцевского музея», составленное филологом-славистом академиком А. Х. Востоковым и впоследствии ставшее «одним из образцов подобного рода археографических работ, ценным сводом исторических, лингвистических, палеографических данных» [18. С. 29]. По оценке историка и археографа В. П. Козлова, с деятельностью кружка связан новый этап в развитии состава публикаций: для того чтобы максимально полно и доступно донести до читателей палеографические особенности публикуемых рукописей, в подготовленных изданиях присутствуют предисловия, текстуальные примечания, комментарии по содержанию, «дополнения» или «прибавления» (части текстов других источников, поясняющие основной публикуемый документ), переводы иностранных текстов на русский язык [17. С. 339].

Все рукописи в описании А. В. Горского и К. И. Невоструева были разделены на группы (Минеи служебные, Обиходы, Святцы, Пасхалии и т.д.) и пронумерованы, указывалось количество листов. Описание выглядело следующим образом: «№ 433. Минея Общая, полуустав, XVI в., 134 л.» [19. С. 1]. Под описанием указывались филологические и исторические замечания, содержание рукописи, ее особенности, утраченные листы, например: «К переплетной доске рукописи приклеен отрывок из чернового донесения в Казанский архиерейский духовный приказ, в коем одна бывшая дворянка пишет, что в 1730 г. она принята в Свяжский Иоанновский монастырь игуменьей Анною Семеновой, и по прошествии трех лет та же игуменья наложила на нее покаяние» [Там же].

Архимандрит Иоанн (Соколов), впоследствии епископ Смоленский, в то время – преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии и член Духовно-цензурного комитета, в рецензии на «Описание славянских рукописей» в качестве недостатков указывал следующее: «...в описании такого множества списков нет ни одного вполне исправного, что ведет или может вести к мысли, будто в продолжение стольких веков церковь наша не имела слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и читала его в виде поврежденном. Для науки это не соблазнительно и не вредно; из подобного описания стольких рукописей наука может извлечь немало для себя пользы. Но благовидно ли и полезно будет издавать такое описание для общего чтения?» [16. С. 480–481]. С согласия митрополита Филарета А. В. Горский составил «апологию» на отзыв Иоанна (Соколова), защищая свободу исторической критики источников.

С научной точки зрения неполнота и фрагментарность рукописей были объективны и неизбежны, но в духовной среде не обошлось без опасений: не будет ли все это способствовать умалению авторитета церкви. Неодобрение исторического осмысления рукописного наследия Синодальной библиотеки могло иметь следующую природу: «Объективно-историческая точка зрения на прошлое только еще начала раскрываться и усваивалась с трудом, и точное воспроизведение памятников древней жизни многим казалось ничем не оправдываемым укором старине, ударом по национальной гордости и мнимым поводом к порицанию и неудовольствию... Боялись “раскола” и “соблазна”». Строго следили, чтобы результаты ученых изысканий не стали достоянием публики» [Там же. С. 478].

Итогом напряженной работы нескольких лет явились шесть томов «Описания». Этот труд в 1867 г. был удостоен Ломоносовской премии Императорской академии наук, назвавшей его «гражданским подвигом». Современники И. И. Срезневский, Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев высоко оценили эту работу. Но описание осталось незаконченным. Работа ректора академии отнимала много времени у А. В. Горского; К. И. Невоструев же в 1872 г. скончался.

В 1915 г. был издан именной и предметный библиографический указатель к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева [20]. Составителем его был Е. М. Витошинский (1869–1929) – публицист, этнограф, духовный композитор, преподававший в то время русский язык в Варшавской мужской гимназии. Руководил работой

Е. М. Витошинского профессор по кафедре русской литературы Императорского Варшавского университета А. В. Михайлов. Составление библиографического указателя значительно облегчило для исследователей пользование «Описанием», раскрыло содержащееся в нем «громоздкое количество научного материала, необходимого для ученых самых различных специальностей» [20. С. 2].

Уже после смерти А. В. Горского была опубликована «История евангельская и церкви апостольской» (1883), составленная по материалам лекций, которые он читал в академии с 1833 по 1862 г. При этом редакция опиралась на два списка лекций, один из которых принадлежал родственнику А. В. Горского, протоиерею А. К. Соколову; другой – архимандриту Соловецкого монастыря Мелетию, приобретшему экземпляр лекций у студентов академии. То, что книга написана с опорой на лекции, отражено ее стилистикой: время от времени автор прерывает повествование обращениями к студентам «предаться благоговейному размышлению». В отличие от «Исторического описания Свято-Троицкой Сергиевой лавры», «История евангельская и церкви апостольской» представляет единый последовательно излагаемый текст. Вероятно, это также следствие того, что в основе лежал лекционный материал.

История у А. В. Горского делится на две части: «1. Евангельская история – с Благовещения до Вознесения Иисуса Христа; 2. История церкви апостольской – повествующая о рождении церкви и распространении христианства апостолами» [13. С. 1].

А. В. Горский исходил из того, что евангельская история до конца непознаваема, если Господь оставляет что-то тайной, то человек об этом не узнает никогда: «Провидение приготовляет и устроит свои важнейшие дела как будто нарочно втайне, сокровенно» [Там же]. Поэтому ключевое слово здесь – *предположение*. В «Историческом описании Свято-Троицкой Сергиевой лавры» он излагал факты и утверждал; в случае с евангельской историей А. В. Горский берет на себя смелость лишь предполагать. Но при этом события евангельской истории для него столь же реальны и осязаемы, как, к примеру, осада Троице-Сергиева монастыря в XVII в.

Для толкования Евангелия А. В. Горский привлекает географические сведения и делает экскурсии в историю, к примеру, рассуждает о том, кого в Древнем мире именовали магами или волхвами [Там же. С. 50]. Он мог и сомневаться в изложенных в Евангелии событи-

ях. Так, Евангелие повествует о чудесах, которые Христос совершал в Египте в младенчестве: исцеления бесноватых, немых, прокаженных. Но, как предполагал А. В. Горский, «все, что здесь ни рассказывается, не имеет достоверности, отчасти потому, что содержит в себе много нелепого. Ежели Иисус Христос не хотел тогда скрывать своей чудодейственной силы, то для чего ему было и бежать в Египет? Той же силою он мог бы защитить себя и в Иудее... сила его раскрывалась постепенно, пока он рос и укреплялся душевно» [13. С. 61].

И, конечно же, для церковного историка было важно выразить свои мысли относительно смысла преподавания предмета церковной истории. Знать исторические события и имена недостаточно: «Учение христианское имеет своим предметом и целью не просвещение только ума правильнейшими понятиями о божестве, но наипаче исправление сердца и воли». Оно должно сделать человека лучше, «вложить в него новые святые чувства» [Там же. С. 657]. В светской исторической науке функция формирования высоких моральных и нравственных идеалов оставалась свойственной эпохе Просвещения. В церковной науке воспитательная роль истории и в середине XIX столетия не теряла значимости, но была теперь уже не единственной.

Благодаря трудам А. В. Горского церковная историческая наука «достаточно прочно существовала внутри академии, но была еще ею закрыта» [1. С. 292]. Но уже спустя четверть века «церковная история не только вышла из стен наших учебных заведений, не только сделалась общественным достоянием, но и приобрела свою не широкую, правда, но зато солидную аудиторию, сумев вызвать похвалы даже у западных ученых» [Там же. С. 293].

Источники и литература

1. *Спасский А. А.* Первая лекция по кафедре общей церковной истории // Богословский вестник. – 1903. – Т. 1. – С. 278–296.

2. *Гоголев Г.* Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – 233 с.

3. *Мельков А. С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского. – М. : Пашков дом, 2006. – 216 с.

4. *Хибарин И.* Профессор-подвижник // Журнал Московской патриархии. – 1954. – № 10. – С. 59–64.

5. Мельков А. С. Ректор Московской духовной академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской патриархии. – 2002. – № 12. – С. 47–52.

6. Воспоминания Е.Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.

7. Дневник А. В. Горского (с примечаниями С. Смирнова). – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. – 195 с. (репр. изд. – СПб., 1999).

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 148. – Д. 1372: О методике преподавания в учебных заведениях духовного ведомства. – 11 л.

9. Субботин Н. И. Воспоминания, заметки, письма // Русское обозрение. – 1896. – Т. 37. – С. 259–287.

10. Смирнов С. Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. – С. 381–441.

11. Постников П. Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 252–359.

12. Сухова Н. Ю. А. А. Дмитриевский и ученики : проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX – начало XX в.) // Церковь. Богословие. История : матер. III Междунар. науч.-богосл. конф., Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г. / под ред. С. Ю. Акишина, И. А. Никулина. – Екатеринбург, 2015. – С. 583–595.

13. Горский А. В. История евангельская и церкви апостольской. – М. : Тип. М. Н. Лаврова, 1883. – 688, V с.

14. Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. – М. : Тип.-лит. И. Ефимова, 1890. – 228, 182 с.

15. Мраморнов А. И. К вопросу о биографическом методе в изучении истории Русской церкви // Вестник Московского университета. – Сер. 8: История. – 2009. – № 5. – С. 38–50.

16. Из архива А. В. Горского // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. – С. 475–543.

17. Козлов В. П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века / В. П. Козлов. – М. : Изд-во РГГУ, 1999. – 416 с.

18. Козлов В. П. Колумбы российских древностей / отв. ред. В. И. Буганов. – М. : Наука, 1985. – 174 с.

19. Горский А. В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете / под ред. С. А. Белокурова. – М., 1917. – XVI, 528 с.

20. *Указатель* именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» / сост. Е. М. Витошинский. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1915. – 316, V с.

1.3. Российские духовные академии как центры исследования церковной истории

Во второй половине XIX столетия все отчетливее проявлялось параллельное развитие светской и церковной исторической науки, что говорило о внутреннем единстве двух отраслей знания, схожем пути их эволюции. Под воздействием позитивизма в российской исторической науке середины XIX в. постепенно находили место убежденность в научности истории и стремление представить историческое знание как объективное и достоверное. В конце XIX в. позитивистский подход вступает в стадию теоретико-методологического кризиса. Пришло осознание того, что ни одна парадигма не может претендовать на исключительность, поскольку не способна решить все проблемы, стоящие перед исследователем. Но кризис методологии не отменял ее развития, напротив, это было время интенсивных поисков. Большинство историков все же не выходило за рамки позитивизма, широко понимаемого как философское учение, обосновывающее приоритет опытного знания. Создавая свои произведения, церковные историки придерживались позитивистских установок. Изучаемые ими явления успешно укладывались в позитивистские схемы, эффективность которых была уже доказана.

Несмотря на проведенные в период правления императора Александра III контрреформы в сфере духовного образования, отодвинувшие научные задачи на второй план, к началу XX столетия представители духовно-академической среды все чаще открыто заявляли о необходимости прислушиваться к запросам времени, вдумываться в особенности современных духовных потребностей и интересов общества. Благодаря уставу 1869 г. в академиях успели появиться ученые, чьи исследования стали вершиной российской богословской мысли XIX – начала XX в., что в значительной степени нивелировало последствия контрреформ.

Широкое распространение различных религиозных обществ, кружков и собраний, стремление к популяризации церковной науки стали одной из характерных примет общественной жизни начала XX в. В столь сложное для России время церковь должна была выйти на диалог с образованной частью русского общества, и именно церковной академической науке пришлось стать таким связующим звеном. При этом, как отмечают исследователи, во всех академиях «наиболее гармоничным по составу предметов и сильным по составу преподавателей-специалистов и студентов» было церковно-историческое отделение [1. С. 294].

Рассмотрим направления, получившие развитие в церковной исторической науке второй половины XIX – первой четверти XX в., и темы, привлекавшие внимание исследователей.

Начнем с самого широкого по своему охвату предметного поля – общей церковной истории. Традиция изучения судеб христианства со времен апостольских в духовных школах была заложена в начале XIX столетия. К 1805 г. относится первый опыт церковно-исторического обозрения первых веков христианства, принадлежащий архимандриту Мефодию (Смирнову). В 1817 г. вышел в свет труд епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Смирнова) «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества» [2], служивший вплоть до 1860-х гг. учебным пособием в духовных учебных заведениях.

Значительный вклад в изучение древней церковной истории был сделан А. В. Горским, воспитавшим целую историческую школу и выдвинувшим историю на «самостоятельный ученый пьедестал» [1. С. 53]. Его ученик историк А. П. Лебедев стремился донести до русских исследователей, студентов и просто читателей все достижения европейской церковной историографии. В то время в России таких работ было немного, что делало их особенно ценными. А. П. Лебедев объединил важнейшую часть своих исследований в обобщающем труде, охватившем как греческую церковную историографию с IV по VI в., так и европейскую (прежде всего, немецкую) церковную историческую науку Нового времени в лице И. Л. Мосгейма, А. Нандера, Ф. Х. Баура, А. Гарнака и других ее представителей [3].

Детальные исследования церковной истории Египта и Эфиопии были проведены профессором Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотовым. Круг его научных интересов выходил за

рамки изучения христианского Востока и охватывал разнообразные гуманитарные и естественные науки. В. В. Болотов обладал исключительными способностями к изучению иностранных языков (он знал более 20 древних и новых языков, в их числе – коптский, сирийский, армянский, грузинский, древнеэфиопский языки), что открывало ему доступ к первоисточникам. Не ограничиваясь изучением исключительно частных вопросов, В. В. Болотов занимался разработкой общей концепции церковной истории, о чем говорят изданные уже после смерти «Лекции по истории древней церкви» [4].

Русская церковно-историческая наука не могла обойти вниманием церковную историю западных и южных славян. В Санкт-Петербургской духовной академии с 1880-х гг. работала кафедра по истории православных славянских церквей (с включением Румынской), введенная затем по уставу 1910 г. в других академиях. В разработке этого научного направления важное место занимали работы историков Е. Е. Голубинского «Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдавальной» (1871) [5], И. И. Малышевского «Западная Русь в борьбе за веру и народность» (1897) [6], А. И. Александрова «Политическая и церковная жизнь славянства в XIX веке» (1911) [7], Т. И. Буткевича «Высшее управление в православных автокефальных церквах» (1913) [8].

Поскольку своим христианством Россия обязана Византии, русская богословская и церковно-историческая наука всегда уделяла особое внимание ее истории. В конце XIX – начале XX в. исследования в области византологии (византистики) концентрируются в Академии наук и университетах, но заслуга открытия этой темы во многом принадлежит церковным историкам [9, 10]. Многие годы посвятил ее изучению И. Е. Троицкий. Его известная книга – «Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениды. К истории Восточной Церкви в XIII в.» (1873) [11] раскрывает особенности отношений церкви и государства в Византии.

Во второй половине XIX в. издаются сводные труды, охватывающие все периоды истории Русской православной церкви. В 1846 г. начал публиковать главы из своей книги о русском христианстве будущий митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) [12]. Уже в первых томах «Истории русской церкви», труда, над которым он работал вплоть до своей смерти в 1882 г.,

видны принципы, руководствуясь которыми, ученый подходит к историческому исследованию: внимательное отношение к источникам, обилие привлекаемого материала, в том числе и рукописного, строгая доказательность, опора на историографические факты. На историю Русской православной церкви митрополит Макарий смотрел как на, во-первых, часть истории единой Вселенской апостольской соборной церкви, во-вторых, часть гражданской истории России. В русской церковной истории митрополит выделил три периода, взяв за основу периодизации характер отношений русской и константинопольской церквей. Первый период – «греческий» – по его классификации был временем совершенной зависимости русской церкви от константинопольского патриарха (988–1240 гг.); второй период – «греко-русский» – периодом постепенного перехода от зависимости к самостоятельности (1240–1589 гг.); и третий период – период «русский», самостоятельный, открывался временем патриаршества (с 1589 г.). Далее по замыслу должен был следовать период синодального управления, но довести до конца свой труд митрополиту не удалось.

В историографии можно встретить разные взгляды на «Историю русской церкви» митрополита Макария. Среди слабых сторон называются обычно недостаточно глубокий анализ, отсутствие критики источников и главной идеи [13], но то, что «История русской церкви» представляет собой результат длительной и серьезной работы, не отрицалось никем.

В 1871 г. выходит первое издание «Руководства к русской церковной истории» профессора П. В. Знаменского [14], которое затем неоднократно переиздавалось с расширением хронологических границ. Первое издание завершалось царствованием императрицы Елизаветы Петровны, затем исследование было доведено до периода правления императора Павла I. «Руководство» П. В. Знаменский составил на основе занятий по гражданской и церковной истории, преподаваемых им в Казанской духовной академии. Исследователь рассматривал церковную историю в тесной связи с событиями истории гражданской, большое значение придавая экономическому и географическому факторам (что сближало его с В. О. Ключевским).

Величайший обобщающий труд был создан академиком Е. Е. Голубинским. В «Истории русской церкви» (1880–1882) исследователь прежде всего хотел обратиться к религиозной жизни обще-

ства, а не описать государственные и церковные события, биографии официальных духовных лиц [15]. Из «Истории русской церкви» читатель узнает об общественном положении и быте приходского духовенства, монастырских уставах, архитектуре церквей и колоколен, убранстве храмов, русских церковных праздниках, школах грамотности и библиотеках.

В ряду общих обзоров русской церковной истории следует отметить «Руководство по истории русской церкви» (1884–1893) профессора А. П. Доброклонского, созданное на основе лекционного курса [16]. А. П. Доброклонский, как и Е. Е. Голубинский, обращается к религиозной жизни общества, что при сохранявшемся в то время преобладании в историографии внимания к внутреннему управлению церкви и состоянию церковной иерархии было особенно ценным и своевременным.

Помимо масштабных обобщающих исследований, в этот период было создано немало работ, посвященных отдельным событиям русской истории. К примеру, «Приходское духовенство на Руси» (1867) П. В. Знаменского [17], «Церковно-строительная деятельность в Новгороде (по новгородским летописям)» (1875) И. Д. Мансветова [18], «Очерки по истории русского книгописания и книгопечатания» (1911) Ф. И. Титова [19]. Ряд историков занимался созданием биографических статей и очерков. Например, это работы профессора Московской духовной академии В. Ф. Кипарисова «Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник» (1893) [20] и духовного писателя, священника, доцента кафедры русской церковной истории Киевской духовной академии Ф. И. Титова: «Феоктист Мочульский, архиепископ Курский и Белогородский» (1894) [21], «Св. Димитрий, митрополит Ростовский...» (1909) [22].

В числе приоритетных вопросов, интересующих историков, была организация системы духовного образования. Ценный вклад в разработку этой темы внесен П. В. Знаменским, создавшим труд «Духовные школы в России до реформы 1808 г.» (1881) [23], ему принадлежит также «История Казанской духовной академии...» (1892) [24], удостоенная Макарьевской премии. Источниками для этих исследований послужили материалы из академического архива, воспоминания профессоров и студентов.

На исторических методах во второй половине XIX в. основываются литургика и церковная археология. После выхода академиче-

ского устава 1869 г. преподавателям духовных академий стали предоставлять возможность научных поездок за границу. Такие «ученые путешествия» в страны Европы и Ближнего Востока позволяли лично познакомиться с памятниками церковной старины, хранящимися в музеях и библиотеках, собственными глазами увидеть памятники архитектуры. Среди известных исследований того периода – «Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников» (1872) И. Д. Мансветова [25], «Славянские рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме» (1888) Н. Ф. Красносельцева [26], «Из христианской иконографии» (1903) А. П. Голубцова [27] и др.

Самостоятельную отрасль русского церковно-исторического знания в этот период составляет история старообрядчества. На протяжении веков продолжается поиск ответа на вопрос, в чем суть раскола, поиск истинной причины произошедшего. Как в церковном, так и в историческом отношении старообрядчество всегда оставалось явлением огромной важности, отразившимся на всем течении русской духовной жизни. Несмотря на это, его исследование достаточно долго не обособлялось в отдельную научную отрасль.

Вопрос о научной специализации истории старообрядчества был выдвинут только в начале 50-х гг. XIX в., к этому же времени относится открытие соответствующих кафедр в духовных академиях. Главная заслуга в становлении научного подхода к изучению старообрядчества принадлежит двум известнейшим деятелям русской церкви – митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Григорию (Постникову) и митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову) [28, 29]. Их произведения, поставившие на научную основу противостарообрядческую полемику и историю церковного раскола, стали отправной точкой для последующего изучения староверия.

В последней трети XIX в. церковная историография старообрядчества окончательно выделяется в качестве самостоятельной отрасли. Идеи церковных историков начинают заметно расходиться со взглядами светских исследователей – А. П. Шапова, В. В. Андреева, Н. Я. Аристова, А. С. Пругавина, В. И. Ясевич-Бородаевской, считавшими старообрядческий протест отражением социальных противоречий эпохи. По мнению церковных историков, истоки раскола крылись, в первую очередь, в сфере духовной жизни русского наро-

да. Эти расхождения касались как частных, так и основополагающих вопросов о том, что представляет собой старообрядчество в русской религиозной и общественной жизни.

В конце XIX в. были созданы обобщающие труды, посвященные истории старообрядчества. Многие из них одновременно служили учебными пособиями для студентов духовных академий и семинарий: «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» (1887) Н. И. Ивановского [30], «Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества» (1892) К. Н. Плотникова [31], «История русского раскола старообрядчества» (1893) П. С. Смирнова [32]. По наблюдению А. В. Кострова, дореволюционные учебники представляют собой важный историографический источник, раскрывающий официально-церковную концепцию старообрядчества [33].

Помимо сделанных на очень высоком уровне обобщений, характерной чертой развития исследований старообрядчества в то время стала специализация в его изучении.

Истокам церковного раскола и первым годам существования староверия посвящены исследования историков И. М. Громогласова «О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства» (1898) [34] и А. А. Дмитриевского «Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах» (1912) [35]. Значительный вклад в изучение этого вопроса внесли труды Н. Ф. Каптерева: «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» (1885) [36], «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа» (1887) [37], «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (1909–1912) [38]. Историк во многом оправдывал противящихся перенимать обряды у греков староверов тем, что греческое православие к середине XVII столетия вовсе не представляло собой образец, на который русским следовало бы равняться, а церковная реформа была проведена с пренебрежением к общественному мнению и заявлениям представителей народного большинства. Приводимые Н. Ф. Каптеревым доказательства являлись убедительными и не были никем опровергнуты, несмотря на явное неодобрение консервативно настроенных церковных историков.

В это же время появляются работы, посвященные истории отдельных старообрядческих согласий. Над историей белокрыницкого согласия работал профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин. Историком принадлежат труд «История так называемого австрийского, или белокрыницкого, священства» (1895) [39] и ряд исследований, посвященных новейшим событиям в жизни согласия. Еще один пример сочинений этого направления – очерк «К истории “славяно-беловодской” иерархии» (1891) историка, выпускника Санкт-Петербургской духовной академии И. Т. Никифоровского [40]. Так называемая «славяно-беловодская», или «беловодская», иерархия берет свое начало в 1861 г., когда некий Аркадий, предположительно выходец из Алтайского горного округа, «объявил себя рукоположенным в Беловодье архиепископом всея Руси и Сибири» [Там же. С. 4]. В центре внимания И. Т. Никифоровского – личность основателя этого толка, «самозванного» архиепископа Аркадия. Обращает на себя внимание обилие собранных и частично приведенных в очерке документов по данной теме: грамот, писем, заметок основателя «беловодской» иерархии, материалов заведенных в отношении него судебных дел.

Следующее направление церковной историографии старообрядчества – анализ отдельных аспектов учения староверов. Среди таких исследований стоит отметить работы И. Ф. Нильского «Об антихристе против раскольников...» (1859) [41] и «Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней» (1863) [42]; «Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах» Н. И. Ивановского (1883) [43], «О перстосложении для крестного знамения и благословения» П. С. Смирнова (1904) [44].

С начала 1890-х гг. «центр тяжести» политики государства и церкви был перенесен на борьбу с сектантством. Церковные историки отвечают на запросы времени созданием посвященных сектантству исследований. В отличие от консерваторов-староверов рационалистическое сектантство воспринималось в русском обществе как продукт западной культуры, враждебный основам православия и российской государственности. К тому же во внутреннем устройстве общин хлыстов и скопцов усматривались признаки социализма. В «Руководстве по истории и обличению старообрядческого раскола...» [30] Н. И. Ивановский, изучая русское сектантство, подразде-

ляет его на рационалистическое и мистическое. К рационалистическим сектам, считающим разум единственным посредником между Откровением и человеческим сознанием, в то время относились духоборы, молокане, субботники, штундисты, а к мистическим, верящим в экстатические видения и пророчества, – хлысты и скопцы.

Внимание исследователей было обращено и на единоверие – «условное единение некоторых старообрядцев с православной церковью» [45. С. 150], сохраняющее дониконовский богослужебный чин при каноническом разрыве со старообрядчеством. На рубеже 1850–60-х гг. была прекращена практика массового насильственного присоединения к единоверию. Как отмечает А. С. Палкин, это привело к еще большей дифференциации сформировавшихся двух групп единоверцев: социальных низов (крестьяне, мастеровые, мелкие торговцы) и социальных и интеллектуальных элит (купцы, единоверческие священники и т.д.). Первые, в большинстве своем «загнанные» в единоверие силой, при любой возможности старались уйти от навязанной им веры, вторая же группа – обособить свое положение, улучшить его [46. С. 66]. Единоверческая элита не стремилась к единению ни с православием, ни со старообрядчеством, а, напротив, отстаивала свою самобытность, постепенно стремясь к церковно-обрядовой обособленности. Эти идеи были отражены в трудах выпускника Казанской духовной академии, кандидата богословия С. И. Шлеева (впоследствии единоверческого епископа Охтенского Симона) [47, 48].

Явлению единоверия посвящены работы Н. В. Лысогорского «Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв.» (1915) [49] и В. З. Белоликова «К вопросу об единоверии» (1917) [50]. Происхождение, значение и распространение единоверия в России рассмотрел также П. С. Смирнов в «Истории русского раскола старообрядства» (1895) в главе, посвященной отношениям правительства к «раскольникам» [32. С. 207–217, 258–273]. Церковные историки стремились показать состоятельность единоверия как религии и противостоять нападкам на него староверов, утверждающих, что оно «имеет две личины» и «хромает на обе ноги» [Там же. С. 258]. Естественно, быть полностью беспристрастными к объекту своего исследования церковные историки не могли, но стремление, насколько это возможно, объективно передать те или иные исторические процессы, внесло заметный вклад в изучение старообрядчества, сектантства и единоверия.

С 1913 г. духовные академии наравне с университетами стали именоваться «Императорскими», что подчеркивало отводимую им государством роль важнейших научных и педагогических центров. Каждая духовная академия имела свою специализацию: Казанская академия готовила выпускников к миссионерской деятельности среди нехристианских народов Сибири, Поволжья, Средней Азии; Киевская академия – к пастырской деятельности среди католического и униатского населения Западной России (что обусловило внимание к изучению гомилетики, сравнительного богословия, истории западных церквей); в Московской духовной академии была создана сильнейшая школа по изучению русской церковной истории; в Санкт-Петербургской академии проводились фундаментальные исследования по истории первых веков христианской церкви и византологии. Но какова бы ни была специализация у каждой из духовных академий, мы видим, как во второй половине XIX – первой четверти XX в., не теряя своей принципиальной почвы, расширяется и углубляется проблематика церковной исторической науки, наращивается ее источниковая база. Для церковных историков этого периода были характерны обширная эрудиция и превосходное владение материалом, наука не отделялась от преподавания. К началу XX столетия русская церковная историческая наука, вобрав в себя все прогрессивные тенденции, достигла апогея, создав исследования, востребованные и в настоящее время.

Источники и литература

1. *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа : проблемы и реформы (вторая половина XIX века). – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 658 с.
2. *Иннокентий (Смирнов).* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества. – М. : Синодальная тип., 1834. – 564 с.
3. *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. / под ред. М. А. Морозова. – СПб. : Алетей, 2001. – 500 с.
4. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви / под ред. А. И. Бриллиантова. – СПб., 1907–1917 (репр. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994). – Ч. 1–4.
5. *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. – М. : Универ. тип., 1871. – VII, 734 с.

6. *Мальшевский И. И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность : в 2 ч. – СПб. : Синодальная тип., 1897. – 402, IX с.
7. *Александров А. И.* Политическая и церковная жизнь славянства в XIX веке. – Казань : Центральная тип., 1911. – 34 с.
8. *Буткевич Т. И.* Высшее управление в православных автокефальных церквях. – Харьков : Тип. «Мирный труд», 1913. – 192 с.
9. *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. – Киев : Универ. тип., 1875–1876. – Т. 1, 2.
10. *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX–XI вв. – СПб. : Изд-во О. Абышко, 2012. – 336 с.
11. *Троицкий И. Е.* Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты. К истории Восточной церкви в XIII в. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1873. – 534 с.
12. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви : в 7 кн. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996.
13. *Гиляров-Платонов Н. П.* «История русской церкви» Макария, епископа Винницкого // Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...»: сб. сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 57–97.
14. *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории. – Минск : ООО «Харвест», 2005. – 575 с.
15. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Об-во любителей церковной истории, 1997–1998. – Т. 1, 2.
16. *Добрюклонский А. П.* Руководство по истории русской церкви / ред. кол.: В. Чаплин, Д. В. Поспеловский и др. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Об-во любителей церковной истории, 2001. – X, 936 с.
17. *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. – М. : Универ. тип., 1867. – 181 с.
18. *Мансветов И. Д.* Церковно-строительная деятельность в Новгороде (по новгородским летописям). – М. : Синодальная тип., 1875. – 20 с.
19. *Титов Ф. И.* Очерки по истории русского книгописания и книгопечатания. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1911. – 33 с.
20. *Кипарисов В. Ф.* Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1893. – 229 с.
21. *Титов Ф. И.* Феоктист Мочульский, архиепископ Курский и Белогородский // Труды Киевской духовной академии. – 1894. – № 1, 2.
22. *Титов Ф. И.* Св. Димитрий, митрополит Ростовский, бывший ученик Киевской духовной академии. – Киев : Тип. АО «Петр Барский», 1909. – 67 с.
23. *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. – СПб. : Летний сад, Коло, 2001. – 800 с.
24. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (до-реформенный) период ее существования (1842–1870). – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1892. – Т. 1–3.

25. *Мансветов И. Д.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М. : Тип. И. Е. Шюман, 1872. – 97 с.
26. *Красносельцев Н. Ф.* Славянские рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1888. – 32 с.
27. *Голубцов А. П.* Из христианской иконографии. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1903. – 86 с.
28. *Григорий (Постников).* Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь. Изложение в отношении к глаголемому старообрядчеству : в 2 ч. – М. : Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1883. – 732 с.
29. *Макарий (Булгаков).* История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб. : Тип. Морского министерства, 1858. – IV, 404, VIII с.
30. *Ивановский Н. И.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических: в 3 ч. – Казань : Тип. Императорского университета, 1887. – 500 с.
31. *Плотников К. Н.* Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества. – Пг. : Тип. И. В. Леонтьева, 1915. – 242 с.
32. *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1895. – 275, 34, IV с.
33. *Костров А. В.* Дореволюционные учебники по «расколоведению» как историографический источник // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2007. – № 2 (2). – С. 45–46.
34. *Громогласов И. М.* О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1895. – 56 с.
35. *Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / отв. ред. В. В. Калугин; подгот. текста А. Г. Кравецкого. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 160 с.
36. *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. – Сергиев Посад : Изд-во книжного магазина М. С. Елова, 1914. – IV, 567, IX с.
37. *Кантерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. – М. : Индрик, 2003. – 248 с.
38. *Кантерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович : в 2 т. Сергиев Посад, 1909–1912 (репр. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996). – Т. 1, 2.
39. *Субботин Н. И.* История так называемого австрийского, или белокричного, священства. – М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. – 388 с.
40. *Никифоровский И. Т.* К истории «славяно-беловодской» иерархии. – Самара : Типо-лит. Н. А. Жданова, 1891. – 43 с.
41. *Нильский И. Ф.* Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении) : в 2 ч. – СПб. : Изд. книгопродавца И. Первозникова, 1898. – 382 с.

42. *Нильский И. Ф.* Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1863. – 72 с.

43. *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1883. – 421 с.

44. *Смирнов П. С.* О перстосложении для крестного знамения и благословения. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1904. – 129 с.

45. *Единоверие* // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 21 т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб., 1902. – Т. 9. – С. 150–151.

46. *Палкин А. С.* Poleмика представителей интеллектуальных элит единоверия о путях его развития в 1860-е гг. // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3 (36). – С. 66–72.

47. *Шлеев С. И.* Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). – СПб. : Синодальная тип., 1910. – 364, II с.

48. *Шлеев С. И.* Единоверие и его столетнее организованное существование в русской церкви. – СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1901. – 71 с.

49. *Лысогорский Н. В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1915. – 800 с.

50. *Белоликов В. З.* К вопросу об единоверии. – Киев : Тип. АО «Петр Барский», 1917. – 22 с.

1.4. Жанровое разнообразие научных сочинений церковных историков

Церковно-исторические исследования были разнообразны не только по содержанию, но и по форме.

В русском языке исследователи выделяют научный, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорный и другие стили, которые формируются под воздействием комплекса базовых экстралингвистических стилообразующих факторов, т.е. тех условий внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств [1. С. 41]. Основные качества научного стиля – его подчеркнутая логичность, смысловая точность, информативная насыщенность, объективность, скрытая эмоциональность, обобщенно-отвлеченный характер изложения. Основные требования, предъявляемые к научной литературе, – актуальность и достоверность со-

обобщаемых сведений, полнота охвата источников, краткость изложения и оперативность издания [2. С. 254]. Научный стиль реализуется в крупных и малых жанрах. К первым относятся монографии, диссертации, энциклопедии, справочники, учебные пособия; ко вторым – научные статьи, аннотации, тезисы, обзоры, рецензии и др. [Там же]. Малые жанры выделяют не только по количественному признаку, – как правило, они не обладают самостоятельностью: научные статьи, рецензии помещаются в журналах и специальных сборниках.

Рассмотрим такие жанры созданной в церковно-исторической среде научной литературы, как научные труды (монографии, научные статьи), учебные пособия, справочники, рецензии, записи бесед. При этом следует отметить, что в данном разделе автор не ставит своей задачей охватить все жанровое разнообразие трудов церковных историков – важным представляется показать наиболее характерные их примеры и основные направления.

В XIX – первой четверти XX в. церковными историками было создано немало *монографий*, оставивших заметный след в русской исторической науке. Значительная их часть носила обобщающий характер и охватывала широкие временные рамки. К исследованиям такого типа можно отнести «Историю русской церкви» (1847–1848) архиепископа Филарета (Гумилевского), «Историю русской церкви» (1883) и «Историю русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855) митрополита Макария (Булгакова); созданную на основе диссертационного исследования монографию Е. Е. Голубинского «История русской церкви» (1880–1882).

Наряду с такими обширными монографическими исследованиями начиная со второй половины XIX в. стали появляться научные сочинения, посвященные более узким вопросам. В качестве примера можно привести исследования «Об антихристе против раскольников» (1859) и «Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк расколического учения о браке. От начала раскола до царствования императора Николая I» (1869) И. Ф. Нильского, «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным» (1898) П. С. Смирнова и др.

Историки всегда старались опубликовать приложения к монографиям, снабдить свои труды справочными данными, публикациями архивных материалов, что придавало исследованиям дополни-

тельную источниковедческую ценность. Например, в приложениях к монографии А. В. Горского «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам» (1841), читатель может найти списки настоятелей, келарей, казначеев, экономов Троице-Сергиевой обители, императорские жалованные грамоты и другие материалы. В приложениях к исследованию П. С. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным» (1898) содержится подробнейший библиографический перечень источников по истории старообрядчества; письменные памятники XVII–XIX вв. – «Протопопа Аввакума толкование на 55 и 12 главы книг пророка Исаии», «Инок Авраамия послание к боярыне Морозовой», «Уложение Новгородского собора 1694 г.», «Сказание о Павле, епископе Коломенском», «Хронологическое ядро староверческой церкви» Павла Любопытного, «Обличение на раскольников» Василия Флорова.

Духовные журналы, содержащие как публицистические и художественные произведения, так и научные исследования, к середине XIX в. стали заметным явлением в деле религиозного просвещения в России. Выполняя информационную функцию, журналы решали и задачи популяризации, сообщали о новых научных идеях и открытиях, в силу своей оперативности имели возможность быстро реагировать на злободневные проблемы современной жизни. В журналах «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Православное обозрение», «Православный собеседник» публиковались *проблемно-постановочные, обзорные, дискуссионные научные статьи* по богословию и истории церкви, историографии и источниковедению. Кроме того, в журналах печатались *юбилейные статьи, статьи-воспоминания* о церковных историках, написанные их коллегами и учениками. В журналах духовных академий публиковались *некрологи* или так называемые «*поминальные статьи*» в память ушедших коллег. Обычно они включали информацию о происхождении умершего, его семье, этапах становления личности, годах учебы в семинарии и академии; научной, педагогической, издательской, общественной деятельности; наградах, совершенных командировках. В традициях описания обстоятельств смерти духовных лиц [3] это была «тихая и безболезненная кончина», соответствующая святой жизни умершего [4. С. 754], или, наоборот, мужественная и упорная

борьба с болезнью [5. С. 486]. В некрологах перечислялись все занимаемые должности, отмечалось участие в работе научных обществ, членство в академиях и университетах. Также читателя знакомили с ключевыми трудами покойного: приводились библиографическое описание и их краткий анализ.

Однако следует помнить, что некролог – это не просто изложение обстоятельств жизни покойного, но и «оценка чьей-то жизни в форме краткой биографии». И именно фактор оценки – это «тот элемент, который отличает некролог от стандартного новостного сообщения о смерти» [6]. Некрологи являются источниками, в которых провозглашались идеалы и оговаривались принципы существования академической корпорации. Кроме биографической информации, их авторы обращали внимание на личностные качества тех, кому они были посвящены; подводили итог деятельности покойного, оценивая ее с точки зрения существующих в академическом сообществе норм, разделяемых убеждений. Некрологи позволяют увидеть принятые в среде церковных историков принципы взаимоотношений с коллегами и учениками, взгляды на профессию, на предназначение ученого, оценку его нравственных и профессиональных качеств и другие компоненты корпоративной культуры.

К основной цели научных публикаций – сообщению новой информации, полученной в ходе научного познания, и доказательству ее достоверности, в *учебной литературе* добавлялась задача популяризации полученных в науке знаний либо задача обучения этим знаниям [2. С. 258]. Это определяло ее отличительные особенности – предметно-логическую последовательность, ясность и доходчивость изложения, активизацию внимания адресата, доступность изложения, а также «сжатую полноту» [7. С. 131], выражающуюся в том, что, с одной стороны, излагается только часть накопленной информации о предмете, но с другой, – эта часть является базовой и разносторонне его характеризующей.

Важно отметить, что учебная литература XIX – первой четверти XX в. не освобождалась от дискуссионных моментов, ее авторы не скрывали от читателей свою творческую лабораторию, научный поиск, неоднозначные, спорные вопросы, поэтому порой грань между монографиями и учебной литературой оказывалась условной. Например, в 1857 г. Макарий (Булгаков) обратился в письме к духовно-учебному управлению при Синоде с предложением приобрести для

духовных академий и семинарий несколько экземпляров своей «новоизданной книги» – «Истории русской церкви». Ответ духовно-учебного управления был положителен и заключался в следующем: «Принимая во внимание то, что в означенном сочинении... история русской церкви изложена с такой подробностью, с какой еще доселе не излагалась она, и что потому преподавателям оно может служить руководством, и воспитанникам может служить для чтения и для разных справок, академическое правление считает полезным приобрести для духовных академий по пяти и для семинарий по три экземпляра “Истории русской церкви”» [8. Л. 3 об.].

В XIX в. были созданы талантливо написанные учебные пособия для духовных семинарий и академий, ставшие отражением новых тенденций церковно-исторической науки. Такие учебники могли выдерживать несколько переизданий. Например, исторический труд Иннокентия (Смирнова) «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества» (1817) вплоть до 1860-х гг. оставался единственным самостоятельным, непереводаемым учебником по всеобщей церковной истории. Многократно переиздавался учебник П. В. Знаменского «Руководство к русской церковной истории» (1870) по истории православия начиная с периода распространения христианства на Руси и завершая периодом правления Павла I. Более того, он был удостоен премии митрополита Московского Макария (Булгакова), учрежденной для поощрения авторов лучших сочинений по богословским и светским гуманитарным наукам.

Среди учебной литературы, посвященной истории старообрядчества, особо следует выделить пособия Н. И. Ивановского «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» (1887) и П. С. Смирнова «История русского раскола старообрядчества» (1893). Последнее в 1893 г. было также удостоено премии митрополита Макария. Учебник олонецкого епархиального миссионера К. Н. Плотникова «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» (1905), предназначенный для духовных семинарий, ученым комитетом Министерства народного просвещения был рекомендован к приобретению в фундаментальные библиотеки не только духовных, но и светских учебных заведений – гимназий, городских училищ и учительских институтов.

Таким образом, мы видим, что к середине XIX – началу XX столетия историки перешли к обобщению и систематизации того, что было написано их предшественниками и современниками. Учебные пособия, ставшие результатом такого рода интеллектуальных практик, несли в себе наиболее полную и хорошо структурированную информацию о различных аспектах истории церкви.

Еще один вид научных публикаций – *лекции церковных историков*. На страницах православных журналов издавались лекции, освещающие вопросы, интересные не только студенческой аудитории, но общественности. В качестве примеров можно привести лекцию А. И. Введенского о месте философии в системе академического образования [9] и лекцию профессора А. А. Спасского об известных церковных историках – архиепископе Филарете (Гумилевском), А. В. Горском и А. П. Лебедеве, «голос которых некогда раскрывал истину прошлых судеб церкви» [10. С. 278]. Отдельными изданиями публиковались специализированные курсы лекций: лекции А. В. Горского «История евангельская и церкви апостольской» (1883), лекции В. В. Болотова по истории древней церкви, изданные в 1907 г. под редакцией профессора А. И. Бриллиантова.

Жанр лекции предоставлял широкие возможности проявления авторской индивидуальности в использовании разговорных элементов, контактоустанавливающих средств с целью оживления речи и привлечения внимания слушателей. Композиционное развертывание темы могло осуществляться по-разному, но оно обязательно строилось с опорой на такие категории, как тезис, аргументация, иллюстрация, доказательство, цитирование. Авторы лекций старались акцентировать внимание слушателей, делать отступления («Остановим на минуту нить истории, дадим место благоговейному размышлению» [11. С. 17]), проводить аналогии с современностью, делать материал «живым» и доступным для учащихся.

Среди научных сочинений церковных историков можно выделить такой вид, как *беседы*. Следует отметить, что диалогизация научной прозы – явление не новое, поскольку на протяжении многих веков диалог был не только основной формой, но и излюбленным жанром научного изложения [12. С. 107]. Достаточно вспомнить диалоги античных философов, мыслителей эпохи Возрождения, диалоги Р. Декарта, Г. Лейбница, Дж. Беркли, Д. Дидро, Г. Лессинга. Такая форма изложения позволяла фиксировать процесс возникно-

вения и становления идей. С исчезновением этого жанра из научного дискурса его функции переходят к монологической речи, которая одновременно вбирает в себя ряд диалогических приемов и языковых средств. Элементы диалога остаются, прежде всего, там, где автор видит в читателе не пассивного реципиента, а потенциального партнера, активно участвующего в осмыслении информации [12. С. 107–109].

Например, книга митрополита Евгения (Болховитинова) «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» (1808) представляет собой собрание бесед учащихся Новгородской духовной семинарии и духовного училища на следующие темы: «О многолюдстве древнего великого Новгорода», «О древнем богочитании славян Новгородских, о их обращении в христианскую веру и о Новгородской иерархии», «О возвышении и упадке Великого Новгорода». Эти беседы имели место на публичных диспутах и выпускных испытаниях, на которых лично присутствовал митрополит Евгений.

Тематическое содержание в беседах раскрывается через общение одного сомневающегося ученика, задающего вопросы («Как можно назвать Великим такой город, которого вся длина и с предместьями, едва ли в две версты, а ширина и еще меньше?», «Не доказывает ли окружность земляного вала на Софийской и Торговой стороне, что в старину Великий Новгород был небольшой город?») [13. С. 1–10]) и двух или трех учеников, приводящих ему в ответ аргументированные суждения, демонстрирующие знание ими обсуждаемого предмета.

Самый распространенный и наглядный пример диалогизации научной прозы – *полемика*. Автор полемической статьи не может не дать слова оппоненту, не может не включить в текст как реальные, так и его потенциальные возражения. Так, носящие полемический характер «Беседы к глаголемому старообрядцу» митрополита Филарета (Дроздова) были изданы в 1835 г. одной книгой, в которую вошли напечатанные ранее «Беседа о имени Иисус и о истинной церковной древности», «Беседа о Символе веры», «Беседа о четвероконечном кресте», «Беседа о Стоглавом соборе и о истинном согласии с православной церковью», «Беседа о благодати архиерейства и священстве». Основная тема, объединяющая эти тексты, – причины и история расхождений в обрядах между официальным православи-

ем и старообрядчеством, и митрополит, ссылаясь на исторические источники, показывает спорные места в вопросах веры и обрядов, рассуждает об истоках расхождений.

Вторая половина XIX в. в синодальной историографии старообрядчества была отмечена появлением публикаций миссионерских бесед со староверами. Кроме научной и преподавательской деятельности, профессор Казанской духовной академии Н. И. Ивановский занимался деятельностью миссионерско-просветительской: проводил увещания староверов в Казани, многократно ездил для собеседования в населенные старообрядцами местности Казанской епархии и за ее пределы – Саратов, Санкт-Петербург. Известен он был еще и тем, что брал на поруки арестованных староверов, выступал в качестве эксперта по их судебным делам. В 1888 и 1889 гг. историк проводил «ярмарочные» беседы со староверами в Нижнем Новгороде, о ходе и результатах которых сообщал в статьях и книгах.

В вышедших под редакцией Н. И. Ивановского «Беседах со старообрядцами в трех селах Казанской епархии» (1877) и «Беседах со старообрядцами в Нижнем Новгороде» (1902) приводится не только содержание разговоров, но и советы, как миссионерам следует вести диалог со староверами: «...нужно говорить как можно короче и прямо на вопрос, чтобы слушатели могли удержать в памяти и сознании сказанное, и беседы не обратились бы в искусную только игру слов... Говорить с благоговением и должным приличием, не прибегая к резким фразам, а только уясняя сущность дела» [14. С. 8]. Сам Н. И. Ивановский старался придерживаться излагаемых им требований: он осторожен, избегает конфликтных ситуаций, суждения аргументирует ссылками на те источники, которые пользовались доверием у старообрядцев.

Еще один жанр научных сочинений, над которым работали церковные историки, – *справочные издания*. Некоторые из трудов митрополита Евгения (Болховитинова) носят справочный характер. Самый известный из них – «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви». К этому времени уже сложилась традиция составления словарей-справочников: над подготовкой подобных изданий работали просветитель Н. И. Новиков, театральный деятель, переводчик и поэт И. А. Дмитриевский, издатель, типограф, историк П. П. Бекетов. Митрополит Евгений (Болховитинов) поместил в словаре 250 био-

графий духовных писателей (862–1825 гг.), написанных по итогам многолетнего поиска и изучения рукописного материала, консультаций с архивистами, в частности с К. Ф. Калайдовичем, Н. Н. Бантыш-Каменским. Словарь представлял собой не компиляцию, а самостоятельный научный труд, подготовивший почву для дальнейших исследований [15].

Словарь митрополита Евгения заложил основу для создания подобных изданий церковными историками. Так, над составлением «Биографического словаря иерархов Русской православной церкви с введения на Руси христианства до 1918 года» трудился К. Я. Здравомыслов, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, последний начальник архива и библиотеки Синода. В 1913 г. в качестве приложения к журналу «Русский паломник» выходит «Полный православный богословский энциклопедический словарь», включающий биографии церковных деятелей, духовных писателей, исследователей.

Среди «малых» жанров следует упомянуть *рецензии*. Например, рецензии Н. П. Гилярова-Платонова на «Историю русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) [16], Н. И. Субботина на диссертацию Е. Е. Голубинского [17]. Рецензии церковных историков были далеко не всегда хвалебны и нередко выявляли проблемы, выходящие за рамки рассматриваемого научного исследования, например «желание только обозреть» факты, не раскрывая их смысл [16. С. 59].

Жанровое разнообразие научных трудов церковных историков свидетельствует об интенсивности и вариативности развития церковной исторической науки XIX – первой четверти XX в. Разнообразие изучаемых историками вопросов влекло за собой разнообразие форм письменного воплощения научных исследований. Монографии, статьи, учебные пособия, курсы лекций, диалоги, рецензии, некрологи, словари и справочники представляли собой различные пути постижения церковной истории.

Источники и литература

1. Котюрова М. П. Стилистика научной речи. – М. : Изд. центр «Академия», 2012. – 240 с.
2. Котюрова М. П. Культура научной речи : текст и его редактирование / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М. : Наука, 2008. – 280 с.

3. Бушуева А. А. Некролог как источник для воссоздания образа смерти в православном миропонимании (на материалах «Гобольских епархиальных ведомостей» конца XIX – начала XX в.) // Документ. Архив. История. Современность : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 дек. 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 241–244.

4. Десницкий К. Памяти высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского // Православное обозрение. – 1882. – № 8. – С. 751–773.

5. Памяти заслуженного профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского // Православное обозрение. – 1878. – № 3. – С. 485–508.

6. Гончар М. Некролог как специфический источник изучения жизнедеятельности личности (на материалах «Подольских епархиальных ведомостей») [Электронный ресурс]. – URL: <http://gisap.eu/tu/node/49957> (дата обращения: 30.04.2017).

7. Васильева А. Н. Основы культуры речи. – М. : Русский язык, 1990. – 247 с.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802 (фонд духовно-учебного управления при Св. Синоде). – Оп. 7. – Д. 20256: Дело духовно-учебного управления при Святейшем Синоде о сочинении преосвященного Макария епископа Винницкого «История русской церкви». – 5.

9. Введенский А. И. Запросы времени // Богословский вестник. – 1903. – Т. 3. – С. 240–254.

10. Спасский А. А. Первая лекция по кафедре общей церковной истории // Богословский вестник. – 1903. – Т. 1. – С. 278–296.

11. Горский А. В. История евангельская и церкви апостольской. – М. : Тип. М. Н. Лаврова, 1883. – 688, V с.

12. Славгородская Л. В. О диалогизации научной прозы // Стиль научной речи / отв. ред. Е. С. Троянская. – М. : Наука, 1978. – С. 106–117.

13. Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. – М. : Губернская тип. Решетникова, 1808. – 99 с.

14. Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собою в 1902 г. / под ред. Н. И. Ивановского. – Нижний Новгород : Тип. Губернского правления, 1902. – 70 с.

15. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви / сост. П. В. Калитин. – М. : Русский двор, 1995. – 416 с.

16. Гиляров-Платонов Н. П. «История русской церкви» Макария, епископа Винницкого // Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» : сб. сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 57–97.

17. Субботин Н. И. Несколько замечаний на книгу профессора Е. Е. Голубинского // Русский вестник. – 1881. – № 1. – С. 407–437.

Глава 2

«НАУКА, ЭРУДИЦИЯ, ТРУД НАД ПЕРВОИСТОЧНИКАМИ – ВОТ ТОН, КОТОРЫЙ СЛЫШАЛСЯ И ЗАДАВАЛСЯ»: ЧТО ЗНАЧИЛО БЫТЬ ЦЕРКОВНЫМ ИСТОРИКОМ?

2.1. Социокультурный и интеллектуальный облик церковного историка XIX – первой четверти XX в.

В соответствии с историко-биографическим подходом реконструкция неповторимых судеб историков, изучение формирования и развития их внутреннего мира, воззрений может являться как самостоятельной целью исследования, так и одним из «эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [1. С. 9]. Попробуем представить общую картину, руководствуясь следующими параметрами: социальное происхождение, образование, место в церковной иерархии, положение в обществе, род занятий, участие историков в общественной, политической, научной, культурной жизни. Источником для нас станут биографии, воспоминания, заметки историков XIX – первой четверти XX в. – периода наивысшего расцвета дореволюционной церковной исторической науки.

Словный состав церковных историков в XIX – первой четверти XX в. оставался однородным. Это были выходцы из семей духовенства – священников, диаконов, пономарей, причетников (причем священнический сан в этих семьях имело уже не первое поколение) и дети преподавателей духовных семинарий. Но бывали и редкие исключения. Например, историк А. В. Карташев родился в семье горняка из города Кыштым Пермской губернии.

Духовенство XIX столетия, особенно его второй половины, не только было включено в происходившие в российском обществе модернизационные процессы, но и претендовало на роль лидера, на статус духовной и интеллектуальной элиты, что сопровождалось «ростом сословного самосознания духовенства, развитием чувства сословной гордости» [2. С. 22].

Как отмечает Л. Манчестер, американский историк, много лет специализирующаяся на дореволюционной российской истории, в «отличие от дворян, проникшихся западными культурными норма-

ми, поповичи¹ были уверены в своей роли лидеров русского народа» [3. С. 8]. После реформ Александра II «поповичи» постепенно стали восприниматься как типичные представители интеллигенции, в среде которых ценились взаимовыручка, стойкие моральные убеждения, целеустремленность, трудолюбие, социальный активизм, безоговорочная преданность общественному благу, отрицание своекорыстных интересов [Там же. С. 11]. На рубеже XIX–XX вв. в сознании части образованного общества сформировалось мнение, что именно эти ценности и есть достойная альтернатива отживающей культуре «благородного сословия» [Там же. С. 62].

Постепенно в среде духовенства признавались необходимость и ценность образования: «В общество мало-помалу проникло сознание – не пользы науки, а неизбежности ее. Надо было пройти хоть приходское учение, чтобы иметь право даже на пономарское место в деревне» [4. С. 16–17]. Образование большинства будущих церковных историков состояло из четырех ступеней: церковно-приходской школы, духовного училища, семинарии, духовной академии. Церковно-приходская школа, как и училище, иногда заменялась домашним образованием, и в 11–12 лет подросток сразу становился студентом семинарии. Причем если в первой половине XIX в. могло быть так, что образование будущего историка ограничивалось семинарией, то со второй половины XIX в. обучение в духовной академии и получение ученой степени стали неотъемлемой составляющей биографии церковного историка.

Духовное училище и семинарию чаще всего выбирали по месту жительства. География поступающих в духовные академии была такова. В Московскую духовную академию (до 1814 г. – Славяно-греко-латинскую академию) поступали семинаристы из разных губерний Центральной России: Московской (как правило, после окончания семинарии при Троице-Сергиевой лавре или Вифанской семинарии), Владимирской, Костромской, Вологодской, Тамбовской и Воронежской. В Санкт-Петербургскую духовную академию поступали выпускники Тверской, Псковской, Новгородской, Архангельской семинарий; в Казанскую академию приезжали учиться из Поволжья: Нижнего Новгорода и Симбирска; в Киевскую – из юго-западных Курской и Орловской губерний.

¹ Так исследователь именуется выходцев из духовного сословия.

Образование было одним из немногих возможных социальных лифтов, благодаря которым дети из семей сельских диаконов и причетников могли занять достойное место в обществе. Поэтому духовенство прилагало максимум усилий к тому, чтобы их сыновья учились в духовных семинариях или гимназиях, а дочери – в женских епархиальных училищах и женских гимназиях или получали домашнее образование. В духовные семинарии поступали дети православного духовенства (90 %), остальные 10 % приходились на детей крестьян, мещан, купечества, редко – дворян (дворянство считало семинарии «второсортными» учебными заведениями) [5. С. 137]. Таким образом, социальный состав учащихся духовных семинарий в XIX – первой четверти XX в. оставался достаточно однородным. Таким же однородным был и социальный состав студентов духовных академий: лишь единицы не принадлежали к духовному сословию. Среди них были дети дворян (например, будущий митрополит Антоний (Храповицкий)), чиновников, купцов и даже крестьян.

Эпоха Просвещения принесла с собой идею необходимости всестороннего развития будущих пастырей. В жизнь семинаристов вошли занятия инструментальной музыкой, театральные постановки на сюжеты из библейской и античной истории. Со второй половины XIX столетия под влиянием либеральных преобразований возрос интерес к общественной жизни, политической и художественной литературе. Учащиеся стали принимать участие в революционном движении: «Семинарист волнуется давно. Волновались они чуть ли не с самого своего возникновения. Но чем дальше, тем более изменяется как характер борьбы, так и цели ее. Семинарист всегда был натурой буйной, протестующей, и у его начальства всегда был наготове для него целый арсенал кротительного и мздовоздающего оружия» [6. Л. 3].

После окончания семинарии большая часть выпускников поступала на церковную или гражданскую службу, увлеченные же наукой продолжали обучение в духовной академии или в высшем светском учебном заведении. Далеко не все выпускники семинарий становились священниками. Этот выбор требовал крайне высокой степени ответственности: «Это не то, что вступить в светскую службу и быть произведенному в чин. Светскую службу можно переменить или оставить, и чин не сделает затруднения. Вступивший в священство не может оставить службы прежде шестидесятилетнего возраста: и

самого священнического звания не может оставить без утраты чести и некоторых прав, по крайней мере, на время» [7. Л. 3].

В отдельных случаях получаемое духовное образование дополнялось университетским. Например, будущий митрополит Евгений (Болховитинов), обучаясь в Славяно-греко-латинской академии, посещал лекции по всеобщей философии и политике, опытной физике, французскому языку в Московском университете.

Описание студенческих лет занимает существенную часть автобиографических воспоминаний историков (А. В. Горского, Н. П. Гилярова-Платонова, Е. Е. Голубинского и др.), что неудивительно – ведь это были годы самого интенсивного научного, духовного, нравственного роста. Студенческие годы были временем постоянной работы над собой, постоянного самообразования. В. В. Болотов, занимаясь историей восточных церквей, изучил коптский, сирийский, армянский, грузинский, древнеэфиопский языки. Н. П. Гиляров-Платонов – в будущем либеральный московский цензор, историк, писатель и публицист, в своих студенческих воспоминаниях писал: «Академия представлялась не таким учреждением, в котором доканчивают учебное воспитание, а учреждением, куда поступают для самообразования под руководством старших люди, уже окончившие школу, уже приобретшие право располагать собою [8. С. 339].

Естественно, система духовного образования не была свободна от недостатков, что осознавалось самими современниками. В журнале «Христианское чтение» за 1912 г. опубликована речь И. Е. Евсеева, специалиста по истории церковно-славянских переводов и изданий Библии, произнесенная на одном из заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии. «На место науки у нас пытаются поставить выработку пассивной привычки к излюбленному строю мысли и жизни. Зачеркивается исконная и неотъемлемая принадлежность науки – право мнения и право сомнения. Выдвигается неоспоримая и непреложная сила авторитета, мнения данного момента, мнения господствующих кругов» – такие проблемы подчеркивались в речи [9. С. 596]. Выход виделся в том, что высшая духовная школа «должна получить, как неотъемлемую принадлежность своего существа, в вопросах науки право мнения и право сомнения, должна получить невозбранную возможность своими силами использовать первоисточники своих изысканий; академическая

наука должна быть изъята из водоворота изменчивых страстей церковной политики» [9. С. 599].

Несмотря на недостатки, из стен духовных академий выходили не только богословы и священнослужители, но и политики, философы, поэты, переводчики, общественные деятели.

Кроме занятий наукой, церковные историки работали в духовных училищах, семинариях и академиях. Круг преподаваемых предметов не ограничивался только церковной и гражданской историей. Историки не отказывались от ведения занятий по богословию, древним и современным («новым») иностранным языкам, логике и философии, педагогике, риторике и словесности – всего, что могло принести дополнительный заработок. Помимо жалованья, преподаватели академий получали премии и гонорары за публикации, рецензирование научных работ, подготовку речей для торжественных актов. При этом их материальное положение было достаточно трудным, что неоднократно находило отражение на страницах воспоминаний: «Получали мы в Вифании (Вифанской семинарии. – *К.К.*) ничтожнейшее жалованье и питались у общего профессорского поваря необыкновенно скудно. Одежда у меня была плохая: фрак был студенческий казенный, выдававшийся при окончании курса учения в академии» [10. С. 36]; «Будучи уже академическим доцентом, перед самой масленицей в феврале 1892 г. получил жалованье ровно 30 рублей, и, целиком уплатив их за комнату, дальше не имел медного гроша на пропитание» [11. С. 753].

По совместительству историки работали в светских учебных заведениях. А. П. Лебедев состоял в должности профессора Московского университета, М. Э. Поснов – приват-доцента Киевского университета. А. П. Доброклонский был профессором, а с 1915 по 1919 г. – ректором Новороссийского университета. А. В. Карташев преподавал историю на Высших женских курсах в Петербурге, а И. М. Громогласов – в московском Мариинском женском училище; Д. Н. Беликов – богословие студентам Томского университета.

Оказавшись после революции за рубежом, некоторые из русских церковных историков становились сотрудниками европейских университетов, что стало естественным способом адаптации к реалиям эмиграции. А. В. Карташев, к примеру, работал на историко-филологическом факультете русского отделения Парижского университета, был одним из основателей и профессором Свято-

Сергиевского православного богословского института в Париже. А. П. Доброклонский в эмиграции стал профессором Белградского университета, Н. Н. Глубоковский – Софийского университета.

Преподаватели академий и семинарий нередко состояли членами государственных и церковных учреждений, цензурных комитетов, благотворительных обществ.

В состав Синода входили митр. Евгений (Болховитинов), митр. Макарий (Булгаков), митр. Григорий (Постников), Н. Н. Глубоковский, В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, А. В. Карташев (последний обер-прокурор Синода). Кроме того, митрополит Макарий (Булгаков) возглавлял работу двух комитетов: Комитета по пересмотру действующего устава духовной цензуры и преобразованию судебной части в духовном ведомстве.

Архиепископ Пермский и Верхотурский Аркадий (Федоров), К. Н. Плотников, Н. И. Ивановский занимались миссионерской работой. Некоторые из историков состояли в миссионерских братствах: П. В. Знаменский был сотрудником братства святителя Гурия Казанского, а Н. И. Субботин – учредителем братства святого Петра митрополита Московского. Миссионерская деятельность церковных историков предоставляла им уникальные материалы для изучения старообрядчества и сектантства.

Библиотекарь, архивариус, редактор журнала или газеты – наиболее распространенные в церковно-исторической среде занятия. Библиотекой Воронежской семинарии заведовал митрополит Евгений (Болховитинов), Владимирской – архиепископ Аркадий (Федоров), Вифанской – Е. Е. Голубинский. В должности библиотекаря Санкт-Петербургской духовной академии состоял будущий архиепископ Воронежский и Задонский Игнатий (Семенов). Н. Н. Глубоковский работал архивариусом в Синодальном архиве. Д. Н. Беликов заведовал Археологическим и этнографическим музеем при Томском университете. Именно работа с музейными архивами подвела его к краеведческим исследованиям.

Библиотекарями в Московской духовной академии служили А. В. Горский и А. А. Спасский. П. В. Знаменский был председателем комиссии по составлению рукописей Соловецкого монастыря, находящегося в библиотеке Казанской духовной академии. В эту же комиссию входил Н. И. Ивановский. П. В. Знаменский сумел организовать процесс описания рукописей на высоком научном уровне,

используя опыт работы А. В. Горского и К. И. Невоструева с фондами синодального архива.

Председатель библиотечной комиссии, хранитель архива и библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии А. И. Бриллиантов многое сделал для сохранения библиотеки после революции 1917 г. Из фондов академической библиотеки было образовано I отделение Государственной публичной библиотеки, сотрудником которой он работал с 1921 г., а в 1925 г. стал ее главным библиотекарем.

Сформировавшаяся к середине XIX в. церковная периодическая печать играла значительную роль в общественной жизни пореформенной России. Духовные журналы, содержащие как публицистические и художественные сочинения, так и серьезные научные исследования, стали заметным явлением в деле религиозного воспитания, информирования о происходящих событиях, формирования художественного вкуса читателей. Кроме того, в академической среде журналы стали важным фактором в формировании корпоративной памяти.

По предложению митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Григория (Постникова) в 1821 г. Синод принял решение о начале издания при Санкт-Петербургской духовной академии одного из первых в стране духовных журналов – «Христианское чтение», заложив тем самым основы официальной православной журналистики. Впоследствии редактором журнала стал митрополит Макарий (Булгаков).

Архиепископ Филарет (Гумилевский) основал периодическое издание «Черниговские епархиальные известия» и академический журнал «Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания». А. В. Горский состоял в должности редактора журнала Московской духовной академии «Прибавления к Творениям святых отцов» (впоследствии преобразованного в «Богословский вестник»). П. С. Смирнов был редактором журналов «Христианское чтение» и «Миссионерский сборник». Н. И. Субботин являлся учредителем, редактором и издателем миссионерского журнала «Братское слово». П. В. Знаменский редактировал журнал Казанской духовной академии «Православный собеседник» и «Известия по Казанской епархии». А. В. Карташев сотрудничал со светскими периодическими изданиями: газетой «Вестник жизни» и литератур-

ным журналом «Новый путь», редактировавшимся Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус (позднее в эмиграции он станет одним из редакторов и идеологов парижского еженедельника «Борьба за Россию»). Н. П. Гиляров-Платонов был редактором и издателем демократической газеты «Современные известия», еженедельного журнала «Радуга». Статьи Н. П. Гилярова-Платонова охватывали самый широкий круг вопросов богословского, исторического, философского, экономического, юридического, педагогического и литературного содержания. И это еще раз подтверждает, что духовная академия «давала простор внутренней жизни» [7. С. 347], формировала разностороннюю творческую личность.

На рубеже XIX–XX вв. всё очевиднее в академической среде выражалось стремление избавиться от изолированности и сословной замкнутости духовной школы. Всё чаще слышались призывы быть внимательнее к современным духовным запросам общества, призывы преодолеть разрыв со светской интеллигенцией. Главное требование, предъявляемое теперь к богословам и церковным историкам, «чтобы их речи шли не мимо современных запросов, но как раз именно навстречу им» [12. С. 241]. Как и в университетской среде, в духовных школах культивировался образ профессора как «неутомимого труженика», носителя высокой социальной миссии. После проведения либеральных реформ Александра II, стимулировавших гражданскую активность, вовлечение в общественную деятельность стало статусной частью повседневности ученых и преподавателей. Обратим внимание, что традиционные ценности светской академической культуры – социальная активность, гражданское самосознание, бескорыстность [13. С. 134] – были свойственны и корпоративной культуре духовных учебных заведений.

Многие из церковных историков были включены в общественно-политическую жизнь. Е. Е. Голубинский принимал деятельное участие в работе Предсоборного присутствия (1906 г.), призванного организовать созыв Поместного собора и подготовить для него проекты основных решений, осуществить сложную и важную подготовительную богословскую и каноническую работу. Характерной чертой Голубинского-исследователя была добросовестность, «по его собственным словам, он не бросал предмет, не изучив его полностью» [14. С. 23]. Поэтому его общественные инициативы нашли

отражение в научном труде «О реформе в быте русской церкви», вышедшем уже после смерти историка в 1913 г.

В начале XX в. стало более интенсивным включение академической среды в общественную и политическую жизнь. Вот несколько примеров: Н. Ф. Каптерев занимал должность городского старосты Сергиева Посада, был членом IV Государственной думы. И. М. Громогласов – помощником члена Московской городской управы, А. П. Доброклонский – гласным Одесской городской думы. А. В. Карташев после февраля 1917 г. вступил в партию кадетов, во Временном правительстве занимал пост министра исповеданий.

Важный штрих к характеристике церковных историков – их благотворительная деятельность, содействие учреждению стипендий для семинаристов. Духовное ведомство традиционно являлось не только одним из непосредственных организаторов, но и идейным вдохновителем благотворительного движения в России. Конечно, удовлетворительно решить все социальные проблемы оно было не в силах (не существовало развитой системы государственной помощи, поддержки всеми слоями населения), но отдельные инициативы воплощать в жизнь удавалось [15]. Митрополит Макарий (Булгаков) деньги, вырученные от продажи своих научных трудов, положил в Государственный банк и на проценты учредил ежегодные премии для поощрения авторов лучших сочинений по богословским и светским гуманитарным наукам. Последняя премия была присуждена в 1917 г. Это начинание получило вторую жизнь: в 1995 г. был возрожден фонд, а спустя два года – традиция присуждения Макарьевских премий. По инициативе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II совместно с Российской академией наук и Правительством Москвы были созданы Фонд по премиям памяти митрополита Макария и Комитет фонда. На конкурс принимаются опубликованные научные труды и рукописи по номинациям «История православной церкви», «История России», «История Москвы. Историческое и церковное краеведение», «История православных стран и народов». Присуждаются премии также за учебники, учебные пособия и научно-популярные труды, вносящие вклад в развитие обозначенных направлений. Лауреатами возрожденной премии митрополита Макария были исследователи, представляющие как светские, так и церковные научные и учебные заведения: С. О. Шмидт, Я. Н. Щапов, Д. М. Володихин, В. А. Цыпин,

Н. Ю. Сухова, митрополит Иларион (Алфеев), М. П. Черная, А. В. Мангилева [16].

Е. Е. Голубинский делал пожертвования в Солигаличское духовное училище (которое он окончил), библиотеку Костромской духовной семинарии, церковноприходское попечительство с. Горельцы Костромской губернии. Московской духовной академии он завещал самое для него дорогое – книги. Личное книжное собрание и тетради со своими сочинениями завещал академической библиотеке и А. В. Горский. П. В. Знаменский, сам испытав в юные годы материальные трудности, помогал семьям недостаточно обеспеченных преподавателей, студентам. В 1907–1915 гг. он состоял в должности товарища председателя Общества пособия нуждающимся студентам Казанской духовной академии.

Среди церковных историков были не только представители монашества, белого духовенства, но и не имевшие священного сана. Так, Игнатий (Семенов) служил настоятелем новгородского Антониева монастыря, Филарет (Дроздов) – настоятелем новгородского Юрьева и московского Новоспасского монастырей, Филарет (Черниговский) – Московского Богоявленского монастыря, Д. Н. Беликов являлся настоятелем Покровской церкви в Казани, а затем – Градо-Томской университетской церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери.

Исследованиями истории церкви занимались митрополиты и архиепископы, совмещавшие занятия наукой с административными и пастырскими обязанностями, постоянными переездами, связанными со служебными перемещениями. Последние нередко воспринимались особенно тяжело – приходилось перевозить свои библиотеки и к тому же лишаться возможности работать с местными архивными материалами.

В качестве основной тенденции изменения социального состава церковных историков можно отметить следующее: если до середины XIX в. среди них преобладали представители духовенства, то со второй половины XIX столетия – светские лица. Последние жили уединенно, олицетворяя собой распространенный в среде церковных историков тип «научного отшельника» [17. С. 193]. Проживали ученые в основном в съемных квартирах, лишь немногие имели свои дома. Для многих преподавателей обзаводиться семьями было делом хлопотным с материальной точки зрения: «Оклады преподавате-

лей... так ограничены, что они по хозяйственным причинам затрудняются вступать в супружество» [6. Л. 2 об.]. Вероятно, свое влияние на такой жизненный выбор оказывали характер и образ жизни. Е. Е. Голубинский писал в «Воспоминаниях»: «Рад, что не женился. Ни сам бы я не был счастлив в супружестве, ни жены бы своей не сделал счастливой. По характеру я человек горячий и привязан только к книге, к книге и книге; питаю отвращение ко всякому хоз-зяйству и ко всяким вечерам и вечеринкам» [9. С. 64].

Во второй половине XIX столетия все более отчетливо проявлялось взаимодействие представителей светской и церковной науки. Духовные академии переписывались и сотрудничали с Академией наук и научными обществами. Формировалась церковная интеллигенция, посещающая университетские лекции и участвовавшая в работе светских научных обществ и кружков. В частности, сохранилась переписка Санкт-Петербургской духовной академии и Академии наук, в которой содержатся обращения членов Академии наук к профессорам духовной академии о возможности рассмотрения того или иного сочинения, касающегося вопросов церковной истории и составлении о нем отзыва [18. Л. 2]. Русское археологическое общество в переписке с Санкт-Петербургской духовной академией предлагало установить обмен научными изданиями [19. Л. 1].

Почетными членами Императорской Академии наук состояли митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Филарет (Дроздов), архиепископ Филарет (Гумилевский), А. В. Горский, митрополит Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский, Н. Ф. Каптерев, В. В. Болотов. Церковные историки состояли почетными членами Московского, Санкт-Петербургского, Виленского, Харьковского университетов, Московского и Санкт-Петербургского археологического институтов.

Русские церковные историки сотрудничали с зарубежными научными обществами (Копенгагенским обществом древностей, Болгарским книжным дружеством, Болгарской академией наук), ездили в «ученые путешествия» в Грецию, Палестину, Австрию, Польшу, Сербию, где работали в архивах и библиотеках и знакомились с бытом и памятниками исторической церковной жизни православных народов.

В XIX в. стали создаваться российские церковные научные общества. В конце 1812 г. в Санкт-Петербурге было основано Россий-

ское библейское общество для издания и распространения Священного Писания на русском языке и языках народов Российской империи. По всей стране было создано 58 отделений общества. Ответственным за выполнение переводов являлся ректор Санкт-Петербургской духовной академии митрополит Филарет (Дроздов), президентом общества стал управляющий духовными делами иностранных вероисповеданий князь А. Н. Голицын. Благодаря деятельности Российского библейского общества в первой четверти XIX в. появились издания Библии на финском, немецком, польском, французском языках, а также Библия для слепых. Новый Завет был переведен на армянский, монгольский, персидский, грузинский, бурятский, чувашский, мордовский и другие языки.

Но среди православного духовенства находились и противники деятельности общества, которым «казалось профанацией святых писаний переложение писаний на простонародный язык, на котором они прежде никогда не излагались» [20. С. 171]. Его обвиняли в «мистицизме, искажении Священного Писания, протестантских настроениях и даже в стремлении погубить российскую православную веру» [Там же]. 12 апреля 1826 г. под влиянием графа А. А. Аракчеева и его единомышленников император Николай I своим указом приостановил деятельность общества.

С 1816 г. при Московской духовной академии действовало студенческое научное философско-богословское общество «Ученые беседы», созданное для «взаимного обмена мыслей, возникавших по поводу изучения той или другой науки» [21. С. 1]. По инициативе митрополита Филарета (Дроздова) в 1863 г. в Москве начинает работу Общество любителей духовного просвещения, призванное «способствовать распространению и возвышению в духовенстве, а также в прочих классах народа, религиозно-нравственных и других, потребностям православной веры соответствующих, познаний» [22. С. 626]. В это время в богословской среде наблюдается тенденция популяризации церковно-исторической науки, проводятся публичные лекции, встречи, беседы, что вызывало недовольство у консервативно настроенных церковных историков.

С середины XIX в. переживает период становления и к началу XX в. оформляется как сложная многоуровневая система краеведение [23. С. 175]. В 1860-е гг. в связи с деятельностью земств в краеведческую работу вовлекалась интеллигенция, поддерживаемая ме-

ственными благотворителями – дворянством и купечеством. Рос общественный интерес к истории края, создавались местные музеи, увеличивалось число краеведческих обществ в губернских городах. На рубеж XIX–XX вв. пришлась также волна открытия местных епархиальных церковно-исторических и церковно-археологических обществ. Общества создавались по инициативе духовенства. Их первоочередной целью являлось изучение церковно-религиозной жизни епархий; собирание, поиск, экспертиза и публикация исторических источников, а также исследование местных обычаев, преданий, песен, обрядов. До начала XX в. было создано 16 епархиальных научных обществ, а к 1917 г. – 59. В числе первых были основаны Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет с хранилищем древних рукописей и Воронежский церковно-археологический комитет с хранилищем рукописей, библиотекой и архивом [24. С. 36].

Краеведческие наблюдения предоставляли материал для этнографических зарисовок. Например, П. В. Знаменский на основе личных наблюдений писал очерки о марийцах и казанских татарах. Благодаря деятельности епархиальных обществ оказался собран и сохранен богатейший краеведческий материал, ценные исторические источники впервые введены в научный и общественный оборот. На базе собранных коллекций церковной утвари, книг, облачений создавались церковно-археологические музеи.

За революцией 1917 г. последовало закрытие академий, начались аресты и расстрелы представителей духовенства. Некоторым профессорам духовных академий удалось эмигрировать. Вместе с ними из России в Европу переместился центр богословской и церковно-исторической науки.

Русская церковная наука, достигнув к середине XIX в. самостоятельности, заняла значимое место в жизни России. Духовенство было важным источником формирования гуманитарной интеллигенции, церковные историки пользовались известностью в среде светских историков, археологов, археографов, филологов, философов, публицистов. Жизненный путь этих людей, вышедших из одного сословия и получивших большей частью духовное образование, впоследствии складывался по-разному. К началу XX столетия «духовенство разрывали различные установки, что сказывалось на менталитете сословия» [25. С. 152]. Даже в одной академии, на одной

кафедре могли работать очень разные люди: «Мы с А. В. (А. В. Горским. – К. К.) были два человека разных направлений: он был консерватор, девизом которому служил девиз митрополита Филарета: “Благоразумие и осторожность”. Я, напротив, был либералом, который все подвергал строгой критике – принимал только то, что выдерживало критику, и отвергал то, что ее не выдерживало, без всяких рассуждений о том, благоразумно это или нет», – вспоминал Е. Е. Голубинский [9. С. 41].

В числе историков были те, кто полностью посвятил свою жизнь науке, и те, для кого история стала лишь одним из занятий на определенном жизненном этапе. Кто-то занимался исключительно наукой, а кто-то, кроме того, миссионерской работой или служением в храме. Но так или иначе истоки их выбора заключались в личном интересе, в стремлении понять причины и следствия происходивших и происходящих событий, разобраться в соотношении мирского и небесного в судьбе человечества.

Обращение к личностям церковных историков помогает лучше понять как отдельные исторические сочинения и концепции, так и церковную историю как научную отрасль. Доцент Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Рождественский, публикуя воспоминания о митрополите Макарии (Булгакове), с грустью отмечал, что «Россия не умеет помнить лучших сынов своих после смерти» [26. С. 707]. За сто с лишним лет ситуация, к сожалению, изменилась мало, поэтому важная задача сегодня – сохранить память о церковных историках, с вниманием относиться к богатейшему историческому и культурному наследию, созданному настоящими подвижниками церковной науки, талантливыми педагогами и церковно-общественными деятелями.

Источники и литература

1. *Репина Л. П.* Личность и общество, или История в биографиях // История через личность : историческая биография сегодня. – М., 2005. – С. 5–16.

2. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 480 с.

3. *Манчестер Л.* Поповичи в миру : духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

4. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. – Л. : Художественная лит-ра, 1971. – 191 с.
5. Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884). – СПб. : Изд-во СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. – 256 с.
6. Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 530 (фонд Тобольской духовной семинарии). – Оп. 1. – Д. 18: Журнал «На темы жизни», рукописное издание Тобольской духовной семинарии № 3, 4, 5, 6 (1907). – 94 л.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1661 (фонд К.С. Сербиновича). – Оп. 1. – Д. 692 : Записки митрополитов Санкт-Петербургского и Московского о постановке преподавания в духовных учебных заведениях. – 15 л.
8. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого : автобиографические воспоминания : в 2 ч. – М. : Изд-во М.Г. Кувшинова, 1887. – Ч. 2. – 347 с.
9. Евсеев И. Е. Высшая духовная школа и духовное творчество // Христианское чтение. – 1912. – Май. – С. 589–600.
10. Воспоминания Е. Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.
11. Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 737–755.
12. Введенский А. Запросы времени // Богословский вестник. – 1903. – № 10. – С. 240–254.
13. Иванов А. Е. Ипостаси русского профессора : социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. / А. Е. Иванов, И. П. Кулакова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / колл. моногр.; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. – М., 2013. – С. 114–134.
14. Полунов А. Ю. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского / А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1998. – 254 с.
15. Пашенцев Д. А. Благотворительная деятельность Русской православной церкви : автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 24 с.
16. Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) : официальный сайт. – URL: <http://www.m-fond.ru/> (дата обращения: 20.12.2017).
17. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX в. История императорских православных духовных академий. – М. : Новый хронограф, 2005. – 567 с.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 2786: Переписка с Академией наук. – 6 л.
19. ЦГИА СПб. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 3309: Переписка с Русским археологическим обществом. – 4 л.

20. *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I / предисл. и прим. Н. К. Пиксанова. – Пг. : Огни, 1916. – IX, 483 с.
21. *У Троицы* в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М. : Тип. Сытина, 1914. – С. 1.
22. *Общество* любителей духовного просвещения // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 21. – С. 626.
23. *Пирожков Г. П.* Российское родино(крае)ведение : зарождение и развитие (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (16) : в 2 ч. – Ч. II. – С. 175–182.
24. *Корневский В. М.* Духовенство и краеведение // Православие и Россия : канун третьего тысячелетия : матер. духовно-исторических чтений / под ред. Л. М. Харайма, О. Т. Лойко. – Томск, 2000. – С. 36–37.
25. *Скутнев А. В.* Идеалы и установки духовного сословия в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 151–155.
26. *Макарий (Булгаков)* (по воспоминаниям его письмоводителя) // Странник. – 1909. – № 5. – С. 705–724.

2.2. Чтение в жизни российских церковных историков

Для того чтобы в полной мере понять концепции и подходы историков, помимо анализа содержания их трудов, важно исследовать обстоятельства их создания. В качестве одного из компонентов контекста возникновения содержащихся в них идей можно выделить характеристику церковных историков как читателей.

Читательская деятельность является способом бытия человека, одной из сфер проявления культуры чтения, в которой накапливается и реализуется собственный читательский опыт взаимодействия с другими читателями, происходит эмоциональное и интеллектуальное развитие личности. В числе основных показателей читательской культуры в библиотековедении выделяют следующие: выбор тематики чтения, его систематичность и последовательность, способность индивида к адекватному восприятию и усвоению прочитанного, умение ориентироваться в библиотечной среде, эффективно работать с различными видами документов [1. С. 547]. Чтение является ключевой деятельностью для исследователей-гуманитариев, во многом формируя их, поэтому рассмотрим, как складывались читательские предпочтения церковных историков, какую литературу они

читали, что советовали читать другим, каким образом помогали сохранению книжных редкостей.

Изучение интересов читателей минувшей эпохи становится возможным благодаря выявлению нужной нам информации из переписки, автобиографических и деловых документов, анализу библиографических ссылок в их сочинениях. Выявить читательские предпочтения мы можем, основываясь на воспоминаниях, письмах, заметках, а также самих трудах митрополита Евгения (Болховитинова), архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Макария (Булгакова), А. В. Горского, Н. П. Гилярова-Платонова, Е. Е. Голубинского, В. В. Болотова, М. Э. Поснова и др.

Значительную роль в формировании церковных историков как читателей сыграли годы учебы – период непрерывной работы над собой, время постоянного самообразования. В ходе проведенной в России в 1808–1814 гг. реформы была создана четырехступенчатая система духовного образования. Первым звеном в этой цепи стало уездное духовное училище, в котором вместе с обучением чтению, письму и счету велось ознакомление с церковнославянским языком и основами богословия. Следующая ступень – епархиальное училище, дававшее неполное среднее образование с богословским уклоном. Далее следовала духовная семинария, выпускники которой получали среднее богословское образование, по своему уровню более близкое неполному высшему образованию. Наконец, завершающим звеном становилась духовная академия, где обучались студенты, успешно окончившие духовную семинарию. Чтение сопровождало каждую из этих ступеней, но именно в духовных семинариях и академиях оно в большей степени формировало образ мышления, систему духовно-нравственных идеалов.

Анализ прочитанного занимал существенную часть автобиографических воспоминаний церковных историков, что говорит о значимости роли чтения в процессе их личностного становления. Дневниковые записи часто помогали упорядочить мысли по поводу прочтенной литературы, способствовали формированию читательской культуры: «И сегодня много я разных разностей читал; и сегодня я сказал себе: надобно разнородное это множество приводить к единству; пеструю толпу новопривывающих мыслей делить по их классам и класть на них клеймо своего мышления» [2. С. 26].

Наряду с беседами, прогулками, домашними спектаклями чтение заполняло досуг студентов. Популярной была историческая литература, что мы видим, к примеру, в записках студента Московской духовной академии Василия Зарина: «После всенощной читал российскую историю от Петра до настоящих времен, – размышлял о пагубных следствиях честолюбия, о действиях его, об усилиях его в истощении всех средств для удовлетворения себя» [3. С. 326]. Историческая литература предоставляла богатый материал для изучения человеческих характеров и человеческого поведения, воистину оправдывая свое звание «*magistravitae*».

После серии протестов, охвативших с началом Первой русской революции большинство семинарий, Учебный комитет при Синоде делает некоторые шаги навстречу семинаристам – рекомендует внести изменения в учебно-воспитательную систему, а именно – разрешить устраивать литературные чтения, музыкальные концерты, расширить фонды библиотек [4. С. 136]. Так, в библиотеку Тобольской духовной семинарии в 1906–1907 гг. были выписаны сочинения М. М. Щербатова, «Записки» императрицы Екатерины II, «Записки» княгини Е. Р. Дашковой, «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Курс русской истории» В. О. Ключевского, «Происхождение самодержавия в России» Н. А. Рожкова. Выписывались книги, посвященные острым политическим и социально-экономическим вопросам, такие как «Падение крепостного права в России» И. И. Иванюкова, «Социализм и сельское хозяйство» К. Каутского, «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 г.» К. Маркса [5. Л. 73, 220].

Распространенным увлечением в среде студентов семинарий и академий было чтение художественной литературы. Студенты читали всё, что читало образованное общество, увлекаясь как русскими, так и зарубежными произведениями. Среди семинаристов большой популярностью пользовались произведения Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Решетникова, Н. Г. Помяловского, С. Я. Надсона, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Додэ, Э. Золя, Ги де Мопассана. Несмотря на строгие запреты (вплоть до исключения из семинарии), читали литературу революционно-демократического направления: например, сочинения В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

В рукописном студенческом журнале Тобольской семинарии «На темы жизни» можно было найти советы самих же учащихся (вполне вероятно, старшекурсников младшим товарищам) о том, какие книги стоит прочесть. Например, в рубрике «Что читать по истории русского общества в первой половине XIX столетия?» № 3–4 журнала за 1907 г. видим следующее:

«Мякотин В. А. «Очерки по истории русской общественности». *Очень интересная книга о Радищеве, Пушкине, Грановском и т. п. Подчеркнуто: «Прочесть необходимо!».*

Пыпин А. Н. Общественное движение 40-х годов. *Очень интересная, но толстая и немного суховата.*

Милоков П. Н. Крестьяне. Статьи в словаре Брокгауза и Эфрона. *Достать можно у инспектора в кабинете. Необходимо прочесть.*

Иванюков И. И. Падение крепостного права. *Очень хорошая. Необходимо прочесть, если хватит терпения (около 400 стр.)»* [б. Л. 80–81].

Круг внеучебного чтения студентов академии охарактеризован в автобиографических воспоминаниях историка и публициста Н. П. Гилярова-Платонова следующим образом: «Платон и Гердер, Гегель и Фейербах с предшественниками, Юм, Кант и Спиноза с Лейбницем, затем Луи Блан, Прудон, Леру, Конт и далее Фурье, Сен-Симон, Бентам, Адам Смит и Рикардо, наконец, Вильгельм Гумбольдт, Лессинг, Гиббон, Лео, Ранке, Мишле... В чередовании множества философов, экономистов, историков была связь, один писатель подзывал к другому» [7. С. 345–346]. По воспоминаниям богослова М. Д. Муретова, учившегося в середине 1870-х гг. в Московской духовной академии, «студенты читали в русском переводе Тэна, Фюстель де Куланжа, Дрэпера и Гизо» [8. С. 669].

Естественно, что у молодых людей возникала потребность не просто читать, но и объединяться для обсуждения прочитанного. В феврале 1816 г. студенты первого курса Московской духовной академии «с целью взаимного обмена мыслей, возникавших по поводу изучения той или другой науки» учредили общество под названием «Ученые беседы», где они могли «с дружеской свободой и открытостью говорить, что каждый думал о предметах их учений»;

«иногда читали друг перед другом свои сочинения и судили о них» [9. С. 1–3].

В период обучения в семинариях и академиях у студентов формировались эстетические требования к книге. В воспоминаниях Н. П. Гилярова-Платонова они были выражены так: «Большинство духовно-учебных книг и даже вообще казенных учебников страдают неприглядностью, и причина для меня ясна: души не приложено к изданию, не сам автор издает, не книгопродавец, который смотрит на книгу все-таки как на родное детище и наряжает ее в то, что ей к лицу. Не заинтересованный фактор казенной типографии равнодушно определяет формат и шрифт, и выйдет она из типографии, а потом из переплетной, с бессмысленным, нисколько не интересным видом» [7. С. 39].

Студенты читали книги на иностранных языках. Протоиерей Д. И. Кастальский – выпускник, а затем профессор Московской духовной академии, в посвященных студенческим годам воспоминаниях писал об особенно запомнившихся ему книгах: «Помню, что на младшем курсе меня весьма занимали философские идеи Гердера, которые я читал на немецком. Но я читал их довольно медленно, потому что не очень бойко мог читать на немецком, и жалел, что не мог прочитать всю книгу и ознакомиться с нею вполне» [10. С. 93].

Для того чтобы иметь возможность читать иностранную литературу, порой приходилось изучать новый для себя язык. Так, Н. П. Гиляров-Платонов, осознав, что для изучения философии и богословия ему необходима европейская литература, принялся за изучение французского, английского и немецкого языков. Сам же он давал уроки русского языка иностранцам, получая при этом как опыт разговорной практики, так и деньги на иностранные книги, которые он покупал «на Сухаревке по воскресеньям» [7. С. 66].

Значительную долю читаемой литературы составляли литературные, общественно-политические, исторические, богословские журналы. Среди популярных изданий того времени – «Московский телеграф», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Отечественные записки», «Странник», «Христианское чтение», «Богословский вестник» и др. Издательства журналов держали своих читателей в курсе современных событий общественной и культурной жизни, занимались публикацией и распространением научных трудов. Журналы содержали материалы по богословским дис-

циплинам и церковной истории, духовную поэзию и прозу, публицистические очерки, рассказы о паломнических путешествиях, практические советы для священников и миссионеров, обсуждения актуальных общественно-политических вопросов и многое другое. В церковных журналах публиковался список новинок православной литературы, книги из этого списка читатели могли заказывать через редакцию самого журнала.

Годовая подписка на православные журналы во второй половине XIX – начале XX в. составляла 5–7 рублей. Для сравнения: в начале XX в. железнодорожный билет первого класса до Твери из Москвы стоил 7 рублей 25 копеек; заработная плата учителя старших классов составляла 80–100 рублей в месяц [11]. Журналы, как светские, так и духовные, были доступны и выписывались представителями городского и сельского духовенства, приходами и братствами, духовными образовательными учреждениями, библиотеками. Стесненные в средствах студенты духовных академий выписывали один журнал в складчину. По воспоминаниям Д. И. Кастальского он с сокурсниками выписывал три журнала: «Отечественные записки», «Современник» и «Библиотеку» («Библиотеку для чтения». – К. К.). Книжки разделялись на тетради, чтобы многие вдруг могли читать книгу, и передавались из номера в номер в определенные сроки. Таким образом, русская современная литература была нам знакома» [10. С. 93].

Будущий церковный историк оканчивал обучение, становился преподавателем, занимался научной работой, принимал священный сан. Рассмотрим, какое место теперь занимало чтение в его жизни, отличались ли теперь его читательские практики?

В круг читаемой историками литературы по-прежнему входила богословская, философская, историческая и художественная; церковные и светские журналы. В списке книг, выданных профессору Е. Е. Голубинскому в библиотеке Московской духовной академии, содержались Новый Завет, Псалтырь, Евангелие, журнал «Христианское чтение», греческая грамматика, первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь» митрополита Григория (Постникова) [12. Л. 3–4].

Не избегая влияния читательской моды, церковные историки интересовались всеми популярными новинками выпускаемой литературы. К примеру, даже известный своими консервативными взгля-

дами митрополит Московский Филарет (Дроздов) «читал все, что читал тогда весь просвещенный Петербург»: «Юнга-Штиллинга, Франсуа Фенелона, Карла фон Эккартсхаузена; общался с известными мистиками и масонами И. В. Лопухиным, А. Ф. Лабзиным, графом А. К. Разумовским и обсуждал с ними аллегорические толкования Священного Писания немецкого мистика-богослова Мейстера Экхарта» [13. С. 68].

Письма церковных историков говорят о том, что и в переписке значительное внимание они уделяли чтению. В середине XIX столетия при пока еще недостаточном развитии в России специализированных научных периодических изданий переписка ученых между собой служила одним из важнейших средств для обмена информацией. Об этом нам говорят письма А. В. Горского [14], митрополита Макария (Булгакова) [15], Е. Е. Голубинского [16]. Среди адресатов церковных историков – С. М. Соловьев, И. И. Срезневский, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Гильфердинг и многие другие исследователи. В письмах обычно делились мнениями о прочитанной литературе, переписывали друг для друга различные статьи и главы из книг, сообщали сведения о наличии в библиотеках тех или иных изданий.

Среди личных документов Е. Е. Голубинского сохранились списки адресатов, которым он рассылал свои новоизданные книги. Например, первый том «Истории русской церкви» был отправлен 33 адресатам, среди них – В. О. Ключевский, А. П. Лебедев, А. Н. Пыпин, А. А. Дмитриевский, К. П. Победоносцев [17. Л. 1]. Следует отметить, что книги самих церковных историков не только рассылались, но и успешно продавались, пользуясь постоянным спросом у издателей и книгопродавцов – И. Д. Сытина, А. С. Суворина, М. О. Вольфа, Н. П. Карбасникова [18, 19].

С уникальными изданиями и рукописями знакомились историки в зарубежных «ученых путешествиях». Перед поездкой от научных советов духовных академий они получали своеобразную «инструкцию» с примерным маршрутом и три задания: «научное» – ознакомиться с основными направлениями преподаваемого предмета в западной науке; «методологическое» – уяснить положение этой науки среди других разделов богословия, ее внутреннюю структуру и применяемые методы; «источниковедческое и историографическое» – ознакомиться с доступными источниками и лучшими пособиями,

составить каталог и по возвращении рекомендовать академической библиотеке [19. С. 197–198].

В мае 1872 г. Е. Е. Голубинский отправился в Грецию и на Балканы «для ближайшего ознакомления с внутренним бытом современной и памятниками исторической церковной жизни православных народов» [20. С. 3]. За полтора года историк побывал в Вене, Белграде, Константинополе, Афинах, Риме; совершил паломническую поездку в Палестину, посетил Афон. Во время своего путешествия Е. Е. Голубинский наблюдал обычаи религиозной жизни православных народов, работал в крупнейших библиотеках, собирал исторические и этнографические материалы, составлял каталоги неизданных славянских и греческих рукописей¹, делал краткие заметки об истории местных церквей, изучал памятники церковной археологии. Например, во время пребывания в Вене он обращался к материалам по истории Австрии, Сербии, Далмации; описаниям городов, летописям, статистическим данным, монастырским актам [21. Л. 4–22]. Историк привез из путешествия немало книг для академической библиотеки на сербском, болгарском, греческом языках.

Все прочитанное как в годы студенчества, так и после находило отражение в сочинениях церковных историков. Библиографические ссылки свидетельствуют о превосходном знании историками трудов не только своих предшественников, но и современников: историков, филологов, философов. Историки не просто знали о книжных новинках, но и использовали их в своих исследованиях. В их сочинениях можно увидеть ссылки на самые новые и актуальные в то время монографии, статьи в периодических и продолжающихся научных изданиях.

Церковные историки выполняли и такую важную миссию, как приобщение к чтению молодого поколения – студентов. Преподававшие в духовных семинариях и академиях историки рекомендовали студентам литературу, учили с ней работать, воспитывали в них читательскую культуру. Приобщение к изучению фундаментальных трудов в годы ученичества значимо и с точки зрения «формирования чувства научной (дисциплинарной) принадлежности, так как дает

¹ Рукописи каталогов хранятся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), фонд 1628.

представление об истории корпорации, ее ключевых фигурах и символах веры» [22. С. 300].

Могло быть и так, что церковный историк помимо преподавательской деятельности работал библиотекарем. В таком случае ответственность за воспитание сознательных и заинтересованных читателей возрастала. Особенно следует остановиться на личности историка, профессора, а затем и ректора Московской духовной академии А. В. Горского, с 1834 по 1862 г. работавшего в академической библиотеке (с 1842 г. – заведовавшего ею).

А. В. Горский пополнял библиотеку редкими старопечатными книгами и уникальными рукописями, в том числе из библиотеки Синода, Иосифо-Волоколамского монастыря, библиотеки Московской Синодальной типографии, архива Тобольского архиепископа Афанасия (Протопопова) и других архиереев. Так, по ходатайству А. В. Горского из Иосифо-Волоколамского монастыря было получено «236 рукописей, в их числе 3 рукописи на пергаменте, Евангелие в лист XIV в., октоихи, много ценных древних рукописей на бумаге XV–XVI вв.» [23. С. 317]. По воспоминаниям его ученика, выпускника Московской духовной академии, церковного историка Е. Е. Голубинского, «дело с выпиской новых книг в библиотеку обстоит следующим образом. Русские книги Александр Васильевич выписывал по запискам наставников (преподавателей. – К. К.) и по своему усмотрению. Иностранные же книги высылал ему рижский книгопродавец Дейбнер: присылал он целые короба с новейшими произведениями богословской литературы. Александр Васильевич просматривал книги или давал просматривать, которые находил нужными – оставлял, другие отправлял назад. Этим делом Александр Васильевич заведовал и будучи уже ректором» [24. С. 27].

Но работа в библиотеках заключается не только в обеспечении сохранения и пополнения фонда, важнейший компонент библиотечной работы – это общение с читателями. А. В. Горский с готовностью давал студентам нужные книги, пособия, советы и указания для самостоятельной работы, охотно делился своими знаниями со всяким, кто обращался к нему: «Большинство книг академической библиотеки того времени испещрены его пометками и замечаниями. Когда у Горского спрашивали одну книгу по какому-нибудь вопросу, он доставал и выкладывал десятки, указывал нужные листы и страницы, ночью без фонаря, ошупью, находил книгу» [25. С. 281].

По воспоминаниям выпускника академии С. Смирнова, «Александр Васильевич любил возбуждать научную самостоятельность среди студентов, видя в ней средство умственной и нравственной дисциплины студента, ожидая от нее большой пользы для отечественной науки» [26. С. 424]. Вовремя рекомендованная знающим человеком книга, безусловно, выступала в качестве одного из средств приобщения студента к самостоятельной исследовательской работе.

А. В. Горский мог иронизировать над нерадивыми студентами, изредка являвшимися к нему в библиотеку. Е. Е. Голубинский вспоминает: «Мой товарищ, Николай Павлович Крылов, москвич, франт и щеголь, прилетел раз в библиотеку, подает записку и говорит: “Александр Васильевич! Пожалуйста мне вот такую книгу!” Александр Васильевич посмотрел на него с улыбкой и говорит: “Извините, эта книга еще не написана, а когда будет написана, тогда пожалуйста”». Крылов повернулся и улетел, и больше, вероятно, не заглядывал в библиотеку» [24. С. 27].

Библиотека выступала своеобразной площадкой для общения, объединенной разговорами о науке, почтением к исследовательской работе. Из воспоминаний богослова и историка Н. Н. Глубоковского о библиотеке Московской духовной академии: «...даже препростой помощник библиотекаря иеромонах Рафаил не ослабевал твердить о науке и будто бы писал что-то о библейских животных, давая пищу для добродушного юмора своему острословному приятелю В. О. Ключевскому, который подыскивал ему “на тему” в качестве материала какого-нибудь засохшего клопа в старинных фолиантах» [27. С. 740].

Церковные историки были обладателями богатых личных библиотек, впоследствии завещанных духовным и светским учебным заведениям, монастырям и храмам. Например, в 1837 г. после смерти Евгения (Болховитинова) комиссия по распределению наследства митрополита составила описи книг, подаренных библиотеке Киевского Софийского собора: «всего 3203 рукописи, 1342 книги, в библиотеку духовной консистории – 170 книг, в библиотеку духовной академии – 145 книг, в библиотеку духовной семинарии – 6731 книги» [28. С. 21].

Чтение, являясь важнейшей стратегией жизни мыслящего человека, во многом определяет его общее культурное пространство. Изучение особенностей бытования книги в обществе, выявление

круга читательских интересов, мотивов и культуры чтения дают больше возможностей для понимания внутренних механизмов развития социальных и духовных процессов. Разнообразие читательских интересов, стремление быть в курсе новинок книг и периодических изданий, анализировать и обсуждать прочитанное опровергает существующий стереотип о некой ограниченности студентов и отчасти преподавателей дореволюционных духовных учебных заведений. Знакомство с кругом чтения церковных историков и их читательского поведения добавляет новые штрихи к исследованию их взглядов. Знание того, что и как читал автор, – верный ключ к пониманию созданных им трудов.

Источники и литература

1. *Мелентьева Ю. П.* Культура чтения / Ю. П. Мелентьева, И. П. Осипова // Библиотечная энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Гриханов. – М. : Пашков дом, 2008. – С. 547–548.

2. *Дневник А. В. Горского* (с примечаниями С. Смирнова). – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. – 195 с. (репр. изд. – СПб., 1999).

3. *Дневные записки 1824 г. студента Московской духовной академии Василия Зарина* // Богословский вестник. – 1914. – № 10–11. – С. 323–352.

4. *Прахт Д. В.* Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. История. – 2012. – № 2. – С. 133–138.

5. *Государственный архив* в г. Тобольске. – Ф. 530 (фонд Тобольской духовной семинарии). – Оп. 1. – Д. 10: Журнал «Овод», рукописное издание Тобольской семинарии № 1, 4, 5 (1906–1908). – 329 л.

6. *Государственный архив* в г. Тобольске. – Ф. 530 (фонд Тобольской духовной семинарии). – Оп. 1. – Д. 18: Журнал «На темы жизни», рукописное издание Тобольской духовной семинарии № 3, 4, 5, 6 (1907). – 298 л.

7. *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого : автобиографические воспоминания : в 2 ч. – М. : Изд-во М. Г. Кувшинова, 1887. – Ч. 2. – 347 с.

8. *Муретов М. Д.* Из воспоминаний студента Московской духовной академии XXXII курса (1873–1877) // Богословский вестник. – 1914. – № 10–11. – С. 646–676.

9. *Голубинский Ф. А.* История общества, составившегося под названием «Ученых бесед» в Московской духовной академии (1816) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 1–9.

10. *Из «Семейных записок» протоиерея Дмитрия Ивановича Кастальского* // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 80–111.

11. *Пядышев Д.* Цены и жалованья в России в начале XX в. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.talers.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=81&Itemid=108&showall=1 (дата обращения: 12.02.2016).

12. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1628. (фонд Е. Е. Голубинского). – Оп. 1. – Д. 391: Списки библиотечных книг, находящихся у профессора Е. Е. Голубинского. – 4 л.

13. *Яковлев А. И.* Светоч Русской церкви : жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. – М. : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2007. – 208 с.

14. *Письма к А. В. Горскому // У Троицы в Академии.* 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 360–401.

15. *РГИА.* – Ф. 675 (фонд митрополита Макария (Булгакова)). – Оп. 1. – Д. 1–33.

16. *РГИА.* – Ф. 1628 (фонд Е. Е. Голубинского). – Оп. 1. – Д. 466, 485, 491, 511.

17. *РГИА.* – Ф. 1628 (фонд Е. Е. Голубинского). – Оп. 1. – Д. 554: Список адресатов по отсылке сочинения «История русской церкви» 1-го тома первой половины 2-го издания, составленный Е. Е. Голубинским. – 1 л.

18. *РГИА.* – Ф. 1628 (фонд Е. Е. Голубинского). – Оп. 1. – Д. 553: Тетради списков адресатов, которым рассылались сочинения Е. Е. Голубинского (1901–1906 гг.). – 43 л.

19. *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный : сб. статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX в. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 384 с.

20. *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. – 1912. – № 1. – С. 1–18.

21. *РГИА.* – Ф. 1628 (фонд Е. Е. Голубинского). – Оп. 1. – Д. 53: Список книг, просмотренных Е. Е. Голубинским в Вене для работы над «Кратким очерком истории православных церквей» (1872). – 22 л.

22. *Савельева И. М.* Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / колл. моногр.; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 285–300.

23. *Горский Александр Васильевич // Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова.* – СПб., 1902. – Т. 7. – С. 317–318.

24. *Воспоминания Е. Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник.* – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.

25. *Постников П.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 252–359.

26. *Смирнов С.* Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. – С. 381–441.

27. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884–1914) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 737–755.

28. *Рукавицына Е. И.* Библиотека митрополита Евгения, подаренная Киеву // Митрополит Евгений : жизнь и творчество: Восьмые Болховитиновские чтения : сб. статей / сост. А. М. Аббасов, В. Н. Демченко, А. В. Кожемякин. – Воронеж, 1993. – С. 19–21.

2.3. «История не должна быть панегириком, иначе она потеряет смысл»: понимание истории в духовно-академической среде

Интеллектуальная среда XIX столетия воспитывала в обществе осознание своей самобытности, глубоких корней и исторических традиций. Просвещенная публика желала знать историю своего Отечества. В трудах ученых нового «критического» направления, появившегося в 1820–1840 гг. в историографии, в качестве предмета исследования утверждалось изучение истории общества, его внутренней структуры, народа как носителя специфики национальной истории, истории России в контексте мировой истории. Изменения происходили в определении целей исследования. Из науки, имевшей целью назидание современных правителей опытом прошлого, она превращалась в науку, изучающую настоящее как естественный и необходимый результат прошлого. Во второй половине XIX в. на первое место в исторической науке выдвигается научно-познавательная функция, появляется уверенность в возможности практического использования ее данных для решения задач современности. Появилось стремление осмыслить исторический процесс в его сложности и многообразии, выявить ее «русские» особенности. Расширилась и углубилась исследовательская практика, происходила дальнейшая дифференциация исторического знания.

Похожим путем шло развитие церковной исторической науки. Рассмотрим, что понимали под термином «история» церковные историки XIX – первой четверти XX в., каким образом они представляли исторический процесс. В качестве источников для исследования проанализируем труды ученых, стремящихся сочетать конкретно-исторические исследования с разработкой теоретико-методологических вопросов.

Одним из первых трудов, ставящих задачу объяснить, что такое история, стало «Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах» (1816) митрополита Московского Филарета (Дроздова): «Церковная история есть основанное на твердых свидетельствах, от частных повествований к общим соображениям возведенное, и к деятельному наставлению направленное, изложение происхождения на земле церкви Божией, перемен в ее внешнем и внутреннем состоянии последовавших, и непрерывного ее под особенным промыслом сохранения, от начала мира до ныне» [1. С. I].

Церковная история состоит из двух частей – «внешней» истории и истории «внутренней»: «Внешняя рассматривает церковь как общество верующих, и в сем отношении описывает ее благосостояние и бедствия, защитников и врагов, расширение и сокращение видимых ее пределов. Внутренняя наблюдает ход веры, одушевляющей и отличающей сие общество, и повествует об учении, о Богослужении, о мужах делом, словом и писанием способствовавших к успехам истинного благочестия, и о противоборствовавших ему, суевории, расколах, ересях, соблазнах и нечестии» [Там же. С. I–II]. Охарактеризовав сущность истории, далее митрополит Филарет пишет о том, почему полезно ее изучение: «Замечая в оной следы премудрости, правосудия и благодати Божией, каждый может утвердиться в неуклонном шествии по пути веры» [Там же]. Особенно полезно изучение истории для священнослужителей, для которых примеры из истории могут стать средством спасения не только себя, но и других.

Предмет исторической науки, по мнению Иннокентия (Смирнова), епископа Пензенского и Саратовского, автора «Начертания церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества» (1817), – это «царствование Иисуса Христа – Царя Небесного в той стране, где мы живем; в тех местах и храмах, которые мы видим и осязаем; над теми лицами, которые суть наши прародители, наши начальники, или сродники и знаемые» [2. С. 1].

Автор излагает историю по векам, каждому из них дается своя характеристика, нередко внешняя и искусственная. Например: «век десятый, обременяемый соблазнами, на Востоке и Западе темный, на Севере просвещаемый» [Там же. С. 47], «век второй-надесять, рыцарский, колеблющийся между невежеством и схоластиком и валденский, на Севере (в России) мятежный» [Там же. С. 158]. Каждое

столетие автор анализирует, опираясь на выделенные им семь характеристик: «Внешнее благоденствие церкви», «Бедствия церкви», «Состояние церковного учения», «Обряды и богослужения», «Состояние иерархии», «Ереси и расколы», «Достопамятные лица». Особое внимание историк уделяет последней теме, приводя подробные сведения из жизни патриархов, митрополитов, князей, духовных писателей, основателей монастырей. Подобно «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина «Начертание церковной истории» раскрывает историю через личности церковных и политических деятелей.

Историк и богослов архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский) начинает свой труд с характеристики предназначения церковной истории: «История христианской церкви изображает события и перемены, происходившие в церкви христианской, с их началами и последствиями, начиная с ее происхождения... История русской церкви – история частная, история Христовой церкви в русской стране, в русском народе; она есть верное изображение перемен, происходивших в русской церкви с самого ее начала до последних времен» [3. С. I], «История – не вымысел воображения; она есть изображение былого» [Там же. С. IV].

Затем следует мысль о том, что история церкви двояка: с одной стороны, она предопределена Богом, «неизменна, непреодолима временем, как вечный Бог, ее Основатель, как Дух Святой, ее невидимый правитель», а с другой стороны – ее создает человек и «человеческие страсти в связи с обстоятельствами времени делают то, что Церковь, основанная Христом, является во времени в неодинаковых положениях» [Там же. С. I].

Далее архиепископ Филарет останавливается на следующем актуальном вопросе: как исследователь должен организовать процесс изучения истории? Отметим, что становление историков тех лет происходило в условиях заметного проникновения в русскую науку позитивизма. Представителям этого направления было свойственно рассматривать отечественную историю в равной степени как часть всемирного исторического процесса и как явление уникальное. Они признавали существование исторической закономерности, органической связи прошлого и настоящего, историчности правовых и политических форм. История постепенно становилась наукой, изучающей разные стороны жизни общества, стремящейся понять не

только политическую историю страны, но и социальную, экономическую, культурную сферы.

По мнению архиепископа Филарета, история церкви должна быть органическим целым, иметь единство предмета, связь частей и правильное их расположение, для чего – делиться на периоды в соответствии с ключевыми событиями, а не излагаться по годам, векам или «степеням» (поколениям государей), как это было в трудах предшественников. В рамках каждого периода важно представить события комплексно, «иначе историческое изображение предмета не будет изображением целого предмета, а только одной его стороны» [3. С. II].

Исследуя эти этапы, историк должен был искать ответы на следующие вопросы:

«А) При каких благоприятных или стеснительных обстоятельствах распространялось или стеснялось христианство в России?

Б) В каком положении было учение церкви? Иначе – какова была духовная образованность членов церкви?

В) В каком виде было богослужение в церкви?

Г) Как действовало иерархическое правление церкви?

Д) Как царство Христово выражалось в жизни членов церкви?» [Там же].

Предложенная Филаретом (Гумилевским) периодизация¹ стала классической в церковно-исторической науке, при этом в дальнейшем историки находили в ней ряд недостатков.

К личности историка архиепископ Филарет предъявлял единственное требование – быть христианином: «Без христианского благочестия историк церкви – иностранец в Христовой церкви: много не поймет он в событиях церкви, многое испортит превратным толкованием или вовсе оставит без внимания» [Там же]. В соответствии с тенденциями развития исторической науки основное внимание ар-

¹ Первый период: от начала христианства в России до нашествия монголов, или до 1237 г.; второй период: время порабощения России монголами до разделения митрополии, или 1238–1409 г.; третий период: от разделения русской митрополии до учреждения патриаршества, 1410–1587 г.; четвертый период: период патриаршества; пятый период – период Синодального управления. Архиепископ Филарет завершил свой труд кончиной императора Александра I [3. С. VIII].

хиерархиям церковного управления, истории иерархии, биографиям церковных и политических деятелей. Небольшие разделы посвящены внутреннему устройству жизни христиан, но даже скудные сведения в то время были крайне ценны. Архиепископ смотрел на историю, главным образом, со «стороны правительственных перемен» [3. С. XIII] и действий отдельных выдающихся личностей. Но трудно было бы и ожидать другой постановки вопроса от исследователя того времени, когда история была преимущественно политической, а изучение народной жизни – пока еще неким недостижимым идеалом.

Принципиальная позиция митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) заключалась в необходимости рассматривать историю Русской православной церкви в органической связи государства, общества и народа.

Взгляд митрополита Макария на исторический процесс был основан на безусловной значимости реально свершившегося события как воплощения Промысла Божия. На церковную историю митрополит Макарий смотрел, во-первых, как на часть истории Единой Вселенской апостольской соборной церкви, а во-вторых, как на часть гражданской истории России. В тот период уже были созданы труды Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, которые позволяли автору сосредоточиться исключительно на церковной истории, обращаясь к светской лишь в тех случаях, когда события государственной и церковной жизни неразрывно переплетались.

По мнению митрополита Макария, в изучении истории Русской православной церкви обязательно должны присутствовать четыре элемента: «во все продолжение ее существования может быть рассматриваема с четырех сторон – *со стороны лиц*, ее составляющих, т.е. иерархии и паствы; *со стороны средств*, какими она пользовалась, т.е. ее учения, богослужения и управления, равно как ее прав и преимуществ; *со стороны ее цели*, т.е. веры и нравственности ее чад; наконец, *со стороны ее отношений к другим церквям и обществам религиозным*» [4. С. 11].

Исключительно хронике событий митрополит Макарий посвящает только одну главу – «Иерархия», все остальные главы образуют сплошные темы, переходящие из тома в том и повествующие о различных сторонах церковной жизни (богослужение, храмы, мона-

стыри, праздники, духовное образование, церковное право и т.д.) в их историческом изменении.

В «Историю русской церкви» (публикация первых глав начата в 1846 г.) митрополит включает раздел под названием «Состояние веры и нравственности», преимущественно содержащий сведения о князьях и святых из летописей и житий. Осознавая, что для создания объективной и полной картины религиозной жизни русского народа этого недостаточно, митрополит Макарий уточняет: «Если в числе одних князей русских в продолжение столетия было столько благочестивых, хотя еще нельзя сказать, чтобы летописи перечислили их всех, то можем, по крайней мере, гадать о нравственном настроении и вообще русского общества в то время. Пример князей и княжеских семейств не мог оставаться без влияния на подданных, да и сами князья, конечно, жили сообразно с господствовавшим духом времени» [4. С. 412].

Публицист, историк, философ Н. П. Гиляров-Платонов также определял историю как органический процесс. В русле идей позитивизма развитие общества он уподоблял развитию живого организма: «Все, что составляет принадлежность каждого организма, замечаем и в человечестве» [5. С. 38]. Процесс изучения истории он считал более сложным, чем занятие естественными науками: «Когда ботаник изучает физиологический процесс растения, предмет в совершенной его власти и дает себя рассматривать ему с каких угодно сторон. Но историк лишен этой выгоды: пред ним более или менее скудные и притом мертвые памятники прошлой жизни, не всегда верные, и никогда всесторонние; недосказанное, неправильно представленное он должен сам восполнять собственными догадками и соображениями, и потом чрез искусственное воссоздание представить себе воображением то, что пред физиологом всегда в наличной действительности» [Там же. С. 41]. В то же время в духовно-академической среде имели место взгляды, ставящие под сомнение научность истории. Так, профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотов считал, что история не является наукой в полном смысле, поскольку у нее нет законов, дающих возможность предсказывать события: «Такого рода науки скорее суть искусства, чем науки. Они еще не имеют определенных законов, и прагматические построения их зависят от субъективного настроения лица или целой эпохи» [6. С. 4]. Обязанности историка, по мнению В. В. Бо-

лотова, сводились к тому, чтобы «собирать возможно полный ряд свидетельств о прошедшем; устранить то, что в собранном материале не имеет признаков достоверности, и целесообразно изложить достоверные сведения о прошедшем» [6. С. 14]. Историком необходимо было быть объективным: «Нельзя в своей церкви видеть только свет, а в другой – тени... по отношению к изучаемым событиям мы должны переноситься на разные пункты, становиться на разные точки зрения, выполнять по отношению к ним те функции, которые выполняет суд» [Там же. С. 31].

Однако большая часть историков сходилась на том, что церковная история – это наука, имеющая свою специфику. Например, историк и библиист М. Э. Поснов считал ее неотъемлемой частью мировой истории, хотя и имеющую особенности, в частности: «Если светская, гражданская история имеет в виду земное, политическое, культурно-просветительное развитие народов (человечества), то церковная история изображает стремление людей к вечной, небесной цели – спасению их душ» [7. С. 10]. Важнейшую особенность он видел в наличии действия «божественного фактора», делавшего церковную историю непознаваемой до конца [Там же. С. 9].

Большое значение М. Э. Поснов придавал роли человека в истории, поскольку «без свободного деятельного участия человека Бог не может спасти его» [Там же. С. 7]. М. Э. Поснов обратил внимание на междисциплинарные связи церковной истории с гражданской историей, богословием, историей религий, филологией, географией, греческой философией, с вспомогательными историческими дисциплинами, помогающими исследователю изучить исторический источник, – дипломатикой, сфрагистикой, эпиграфикой, нумизматикой, палеографией. В конце XIX в. в духовно-академическом сообществе начинает осознаться, что для изучения прошлого необходимы специальные знания. М. Э. Поснов (как и В. В. Болотов в лекциях) отмечал, что специальная разработка отдельных сторон церковной жизни имела следствием возникновение целого ряда «богословских наук исторического характера», таких как история догматов, патрология, история христианской литературы и искусства, церковная археология [Там же. С. 10].

Большое внимание уделял теоретико-методологическим вопросам Е. Е. Голубинский. Под влиянием распространяющегося неокантианства складывалось понимание истории как «науки о тех ша-

гах, которые совершило человечество на своем пути к созданию культурных ценностей» [8. С. 86]. Исследователь считал недопустимым умалчивать из конфессиональных или патриотических соображений о фактах, кажущихся неприглядными: «История не должна быть панегириком, иначе она потеряет смысл: историк должен изображать все, что было и хорошее и дурное» [9. С. 155]. История, по его мнению, «есть возможно удовлетворительное воспроизведение прошлой исторической жизни людей, – такое воспроизведение, чтобы эта историческая жизнь восставала перед нами, как настоящая, во всей своей жизненной живости и во всей своей целостной полноте» [10. С. VII–VIII]. При этом Е. Е. Голубинский утверждал, что этот идеал практически неосуществим, но степени приближения к нему могут быть разными. Русская церковная история, по мнению исследователя, «есть именно одна из числа тех историй, которые в состоянии приближаться к нему наименее, или иначе – из числа тех историй, которые имеют возможность воспроизводить прошлую историческую жизнь далеко не в сколь-нибудь желаемой степени» [Там же. С. VIII]. Причина этого заключается в том, что качество и количество источников, по которым можно изучать русскую церковную историю, оставляют желать лучшего.

Предмет истории, по утверждению Е. Е. Голубинского, состоит из двух частей – из «истории обществ» и «истории правительств». Историк должен изучать их в равной мере, в противном случае история не будет «полной и настоящей» [Там же. С. IX]. Обширная эрудиция Е. Е. Голубинского и применение сравнительного метода позволили ему точно и выразительно представить жизнь средневекового русского общества. Материал для своих сравнений профессор брал из истории греческой и западноевропейских церквей, а также из позднейшей истории самой Русской православной церкви. Исследователю, приступающему к изучению прошлого, Е. Е. Голубинский советовал работать «не иссушая в себе живого человека» и отображать жизнь общества в его постоянном развитии [Там же. С. XVIII].

Стремление рассмотреть историю церкви в соотношении с событиями и явлениями общественной жизни свойственно и П. В. Знаменскому. У исследователя сложилась особая система преподавания истории, отличная от официальной: он рассматривал историю церкви в тесной связи с «проявлениями общественной граж-

данской жизни» [11. С. 298]. Это в полной мере выразилось в «Руководстве к русской церковной истории», впервые вышедшем в 1870 г., где исследователь стремился к анализу прошлого во всей его полноте, во всей совокупности составляющих его единиц.

В своих церковно-исторических исследованиях П. В. Знаменский основывается на рассмотрении эволюции в культурной и в общественно-экономической жизни всех слоев русского народа, полагая в основу количественно-преобладающий слой крестьянства (ранее практически не попадавший на страницы церковных исторических сочинений). Но при этом он не вдавался в крайности исторического экономизма – признавая важность экономического фактора, он указывал вместе с ним и другие – духовные, религиозно-нравственные, и они были, по его мнению, важнее.

В предмет русской церковной истории, по мнению П. В. Знаменского, должно войти следующее:

1. Как распространялась церковь Христова среди русских людей и инородцев Русской земли.

2. Как она устроивалась по своему внутреннему иерархическому строю, как определяла свои отношения к русскому государству и народу и приспособляла общие вселенские законы и обычаи своего управления, суда и экономического строя к потребностям и укладу местной государственной и народной жизни и, в свою очередь, сама влияла на изменение характера последних, преобразуя их по своим началам.

3. Чему и как она учила народ, в какой степени последний усваивал ее учение, в каких особенных, народных формах это учение закреплялось в его сознании, и как своим воспитательным влиянием она постепенно сглаживала эти особенности, приближая христианское сознание своей паствы к вселенскому типу православного учения.

4. Какие особенности под влиянием народных понятий и местных жизненных условий обнаруживались в ее православном богослужении, в понятиях народа о христианских святынях, о способах богослужения, о принадлежностях богослужения, обрядах и прочем, и какие воспитательные средства принимала она со своей стороны для устроения и этой отрасли христианской жизни в Русской земле.

5. Как под ее влиянием шло в просвещенном ею народе преуспеяние христианской нравственной жизни [12. С. 15–16].

«Руководство к русской церковной истории» неоднократно переиздавалось, оставаясь одним из самых распространенных учебников в духовных семинариях и академиях, поэтому можно предположить, что в той или иной степени с подходом П. В. Знаменского к изучению истории выпускники духовных семинарий и академий были знакомы.

Метод исторического исследования П. В. Знаменского подвергался критике. Например, ректор Казанской духовной академии архиепископ Антоний (Амфитеатров) отмечал, что труд П. В. Знаменского «не принадлежит к богословским сочинениям ни по содержанию, ни по направлению», при этом в нем «выставлены» темные стороны жизни высшей церковной иерархии и приходского духовенства [13. С. 7]. Но подход, предложенный в трудах П. В. Знаменского и Е. Е. Голубинского, нашел своих последователей в лице таких известных церковных историков, как А. П. Лебедев, А. П. Доброклонский, А. А. Спасский, А. В. Карташев.

Таким образом, мы видим, что на протяжении рассматриваемого периода изменился взгляд на сущность и предназначение исторической науки – от источника нравоучительных примеров история проделала путь к научному знанию, опирающемуся на источниковую базу; от описания биографий религиозных и общественных деятелей – к изучению духовно-нравственной жизни общества. Утверждалось существование исторической закономерности, органической связи прошлого и настоящего, историчность правовых и политических форм. В то же время, благодаря наличию «божественного фактора», признавалось, что история до конца не познаваема. В среде церковных историков сформировалось представление о том, что историческая наука должна рассматривать события комплексно и искать внутреннюю связь между ними, встраиваться в систему других наук, быть объективной и основанной на проверенных источниках.

Источники и литература

1. *Филарет (Дроздов)*. Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах. – М. : Синодальная тип., 1852. – IX, 494 с.

2. *Иннокентий (Смирнов)*. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества. – М. : Синодальная тип., 1834. – II, 562 с.

3. *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237). – М. : Тип. В. Готье, 1857. – VIII, 172, III с.

4. *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Кн. 2: История русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриархата (988–1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. – 703 с.

5. *Гиляров-Платонов Н. П.* Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» : сб. сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 34–57.

6. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви / под ред. А. И. Бриллиантова. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря, 1994. – Т. 1. – 234, III с.

7. *Поснов М. Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М. : Высшая школа, 2005. – 648 с.

8. *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. университета, 1999. – Ч. 1. – 144 с.

9. *А. Б.* Докторский диспут в Московской духовной академии 16-го декабря 1880 года // Православное обозрение. – 1881. – № 1. – С. 147–178.

10. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1997. – Т. 1: Киевский, или домонгольский, период, первая половина тома. – XXIV, 986 с.

11. *Липаков Е. В.* Знаменский Петр Васильевич // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М., 2009. – Т. 20. – С. 297–301.

12. *Знаменский П. В.* История русской церкви. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. – 462 с.

13. *Соловьев И.* Профессор П. В. Знаменский как историк Русской церкви // Знаменский П. В. История русской церкви. – М., 2000. – С. 3–9.

2.4. Церковный историк и источник: особенности интерпретации и способы работы

Исследовательское поле современной интеллектуальной истории может быть представлено в виде структуры, включающей анализ разнообразного мыслительного инструментария, изучение всех форм, средств и установившихся институтов интеллектуального общения, выявление их всё усложняющихся взаимоотношений с соци-

альным контекстом и «внешним» миром культуры [1. С. 343]. Для того чтобы в полной мере понять авторское высказывание, необходимо «увидеть» весь процесс его порождения, в котором «вызов» встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, его интересами, предпочтениями, намерениями и целями, располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, событийным рядом его действий по производству текста и пр. К совокупности этих обстоятельств можно отнести особенности работы историка с историческим источником, поскольку получение нового исторического знания всегда связано с вовлечением в процесс познания продукта интеллектуальной деятельности человека – исторического источника.

Обратим внимание не столько на результат, сколько на процесс создания церковными историками своих сочинений, проследим, с какими установками подходили исследователи к выбору исторических источников, их классификации, публикации, какие рекомендации по работе с источниками можно найти в их трудах. Церковные историки оставались в рамках классической модели, определяющей функции источниковедения в «критике исторического источника с целью получения достоверных фактов, понимаемых как часть реальности прошлого» [2. С. 11]. Об интерпретации содержания источника на основе принципа «признания чужой одушевленности» [Там же. С. 12] речи пока не шло.

Отличительная черта рубежа XVIII–XIX вв. – внимание к историческому источнику. Если раньше исторические сочинения являлись достоянием их авторов, то теперь они были призваны просвещать широкий круг читателей, начались их публикация и тиражирование. Государство придавало большое значение сбору исторических памятников. Собирали, публикацией и исследованием исторических памятников занимались Н. И. Новиков, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин. Поразительна широта планов издания исторических источников – от древнерусских памятников письменности до исторических источников иностранного происхождения XVII в. и материалов, раскрывающих историю народов, вошедших в состав Российской империи. Значительную роль в процессе поиска, изучения и публикации исторических источников играл Румянцевский кружок, сотрудники которого, совершенствуя приемы изучения и издания письменных памятников, заложили ос-

новы источниковедения и историографии. Румянцевский кружок стал прообразом будущих русских научных учреждений. Благодаря его деятельности были опубликованы Строгановская, Ипатьевская, Софийская Новгородская летописи. В Румянцевский кружок присылались копии краеведческих материалов из Мурома, Углича, Суздаля, Рязани, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Тобольска [3. С. 183].

Собирание источников как форма научных занятий сопутствовало деятельности многих ученых XIX в., в том числе и церковных историков. Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. рукописная книга постепенно вытеснялась печатной, одновременно становясь предметом коллекционирования и объектом научного исследования. Испытывая, по воспоминаниям современников, «любовь и внимательность к памятникам древности и старины» [4. С. 24], митрополит Евгений (Болховитинов) стремился привести в порядок местные архивы, отыскать и опубликовать не известные ранее исторические материалы. Митрополит работал не только с письменными, но и с археологическими источниками – русскими, греческими, римскими монетами, найденными на новгородской земле. Сотрудничество с Румянцевским кружком предоставило ему богатейший материал для «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви», включившего данные о местонахождении рукописных произведений свыше 200 российских писателей XIII–XVIII вв. Первичной обработкой обнаруженных материалов митрополит Евгений подготовил основу для следующих за ним поколений ученых.

Еще один русский церковный историк, проделавший огромную работу по поиску и публикации источников по истории церкви, – Макарий (Булгаков). Создавая обобщающий труд по церковной истории, он должен был попутно решать множество частных вопросов, без исследования которых изложение событий не представлялось ему в полной мере аргументированным. Для того чтобы не перегружать текст «Истории Русской церкви» частными вопросами, связанными с необходимым анализом источников, он издавал посвященные им исследования в приложениях. Таким образом, в 1850–1880-х гг., параллельно с работой над «Историей Русской церкви», митрополит Макарий ввел в научный оборот множество памятников древнерусской церковной письменности, среди которых «Память и похвала князю русскому Володимеру», «Житие блаженного Воло-

димера», «Сказание страстей и похвала об убиении святых мучеников Бориса и Глеба» и др.

Эти приложения в немалой степени способствовали тому, что исследование митрополита Макария превратилось «в своеобразный источник для его современников и исследователей младших поколений, которых автор своими трудами избавил во многом от тяжелой работы по сбору и первичному анализу материала» [5. С. 8]. Свидетельством тому, что вспомогательная часть «Истории Русской церкви» митрополита Макария, посвященная характеристике источников, пользовалась признанием исследователей, являются, например, ссылки на его труд в исследовании В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» при анализе житий св. Леонтия Ростовского [6. С. 13, 21, 24], преп. Никиты Столпника [Там же. С. 47–49], свт. Стефана Пермского [Там же. С. 92], св. Михаила Черниговского [Там же. С. 147] и т.д. Но в отдельных случаях В. О. Ключевский критиковал митрополита Макария за то, что он, излагая хронику распространения христианства в Ростовском крае, как и другие церковные историки, «доверчиво пользуется» содержанием редакций житий, происхождение которых до конца не установлено [Там же. С. 27].

Огромный фактический материал, собранный митрополитом, придал его трудам запас прочности на многие годы. В качестве главного достоинства труда митрополита Макария отмечалась обширность привлекаемого материала, настолько нового и ценного для науки того времени, что «История Русской церкви» стала для его последователей, в свою очередь, информативным источником. Личное собрание рукописных книг митрополита Макария впоследствии было передано им в *Alma Mater* – Киевскую духовную академию и в настоящее время хранится в Центральной Научной библиотеке Национальной академии наук Украины.

Обращает на себя внимание широта охвата источников, на которые опирались церковные историки. В работе над историческими сочинениями использовались монастырские грамоты, летописи, рукописи из монастырских и храмовых библиотек, архивов духовных консисторий, музеев, а также богослужебная литература, жития святых, послания митрополитов и епископов, труды средневековых богословов, описания археологических находок и т.д. Информативными историческими источниками являлись законодательные доку-

менты, «Акты археографической экспедиции», послания митрополитов, епископов. Церковные историки использовали в работе самые разнообразные делопроизводственные, статистические, судебные материалы. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) в «Истории Русской церкви» приводил следственные дела о староверах и сектантах из «Полного собрания законов Российской империи». Д. Н. Беликов, работая над исследованиями «Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным)» (1895), «Томский раскол» (1900–1901), «Старинный раскол в пределах Томского края» (1905), обращался к серии уголовных дел, состоявших в производстве Томского губернского суда с 1878 по 1882 г. или хранившихся в архивах Томского губернского правления и Томской духовной консистории.

Вопреки существующим представлениям об отсутствии серьезной доказательной базы в исследованиях, церковные историки много времени посвящали работе в архивах, в том числе и в местных. Например, Д. Н. Беликов, работая над исследованием «Старинный раскол в пределах Томского края» (1905), обращался к архивам Колывано-Воскресенского горного начальства, Томского Богородице-Алексиевского монастыря, Томского и Барнаульского духовных правлений.

Исследователи старообрядчества П. В. Знаменский и Н. И. Ивановский в своих работах опирались на записи бесед со староверами, этнографические наблюдения. Находили место в трудах церковных историков и ссылки на сочинения иностранцев, повествующих о политической и, что очень важно, духовной сферах жизни русского общества: итальянского писателя Плано Карпини, польских историков Мартина Кромера и Яна Длугоша, австрийского дипломата, писателя и историка Сигизмунда фон Герберштейна.

Следует отметить, что в XIX в. одним из ведущих информационных каналов, в том числе и для исторической науки, стала журналистика, поэтому материалы православной периодической печати с этого времени выступали в роли важнейшего исторического источника. Сформировавшаяся к середине XIX в. церковная публицистика играла значительную роль в общественной жизни пореформенной России. В журналах обсуждались проекты церковных реформ, события общественной жизни, состояние духовного образования; публиковались статистические данные, протоколы заседаний академиче-

ских советов, сметы на содержание академии, вопросы о назначении студентов священниками.

Наряду с журналами в качестве источника привлекались материалы православных газет. Официальные печатные органы епархий – епархиальные ведомости, как правило, состояли из двух частей: официальной, знакомившей с распоряжениями Синода и епархиального начальства, и неофициальной, содержащей выписки из творений Святых Отцов и духовных писателей, темы для проповедей, историко-статистические описания епархий, поучения и беседы, исторические и краеведческие статьи.

Широко использовал материалы епархиальных ведомостей П. В. Знаменский в исследовании «Духовные школы в России до реформы 1808 года» (1881). Из ярославских, вятских, пермских, вологодских, черниговских, владимирских, тамбовских, иркутских газет автор извлекал материал по организации учебного процесса в церковноприходских школах, духовных училищах и семинариях. В опубликованных распоряжениях местных светских и церковных властей, а также новостных заметках из жизни семинарий и духовных училищ содержалось немало сведений о строительстве и ремонте их зданий, окладах преподавателей, денежных и продуктовых нормах на содержание учащихся, проделках семинаристов и воспитательной работе с ними.

Некоторые из церковных историков XIX – первой четверти XX в. предлагали собственные классификации исторических источников, что очень ценно, ведь, во-первых, классификация – это эффективное средство лучшего познания источников, а во-вторых, она помогает заглянуть в творческую лабораторию церковного историка и приоткрыть нам завесу над тайной – как работал с источниками церковный историк позапрошлого и прошлого столетий.

Выбор основания деления источников на группы – важнейший теоретический вопрос. От того, насколько корректно избран принцип классификации и насколько последовательно он применен, зависят ее результат и научное значение. Впервые над теоретическим обоснованием принципов классификации источников в российской науке задумались в начале XX в., т.е. когда происходило формирование теории источниковедения, но вопросы деления источников по тому или иному признаку интересовали русских историков гораздо раньше.

Попытки классифицировать источники предпринимались, начиная с В. Н. Татищева, но, естественно, в современном понимании это были «наметки некоего логического упорядочения источникового материала» [3. С. 241]. В лучшем случае это были перечни источников, сгруппированных по определенным формальным признакам, при этом в пределах одной классификации могли быть выделены разные основания. Такие перечни, за редкими исключениями, были ориентированы только на письменные источники и носили вспомогательный характер, являясь «средством демонстрации добросовестности авторов исторических сочинений» [Там же. С. 241].

Серьезная необходимость организации и упорядочения «безбрежного моря источников» была поставлена перед русской наукой в первой четверти XIX в., в период, когда обилие и многообразие источников превзошли исследовательские возможности, когда деятельность археографической экспедиции открыла перед русскими историками вместе со значительным массивом источников и огромные перспективы в изучении прошлого [Там же. С. 231]. Направляла и активизировала группировку источников работа по изданию актов археографических экспедиций, созданию учебных пособий и обобщающих курсов русской истории. В результате были выделены в качестве отдельных групп летописи, законодательные документы, акты, повествовательные источники, но научно обоснованная классификация в то время еще не была создана.

Во второй половине XIX в. в немецкой историографии И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм предложили деление источников на «остатки» и «традиции». По их мнению, первые представляли собой непосредственные следы прежней жизни, обозначение факта. Вторые содержали изложение фактов прошлого, его оценку создателем источника. В России на рубеже XIX–XX вв. исследователи придерживались той же системы классификации исторических источников, хотя и подвергали ее критике, отмечая, что не существует источников, представляющих собой только «остатки» и только «традиции», и потому подобное деление не отражает всего многообразия типологического корпуса исторических источников [7. С. 8].

Церковная историческая наука не оставалась в стороне от поисков наиболее точной и универсальной классификации источников в церковной исторической науке.

Одна из наиболее ранних по времени классификаций источников была предложена архиепископом Филаретом (Гумилевским). Источники для изучения русской церковной истории архиепископ разделяет на две основные группы: *«церковные и государственные акты»* и *«известия частных лиц»*. В первую группу им включены *церковные и государственные акты*: послания митрополитов, деяния соборов, княжеские грамоты. В качестве примеров источников этой группы автор приводит опубликованные в то время «Акты археографической экспедиции», «Полное собрание законов Российской империи», исторические и юридические акты.

«Известия частных лиц», в свою очередь, историк разделил на «отечественные» и «иноземные». Среди отечественных источников этой группы архиепископ в первую очередь упоминает летописи, выделив следующие их характерные особенности: «почти каждая из них говорит преимущественно о событиях той области, где она писана», «все они говорят не об одних церковных событиях», «большая часть записанных ими случаев относится к частным предметам – построению храмов, монастырей, к посвящению иерархов» [8. С. 4]. В целом, несмотря на недостатки, связанные с достаточно узким охватом церковных событий, исследователь оценивает летописи как «довольно обильный источник для церковной истории» [Там же]. В классификации архиепископа Филарета дополняет летописные тексты, «особенно относительно учения церкви, жизни и, частию, богослужения и правления» такая группа исторических источников, как *сочинения древних учителей русской церкви* (митрополитов Илариона, Петра, Алексия и др.) [Там же].

Отметим, что главнейшим свойством летописи церковные историки видели «ее современность изображаемым в ней событиям», выраженную в том, что «составители заносили события в то время, как они происходили, или разве немногим позже, но по свежей памяти» [9. С. 1]. Естественно, современные взгляды на летопись как «на идеализацию, в значительной степени подчиненную этикету», сложенному из представлений средневекового писателя о том, каким образом должен был совершаться тот или иной ход событий, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению [10. С. 9], были от церковных историков далеки.

Далее из отечественных «известий частных лиц» архиепископ Филарет обособляет *«подробные записки о частных происшествиях»*

ях», пришедшие с XVII в. на смену летописям (к примеру, такие как «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына, записки Сильвестра Медведева о стрелецком бунте и др.). Но поскольку большая их часть, за редкими исключениями, описывает «почти одни гражданские дела», более информативными и полезными для церковной истории, по мысли архиепископа, оказываются «*краткие заметки на рукописях и послесловия к старопечатным книгам*» (А. Х. Востокова, П. М. Строева и других исследователей) [8. С. 5].

Далее следует такая группа источников, как *жития святых и святителей*. Автор сожалеет, что многие жития русских святых, написанные их современниками, остаются неизданными, а в Четых-Минях, прологах и патериках «древние жития изменены и сокращены, так что в них недостает многих и весьма важных известий» [Там же].

В *сочинениях иностранных авторов*, по мнению архиепископа Филарета, «известий» (особенно достоверных) о Русской православной церкви немного: «Если исключим известия византийцев и некоторых западных летописей о первых временах христианства в России и потом несколько заметок Длугоша, Кромера и других о юго-западе России, то затем почти ничего не останется, что мог бы отыскать полезного для себя у иностранцев историк русской церкви» [Там же. С. 6]. Среди массива иностранных источников историк выделяет также записки австрийского дипломата, писателя и историка Сигизмунда фон Герберштейна. В отношении иных заметок иноземных путешественников о России архиепископ Филарет убежден, что они полны ошибок, ставших следствием поверхностного знакомства с предметом, а также клеветы на русскую церковь (как со стороны католиков, так и со стороны протестантов). Но при этом в самом тексте «Истории русской церкви» ссылки на сочинения иностранных писателей встречаются достаточно часто, что может свидетельствовать о неизбежности небеспристрастного отношения православного историка к писателям-иноверцам.

Вопросу о том, каким образом следует классифицировать источники по церковной истории, уделил немало внимания историк Е. Е. Голубинский. Во введении к исследованию «История Русской церкви» он пишет: «Источники истории, сколько их вообще может быть, разделяются на три класса – *письменные, вещественные и ис-*

точники, представляемые живой жизнью (если дело идет о народах живых, не вымерших)» [11. С. 8].

Письменные источники историк подразделяет на несколько видов:

- Сказания «нарочито-повествовательные»: «летописи общие и частные» и «исторические монографии об отдельных, особенно замечательных лицах и событиях».

- Сочинения «не нарочито быто- и нравописательные», т.е. сочинения юридического и так называемого публицистического содержания.

- Памятники «двоякого рода»: с одной стороны, – «деятельности именно правительственной» – законодательные акты, указы и грамоты, а с другой – «умственно-нравственной жизни» (например, литературные источники) [Там же. С. 8].

Под вещественными памятниками историк понимал здания, предметы быта, произведения ремесел и искусств; под источниками, представляемыми «живой жизнью», – язык, народную поэзию, «поверия и суеверия».

Русская церковная история, по мнению Е. Е. Голубинского, была отражена во всех указанных источниках. Главная проблема заключалась в их качестве. Летописание, основной источник для русской церковной истории, делал вывод ученый, всегда отличалось односторонностью, поскольку описывало только жизнь правителей, но не жизнь народа, а для любой истории, в том числе и для церковной, они важны в равной степени. Таким образом, летописи давали церковной истории «голый каталог предстоятелей церкви, за древнейшее время далеко не полный и относительно хронологии далеко не удовлетворительный, и ничтожное количество отрывочных, но по качеству частью весьма неудовлетворительных известий о церковных делах» [Там же. С. 9–10].

Составители житий (еще одного традиционно значимого источника), считал Е. Е. Голубинский, обращали мало внимания на исторический контекст, в котором протекала жизнь описываемых ими святых: «...свою скудную обстановку они рисуют не посредством живых черт, взятых из действительной жизни, а посредством общих мест и риторических фраз, в которых почти нет ничего живого и индивидуального, а только одно приложимое ко всякому месту и времени и ко всяким людям» [Там же. С. 13].

Таким образом, делает вывод Е. Е. Голубинский, летописи, как и жития, были бы совершенно недостаточным источником, если бы не существовало таких информационно ценных источников, как памятники законодательства, юридические и публицистические сочинения. Не исключает из круга источников автор сатирические и обличительные произведения, которые, «изображая пороки и недостатки жизни современных обществ, через то самое становятся источником для истории этой жизни» [11. С. 10].

Церковный историк М. Э. Поснов под источниками церковной истории понимал все то, что «так или иначе помогает установлению исторических действительных фактов из прошлой жизни церкви». Среди этой совокупности первое место он отводил «древнейшим монументальным памятникам и письменным документам» [12. С. 10]. Все источники М. Э. Поснов делит на *непосредственные*, которые «описывают прямо по опыту наблюдаемую жизнь», и *посредственные*, «изображающие ход церковных событий, пользуясь чужими письменными данными или устными рассказами» [Там же].

Две важнейшие группы источников, на его взгляд: *письменные памятники и монументальные источники*. К письменным памятникам историк отнес юридические акты, послания епископов, митрополитов, патриархов, сочинения учителей церкви: к монументальным источникам – произведения христианской живописи, архитектуры и скульптуры, которые хотя и «не рассказывают истории жизни христианской церкви на человеческом языке, но служат выражением духа и быта христиан, отражением их верований и настроений» [Там же. С. 11]. Таковы, например, римские катакомбы, надписи на печатях, монетах, памятниках и иных предметах. Памятные надписи на камнях, печати и монеты выделял в качестве обособленных групп источников также В. В. Болотов [13. С. 108–117].

Мы видим, что с течением времени классификации усложнялись, что свидетельствует о постоянном поиске наиболее универсального решения вопроса – на основе чего можно изучать историю? Бесспорно, между классификациями источников существовала преемственность. Даже Е. Е. Голубинский, критиковавший существующие подходы к изучению истории, не исключал из своей классификации предложенные предшественниками группы источников (хотя и иначе оценивал их ценность) [14. С. 45–47]. Если для архиепископа Филарета было значимо только, от кого исходил источ-

ник – от государства или частных лиц, то Е. Е. Голубинский обращает внимание на носитель информации, при этом вводя в оборот фольклор, произведения искусства и быта. М. Э. Поснов и В. В. Болотов переносили сделанные их предшественниками выводы на деление источников уже для истории христианской церкви, добавляя археологические находки, монеты и печати. По мере того, как менялась церковная историческая наука, двигаясь по пути от изложения истории церковной иерархии к изучению различных сторон жизни верующих, менялась и классификация источников, появлялись новые их группы – например, публицистика, народная поэзия и др.

Помимо классификаций, церковные историки немало внимания уделяли подходам и способам работы с историческими источниками, помещая в свои книги весьма интересные и ценные рекомендации для исследователей.

В качестве главного критерия отбора источников определялись их достоверность и информативность. Как отмечал во введении к «Истории Русской церкви» архиепископ Филарет (Гумилевский), для церковного историка мало просто ознакомиться со всеми источниками, «между источниками надобно делать выбор, – отличать достоверные от недостоверных, современные от поздних». Работа с источниками, по мысли архиепископа, – «труд утомительный, но необходимый, чтобы иначе история не была собранием сведений о небывалом; труд такой, который должен бы быть конченным прежде сочинения истории» [8. С. 7]. Историк, приступая к работе, следовало «запасть сведениями по хронологии и древней географии России», «чтобы в источниках не смешивать событий совсем различных по времени и месту, хотя и сходных по содержанию, или не разделять одного и того же события на два». Необходимо для историка и знание истории гражданской, «поелику же события русской церкви часто и тесно связывались с гражданскими событиями России, так что, часто не зная последних, трудно понять и первые» [Там же]. Позднее М. Э. Поснов к составленному им перечню наук, необходимых для правильного прочтения и понимания источников, добавит дипломатику, сфрагистику, эпиграфику, палеографию, филологию, географию, хронологию [12. С. 15].

Помимо разносторонних и глубоких знаний, в качестве важного требования к историком выступали объективность, свобода от ложного патриотизма и конфессиональных тенденций [Там же. С. 14]. В

подтверждение М. Э. Поснов приводит слова древнеримского мыслителя Цицерона: «Историк не должен говорить ничего ложного и не укрывать ничего истинного», а также христианского писателя конца III – начала IV в. священномученика Лукиана: «Только одной истине должен приносить жертву тот, кто намерен писать историю» [12. С. 14]. Может быть, не случайно имена двух мыслителей, принадлежащих к разным эпохам, культурам, мировоззренческим системам, М. Э. Поснов поставил рядом с целью показать, что сущность истории и историка неизменна, несмотря на сменяющиеся друг друга эпохи. Историк должен быть внимателен к источникам, максимально объективно, точно и полно раскрывая их содержание, не добавляя и не убирая фактов: «Задача историков извлечь (и выжать) из материала все, что служит к созиданию настоящей истории; но далее этого они пойти не могут и бессильны прибавить самого материала или его улучшить» [11. С. 8].

Особенную трудность представляли те случаи, когда была очевидна недостаточность источников для изучения отдельных событий или целых исторических периодов: «Из обильных источников черпай полную рукой и, имея талант историка, только создай настоящую историю. Но совсем иное дело, когда источники скудны. Чтобы сделать что-нибудь, пишущий историю должен превратиться в усерднейшего, так сказать, тряпичника, должен по десятку раз тщательнейшим образом перерывать всякий хлам, чтобы не оставить ни одного лоскута и лоскутка, который бы мог пойти в дело и послужить на пользу» [Там же. С. 18].

Неоднозначным вопросом для церковной исторической науки того периода выступали функции историка – должен ли он просто описывать и обобщать факты или все-таки выявлять закономерности? Например, митрополит Евгений (Болховитинов), довольствуясь «скромной ролью собирателя материалов или исследователя частных вопросов науки» [15. С. 66], не стремился создавать обобщающую концепцию истории. История, по его мнению, должна быть повествованием, собранием фактов, имен, без субъективного отношения к этому собранию. Похожих взглядов придерживался и митрополит Макарий (Булгаков). Подход к истории митрополита Макария был основан на «безусловной значимости реально свершившегося события как воплощения промысла Божия». Митрополит полагал, что «единство исторического процесса обусловлено боже-

ственным домостроительством и потому не нуждается во внешней схематизации» [16. С. 9]. Из этого следовало пристальное внимание и бережное отношение к каждому факту, документу, свидетельству, стремление сохранить и передать следующим поколениям то, что возникло по замыслу Господа.

Преподаватель Московской духовной академии, писатель-публицист и общественный деятель Н. П. Гиляров-Платонов в статье «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» подверг резкой критике такой подход митрополита Макария и сравнивал митрополита с летописцем, приводящим факты без опоры на анализ источника: «При построении истории мысль остается совершенно бездействующей, когда вся умственная работа заключается в чисто внешнем подборе и подгонке одного готового материала к другому, готовому же». Без непосредственного, личного, авторского анализа источников, по мнению писателя, любой исторический труд – вовсе не труд, а лишь «изделие» [17. С. 37]. «Идеальный историк», по мнению Н. П. Гилярова-Платонова, должен обладать особенным искусством – «умением из хаоса разрозненных материалов воссоздать стройное течение прошлой жизни и представить его в цельной картине» [Там же. С. 34].

То, что на первый взгляд могло показаться «нагромождением» исторических фактов и неумением или нежеланием их интерпретировать, на самом деле являлось принципиальной позицией историков. И митрополит Евгений, и митрополит Макарий считали, что задача историка – сделать доступными факты, а суть исторического процесса человеку открывает Бог. Этот принцип целиком отвечает синергической природе православного христианства, «утверждающей необходимость соработничества, сообразованности, согласованного лада между божественной энергией (благодатью) и энергией человека (волей) в деле спасения, соединения человека с Богом» [18].

Поиски разумного баланса между передачей фактов и созданием по возможности целостной картины исторического развития продолжались в XX в. М. Э. Поснов основную задачу историка формулировал следующим образом: «...не просто описать действительность и познать ее без преследования каких-либо побочных целей, но сделать понятным целое историческое развитие, все изменения, и, насколько возможно, объяснить ход истории» [12. С. 7].

Таковы были общие настроения и подходы в работе с историческими источниками. Безусловно, не могло обойтись без исключений. Порой цель сочинения (например, обличить староверов или сектантов) заставляла церковного историка поступаться принципами уважительного, бережного и внимательного отношения к источнику. Из воспоминаний Е. Е. Голубинского об одном из его наставников, митрополите Московском и Коломенском Филарете (Дроздове): «К памятникам истории митрополит Филарет относился варварски, со своей точки зрения оправдываясь в их истреблении тем, что они могли бы приносить вред. В библиотеке Вифанской семинарии есть раскольничья рукопись, представленная митрополиту Платону (Левшину. – К. К.). На переднем белом листе митрополит Платон сделал замечание о том, что православному богослову трудно бороться с раскольническими учителями, так как они смотрят на предмет с разных точек зрения. Филарет уничтожил этот лист... Филарет вырезывал места из писем митрополита Платона, казавшиеся ему вольными. Наконец, он предлагал Синоду исправить «Историю русской церкви» митрополита Платона, выпустив из нее места, казавшиеся ему неудобными» [19. С. 39].

Другой пример: в произведении митрополита Макария (Булгакова) «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855) присутствует заведомо ложный источник – Соборное деяние на еретика Мартина Армянина [20. С. 1]. В нем осуждалась принадлежность двуперстия, сугубой аллилуйи, хождения посолонь к обрядам истинными и древними, изложенным якобы в книге «Правда», которая послужила для Киевского собора (1157) обличительным материалом против его автора. Писателями-староверами дьяконом Александром Керженским и Андреем Денисовым еще в 1722–1723 гг. было установлено, что Соборное деяние представляет собой подлог, намеренно созданный для того, чтобы продемонстрировать ложность сохраняемых староверами обрядов. Стремясь привести как можно больше доказательств неправоты старообрядцев, митрополит Макарий включил этот источник в свое произведение.

Однако даже такие факты не могут заслонить собой положительные перемены, произошедшие в церковной исторической науке. Поиски источников не являлись самоцелью – трудами церковных историков введены в научный оборот многочисленные и разнообразные источники по российской истории, предложены классифика-

ции источников, созданы источниковедческие исследования. Безусловно, взгляды историков не во всем были едины, но в том, что источнику в историческом исследовании принадлежит первостепенное значение, они оставались единодушны.

Источники и литература

1. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. – М. : Круг, 2011. – 560 с.
2. *Источниковедение* : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
3. *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. – М. : Изд-во РГГУ, 1999. – 416 с.
4. *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 1–64.
5. *От редакции* // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. – Кн. 3: История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) / науч. ред. А. А. Турилов. – С. 5–10.
6. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. – М. : Наука, 1988 (репр. – М. : Тип. Грачева и К, 1871). – 512 с.
7. *Георгиева Н. Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Сер.: История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
8. *Филарет (Гумилевский).* История Русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237). – М. : Тип. В. Готье, 1857. – 183 с.
9. *Маркевич А. И.* О летописях. Из лекций по русской историографии. С приложением статьи «О русских летописях». – М. : Ленанд, 2016. – 250 с.
10. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV) : курс лекций. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 389 с.
11. *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – 1010 с.
12. *Поснов М. Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – М. : Высшая школа, 2005. – 648 с.
13. *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней церкви. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. – Т. 1. – С. 108–117.
14. *Солнцев Н. И.* «История русской церкви» Е. Е. Голубинского : теоретические основы и историографическое значение. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2010. – 195 с.

15. *Грот Я. К.* Переписка митрополита Евгения с Державиным // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 65–216.

16. *Шаховский Д. М.* Митрополит Макарий как церковный мыслитель и историк // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. – М., 1996. – Кн. 7: Период самостоятельности русской церкви / науч. ред. Д.Ф. Полознев, С.Г. Яковенко. – С. 7–14.

17. *Гиляров-Платонов Н. П.* Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...»: сб. сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 34–57.

18. *Хоружий С. С.* Православная аскеза – путь к новому видению человека. – Библиотека Веб-центра «Омега», 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/ascetic.pdf> (дата обращения: 11.12.2016).

19. *Воспоминания Е. Е. Голубинского* // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.

20. *Макарий, епископ Тамбовский и Шацкий.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1858. – 416 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над этой монографией была продиктована необходимостью объективной оценки места и роли церковной исторической науки и ее представителей в научной, социальной, культурной жизни российского общества. Введенная Духовным регламентом в число изучаемых дисциплин история сначала воспринималась исключительно как вспомогательная наука, призванная содействовать нравственному воспитанию учащихся. Но постоянно возрастающий общественный интерес привел к тому, что в середине XIX столетия она была поставлена в центр научных исследований. От источника нравоучительных примеров церковная история проделала путь к науке в современном понимании. Церковными историками признавалось наличие органической связи прошлого и настоящего, историчности правовых и политических форм, причинно-следственных связей, потребности комплексного рассмотрения событий с опорой на исторические источники. Но при этом поиски сотериологического смысла истории, стремление к познанию следования церкви и общества по пути спасения никогда не прекращались. Утверждения о божественности происхождения мира и необходимости его изучения не исключали друг друга.

Со второй половины XIX в. расширяется и углубляется проблематика церковной исторической науки, в качестве отдельных направлений формируется общая церковная история, история русской и славянских православных церквей, церковная археология, византология, история старообрядчества и сектантства, история духовного образования. О динамичном развитии церковной исторической науки свидетельствует и разнообразие форм трудов историков. И в настоящее время не теряют актуальности созданные в тот период монографии, учебные пособия, научные статьи, справочные издания, записи лекций и бесед. Пусть часто для историков приоритетными оставались практические цели – написать учебник для семи-

нарий или руководство для миссионеров, содержание подготовленных трудов имело важное научное значение.

На рубеже веков церковная историческая наука смогла перешагнуть рамки духовной школы и, вобрав в себя все прогрессивные тенденции, достигла высшей точки развития. Исследования церковных историков нередко носили междисциплинарный характер, объединяя философские, социологические, искусствоведческие, экономические темы и сюжеты. Церковные историки были собирателями, хранителями и исследователями историко-культурных ценностей – редких книг, рукописей, икон. Представители духовных академий пользовались известностью в среде светских историков, археологов, археографов, филологов, философов и публицистов; участвовали в работе Академии наук, научных кружков. Сообществу церковных историков не были чужды научные дискуссии. Даже в одной академии, на одной кафедре могли работать люди разных взглядов: от либералов до крайних консерваторов.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события воспрепятствовали ее дальнейшему развитию, не позволив занять достойное место в среде научно-богословских школ христианской церкви. В настоящее время, когда вопросы об организации духовного образования, поиск основ новой богословской науки остаются открытыми, особую важность приобретает изучение опыта исследовательской и педагогической деятельности представителей дореволюционных духовных академий – подлинных центров духовного образования и науки. Новые факты углубляют представление о церковных историках как ученых с широчайшим кругом интересов и великолепной эрудицией, стремящихся к научной объективности, в большинстве своем не ставящих барьеров между собой и представителями светской исторической науки. Церковные историки пользовались уважением в среде светской интеллигенции, сотрудничали с Академией наук, преподавали в университетах, состояли в научных российских и зарубежных обществах. Многие были сделаны для организации краеведческой работы: благодаря деятельности церковно-археологических и церковно-исторических обществ историческая наука существенно расширила источниковедческую базу, способствовала сохранению уникальных письменных источников, исследованию местных обычаев и преданий, созданию музеев. Церковными

историками велась источниковедческие исследования, разрабатывались классификации источников.

Многообразием отличалась сфера деятельности церковных историков – преподавание, пастырское и миссионерское служение, работа в должности редакторов журналов и газет, библиотекарей, архивариусов. Будучи увлеченными и ответственными преподавателями и исследователями, церковные историки немало сделали для образования и воспитания следующих поколений. Следует отметить и их гражданскую активность, вовлеченность в общественную жизнь и благотворительную деятельность.

Вклад высшей духовной школы в научное и культурное развитие российского общества требует дальнейших комплексных исследований. Важно понять, какие формы организации научной работы и духовного образования были наиболее прогрессивны, чтобы суметь использовать их сегодня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733 : фонд Департамента народного просвещения. – Оп. 150. – Д. 978.
2. РГИА. – Ф. 796 : фонд канцелярии Св. Синода. – Оп. 46, II отд., стол 3 – Д. 82; Оп. 82. – Д. 591; Оп. 83. – Д. 977; Оп. 88. – Д. 669; Оп. 92. – Д. 822; Оп. 148. – Д. 1372; Оп. 164. – Д. 718; Ф. 172. – Д. 471.
3. РГИА. – Ф. 797 : фонд канцелярии обер-прокурора Св. Синода. – Оп. 42, II отд., стол 3. – Д. 16; Оп. 77, отд. 1, стол 1. – Д. 24.
4. РГИА. – Ф. 799 : фонд хозяйственного управления при Св. Синоде. – Оп. 21. – Д. 251.
5. РГИА. – Ф. 802 : фонд Духовно-учебного управления при Св. Синоде. – Оп. 2. – Д. 433, 502, 1138, 1216; Оп. 5. – Д. 6636; Оп. 7. – Д. 17884, 18657, 20176, 20256; Оп. 8. – Д. 24710, 26248, 29302, 29720; Оп. 9. – Д. 10, 34; Оп. 10. – Д. 85; Оп. 16. – Д. 185, 202; Оп. 17. – Д. 263.
6. РГИА. – Ф. 814 : фонд канцелярии архива Св. Синода. – Оп. 1. – Д. 39, 50, 56, 78, 185.
7. РГИА. – Ф. 675 : фонд митрополита Макария (Булгакова). – Оп. 1. – Д. 1–33.
8. РГИА. – Ф. 832 : фонд митрополита Филарета (Дроздова). – Оп. 1. – Д. 22, 26, 73, 89, 91, 122.
9. РГИА. – Ф. 1628 : фонд Е. Е. Голубинского. – Оп. 1. – Д. 13, 53, 374, 382, 386, 391, 459, 466, 467, 484, 485, 491, 511, 553, 554, 625.
10. РГИА. – Ф. 1661 : фонд К. С. Сербиновича. – Оп. 1. – Д. 670, 692.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 88 : фонд В. В. Болотова. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 5–7, 19, 58, 105, 179, 184, 193, 194, 240, 249.
12. ОР РНБ. – Ф. 102 : фонд А. И. Бриллиантова. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 5, 10, 11, 36.
13. ОР РНБ. – Ф. 811 : фонд митрополита Филарета (Дроздова). – Оп. 1. – Д. 5, 6, 12, 14, 21.
14. ОР РНБ. – Ф. 1182 : фонд М. А. Голубева. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 117.
15. ОР РНБ. – Ф. 1184 : фонд Ф. Г. Елеонского. – Оп. 1. – Д. 1, 14.
16. ОР РНБ. – Ф. 1187 : фонд И. Ф. Нильского. – Оп. 1. – Д. 1, 8, 9–10, 17.
17. ОР РНБ. – Ф. 1190 : фонд Ф. Ф. Сидонского. – Оп. 1. – Д. 1.
18. ОР РНБ. – Ф. 1192 : фонд И. В. Чельцова. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 6, 9, 21, 22, 31, 32, 34, 39–41.

19. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 277 : фонд Петроградской духовной академии. – Оп. 1. – Д. 1132, 1254, 1343, 2024, 2489, 2786, 2935, 3213, 3254, 3309.
20. ЦГИА СПб. – Ф. 2162 : фонд Н. Н. Глубоковского. – Оп. 1. – Д. 1, 6, 10, 14.
21. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». – Ф. 830 : фонд Тобольской духовной семинарии. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 9 (2), 10–13, 16–19, 23.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 146 : фонд Томского епархиального училищного совета. – Оп. 1. – Д. 1, 4, 4а, 13, 22.
23. ГАТО. – Ф. 170 : фонд Томской духовной консистории. – Оп. 2. – Д. 156, 375, 386, 404, 431, 487, 538, 829, 1491, 1513, 1518, 2070, 2089, 2411, 2508, 2510, 2592, 2689, 2752, 2779, 2800, 2806, 2882, 2884, 2919, 3017, 3106, 3113, 3142, 3149, 3171, 3267, 3276, 3600; Оп. 4. – Д. 19, 20, 51, 598.
24. ГАТО. – Ф. 175 : фонд Томского Богородице-Алексиевского мужского монастыря. – Оп. 1. – Д. 81, 82, 88, 198.

Источники личного происхождения

1. Барсов Е. В. Письмо профессору Е. Е. Голубинскому с возражениями на его книгу «История русской церкви» // Чтения в Обществе истории и древностей российских 1882 г. – М., 1883. – Кн. 3. – С. 43–56.
2. Воспоминания Е. Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. – Кострома, 1923. – Вып. 30. – С. 1–80.
3. Воспоминания, заметки и письма : А. В. Горский // Русское обозрение. – 1896. – Т. 37, № 1. – С. 259–287.
4. Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 544–560.
5. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого : автобиографические воспоминания : в 2 ч. / Н. П. Гиляров-Платонов. – М. : Изд-во тов-ва М. Г. Кувшинова, 1887. – Ч. 1, 2.
6. Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 737–755.
7. Грот Я. К. Переписка митрополита Евгения с Державиным // Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 5–216.
8. Десницкий К. Памяти высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского // Православное обозрение. – 1882. – № 8. – С. 751–773.
9. Дневник А. В. Горского (с примечаниями С. Смирнова). – М. : Тип. М. Волчанинова, 1885 (репр. изд. – СПб., 1999). – 195 с.

10. *Дневник бурсака* / подг. текста Н. Д. Максимовой; ред. А. А. Ковзун. – Владимир, 2001. – 36 с. (Материалы по истории Владимирской губернии. – Вып. 8).
11. *Дневные записки 1824 г. студента Московской духовной академии Василия Зарина* // Богословский вестник. – 1914. – № 10–11. – С. 325–352.
12. *Духовное завещание А. В. Горского* // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 493–494.
13. Из архива А. В. Горского // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 475–543.
14. *Из архива* профессора и ректора Московской духовной академии протоиерея Сергия Константиновича Смирнова // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 424–533.
15. *Из внутреннего быта студентов Московской духовной академии чрез десять лет ее пребывания в Троице-Сергиевой лавре* // Богословский вестник. – 1914. – № 10–11. – С. 314–324.
16. *Из воспоминаний покойного Филарета, митрополита Московского.* – М. : Универ. тип., 1868. – 36 с.
17. *Из «Семейных записок» протоиерея Дмитрия Ивановича Кастальского* // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 80–112.
18. *Избранные мысли из душеспасительных поучений Платона, митрополита Московского.* – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1895. – 160 с.
19. *Каптерев Н. Ф.* Ректор Московской духовной академии протоирей Александр Васильевич Горский // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 495–509.
20. *Колосов Н.* Академическая библиотека в 1890–1898 гг. (из воспоминаний бывшего библиотекаря) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 725–728.
21. Листок предсмертных распоряжений А. В. Горского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 492.
22. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский* (по воспоминаниям письмоводителя) // Странник. – 1909. – № 5. – С. 705–724 ; № 6. – С. 840–850.
23. *Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей* : Н. П. Гиляров-Платонов // Русское обозрение. – 1896. – Т. 37, № 11. – С. 454–470; Т. 37, № 12. – С. 988–1027.
24. *Муретов М.* Из воспоминаний студента Московской духовной академии XXXII курса (1873–1877) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 646–676.
25. *Неизданные места из «Дневника» А. В. Горского* // Богословский вестник. – 1914. – № 10–11. – С. 367–423.

26. *Несколько слов в память о почившем митрополите Московском Филарете.* – М. : Универ. тип., 1870. – 28 с.

27. *Памяти заслуженного профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского // Православное обозрение.* – 1878. – № 3. – С. 485–508.

28. *Памяти ректора Московской духовной академии, доктора богословия протоиерея Александра Васильевича Горского // Православное обозрение.* – 1875. – № 12. – С. 1–61.

29. *Письма В. П. Знаменского, А. А. Благовещенского и К. А. Неволина к протоиерею Ф. А. Голубинскому // Богословский вестник.* – 1914. – № 10–11. – С. 276–313.

30. *Письма к А. В. Горскому О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Гильфердинга, Н. С. Тихонравова и И. И. Срезневского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов.* – М., 1914. – С. 360–401.

31. *Соколов В.* Из воспоминаний об Александре Васильевиче Горском // *Богословский вестник.* – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 456–466.

32. *Сосуд избранный : история российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 : сб. / общ. ред. и сост. М. Складова.* – СПб. : Борей, 1994. – 464 с.

33. *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // *Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита Киевского Евгения.* – СПб., 1868. – С. 1–64.

34. *Субботин Н. И.* Воспоминания, заметки, письма // *Русское обозрение.* – 1896. – Т. 37. – С. 259–287.

Сочинения церковных историков XIX – первой четверти XX в.

35. *Александров А. И.* Политическая и церковная жизнь славянства в XIX в. / А. И. Александров. – Казань : Центральная тип., 1911. – 34 с.

36. *Белоликов В. З.* К вопросу об единоверии / В. З. Белоликов. – Киев : Тип. АО «Петр Барский», 1917. – 22 с.

37. *Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собою в 1902 г. / под ред. Н. И. Ивановского.* – Нижний Новгород : Тип. Губернского правления, 1902. – 70 с.

38. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви / под ред. А. И. Бриллиантова. – СПб., 1907–1917 (репр. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994). – Ч. 1–4.

39. *Буткевич Т. И.* Высшее управление в православных автокефальных церквах / Т. И. Буткевич. – Харьков : Тип. «Мирный труд», 1913. – 192 с.

40. *Гиляров-Платонов Н. П.* «История русской церкви» Макария, епископа Винницкого // Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...»: сб. сочинений / отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 57–97.
41. *Гиляров-Платонов Н. П.* Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. – М. : Синодальная тип., 1899. – Т. 1. – С. 216–241.
42. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – М. : Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002. – 191 с.
43. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Об-во любителей церковной истории, 1997–1998. – Т. 1, 2.
44. *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской / Е. Е. Голубинский. – М. : Универ. тип., 1871. – VII, 734 с.
45. *Голубцов А. П.* Из христианской иконографии / А. П. Голубцов. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1903. – 86 с.
46. *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам / А. В. Горский. – М. : Тип.-лит. И. Ефимова, 1890. – 228, 182 с.
47. *Горский А. В.* История евангельская и церкви апостольской / А. В. Горский. – М. : Тип. М. Н. Лаврова, 1883. – 688, V с.
48. *Горский А. В.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете / под ред. С. А. Белокурова. – М., 1917. – XVI, 528 с.
49. *Григорий (Постников), митр.* Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь. Изложение в отношении к глаголемому старообрядчеству : в 2 ч. – М. : Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1883. – 732 с.
50. *Громогласов И. М.* О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства / И. М. Громогласов. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1895. – 56 с.
51. *Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / отв. ред. В. В. Калугин; подгот. текста А. Г. Кравецкого. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 160 с.
52. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории русской церкви / ред. кол.: В. Чаплин, Д. В. Поспеловский и др. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Об-во любителей церковной истории, 2001. – X, 936 с.
53. *Евгений (Болховитинов), митр.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / Евгений (Болховитинов). – М. : Губернская тип. Решетникова, 1808. – 99 с.
54. *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви / подг. текста, сост.

и автор предисловия П. В. Калитин. – М. : Русский двор, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. – 416 с.

55. *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. / П. В. Знаменский. – СПб. : Летний сад, Коло, 2001. – 800 с.

56. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870) / П. В. Знаменский. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1892. – Т. 1–3.

57. *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси / П. В. Знаменский. – М. : Университетская тип., 1867. – 181 с.

58. *Знаменский П. В.* Разбор сочинения Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» / П. В. Знаменский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1889. – 40 с.

59. *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории / П. В. Знаменский. – Минск : ООО «Харвест», 2005. – 575 с.

60. *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах / Н. И. Ивановский. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1883. – 421 с.

61. *Ивановский Н. И.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических: в 3 ч. / Н. И. Ивановский. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1887. – 500 с.

62. *Иннокентий (Смирнов), еписк.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества / Иннокентий (Смирнов). – М. : Синодальная тип., 1834. – 564 с.

63. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа / Н. Ф. Каптерев. – М. : Индик, 2003. – 248 с.

64. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович : в 2 т. / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад, 1909–1912 (репр. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996). – Т. 1, 2.

65. *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Изд-во книжного магазина М. С. Елова, 1914. – IV, 567, IX с.

66. *Карташев А. В.* Вселенские соборы / А. В. Карташев. – Минск : ООО «Харвест», 2008. – 640 с.

67. *Карташев А. В.* История русской церкви / А. В. Карташев. – М. : Эксмо, 2005. – 911 с.

68. *Карташев А. В.* Систематические построения истории русской церкви // Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви : в 2 т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 12–39.

69. *Кипарисов В. Ф.* Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник / В. Ф. Кипарисов. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1893. – 229 с.

70. *Красносельцев Н. Ф.* Славянские рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме / Н. Ф. Красносельцев. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1888. – 32 с.
71. *Лебедев А. П.* «Великий и в малом...». Исследования по истории Русской церкви и развития русской церковно-исторической науки / А. П. Лебедев. – СПб. : Изд-во О. Абышко, 2008. – 384 с.
72. *Лебедев А. П.* Взгляд на условия развития церковно-исторической науки у нас // Богословский вестник. – 1907. – № 4. – С. 705–723.
73. *Лебедев А. П.* Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России // Богословский вестник. – 1895. – № 12. – С. 289–321.
74. *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX–XI вв. / А. П. Лебедев. – СПб. : Изд-во О. Абышко, 2012. – 336 с.
75. *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. / под ред. М. А. Морозова. – СПб. : Алетей, 2001. – 500 с.
76. *Лысогорский Н. В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв. / Н. В. Лысогорский. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1915. – 800 с.
77. *Макарий (Булгаков), митр.* История русского раскола, известного под именем старообрядства / Макарий (Булгаков). – СПб. : Тип. Морского министерства, 1858. – IV, 404, VIII с.
78. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви : в 7 кн. / Макарий (Булгаков). – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996.
79. *Мальшевский И. И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность : в 2 ч. / И. И. Мальшевский. – СПб. : Синодальная тип., 1897. – 402, IX с.
80. *Мансветов И. Д.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников / И. Д. Мансветов. – М. : Тип. И. Е. Шюман, 1872. – 97 с.
81. *Мансветов И. Д.* Церковно-строительная деятельность в Новгороде (по новгородским летописям) / И. Д. Мансветов. – М. : Синодальная тип., 1875. – 20 с.
82. *Никифоровский И. Т.* К истории «славяно-беловодской» иерархии / И. Т. Никифоровский. – Самара : Типо-лит. Н. А. Жданова, 1891. – 43 с.
83. *Нильский И. Ф.* Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении) : в 2 ч. / И. Ф. Нильский. – СПб. : Изд. книгопродавца И. Перевозникова, 1898. – 382 с.
84. *Нильский И. Ф.* Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней / И. Ф. Нильский. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1863. – 72 с.
85. *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история / Платон (Левшин). – М. : Синодальная тип., 1823. – Т. 1, 2.
86. *Плотников К. Н.* Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества / К. Н. Плотников. – Пг. : Тип. И. В. Леонтьева, 1915. – 242 с.

87. *Поснов М. Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. – М. : Высшая школа, 2005. – 648 с.
88. *Смирнов Е. И.* История христианской церкви / Е. И. Смирнов. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007. – 768 с.
89. *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1895. – 275, 34, IV с.
90. *Смирнов П. С.* О перстосложении для крестного знамения и благословения / П. С. Смирнов. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1904. – 129 с.
91. *Субботин Н. И.* История так называемого австрийского, или белокричного, священства / Н. И. Субботин. – М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. – 388 с.
92. *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси / Ф. А. Терновский. – Киев : Универ. тип., 1875–1876. – Т. 1, 2.
93. *Титов Ф. И.* Очерки по истории русского книгописания и книгопечатания / Ф. И. Титов. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1911. – 33 с.
94. *Титов Ф. И.* Феоктист Мочульский, архиепископ Курский и Белогородский // Труды Киевской духовной академии. – 1894. – № 1, 2.
95. *Титов Ф. И.* Св. Димитрий, митрополит Ростовский, бывший ученик Киевской духовной академии / Ф. И. Титов. – Киев : Тип. АО «Петр Барский», 1909. – 67 с.
96. *Троицкий И. Е.* Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениды. К истории Восточной церкви в XIII в. / И. Е. Троицкий. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1873. – 534 с.
97. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (1237) / Филарет (Гумилевский). – М. : Тип. В. Готье, 1857. – VIII, 172, III с.
98. *Филарет (Дроздов).* Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах / Филарет (Дроздов). – М. : Синодальная тип., 1852. – IX, 494 с.
99. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Париж, 1937 (репр. – Вильнюс, 1991). – 600 с.
100. *Шлеев С. И.* Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев) / С. И. Шлеев. – СПб. : Синодальная тип., 1910. – 364, II с.
101. *Шлеев С. И.* Единоверие и его столетнее организованное существование в русской церкви / С. И. Шлеев. – СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1901. – 71 с.

Литература

1. А. Б. Докторский диспут в Московской духовной академии 16-го декабря 1880 г. // Православное обозрение. – 1881. – № 1. – С. 147–178.
2. Аббасов А. М. Житие митрополита Евгения (1767–1837 гг.) / А. М. Аббасов. – Воронеж : ВИГО «Генезис», 1996. – 68 с.
3. Акишин С. Ю. Образ профессора А. А. Дмитриевского в переписке Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова // Церковь. Богословие. История : матер. IV Междунар. научно-богословской конф. / под ред. П. И. Мангилева, И. В. Починской, Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 284–294.
4. Алехина Л. И. Митрополит Платон – издатель службы и жития благоверного князя Даниила Московского // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 50–57.
5. Амвросий (Калабухов). Церковная педагогика митрополита Платона (Левшина) // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России : матер. XXII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / под ред. А. Носкова. – Томск, 2013. – С. 105–110.
6. Анисов Л. Отец московского духовенства. Жизнеописание митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина) / Л. Анисов. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2009. – 311 с.
7. Арнаутова Ю. Е. Житие как духовная биография : к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 254–278.
8. Барсов Н. И. Макарий, митрополит Московский и Коломенский // Русская старина. – 1883. – Июнь. – С. 669–680.
9. Бахтина О. Н. Жития-автобиографии в древнерусской литературе конца XVI – начала XVII в. (Мартирий Зеленецкий) // Православие и Россия : канун третьего тысячелетия / под ред. прот. Л. М. Хараима, О. Т. Лойко. – Томск, 2000. – С. 74–76.
10. Бельский И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 29–45.
11. Беляев А. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном // Богословский вестник. – 1903. – № 1. – С. 79–113.
12. Бессарабова Н. В. Мироззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина) // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 141–147.
13. Богданов А. И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М., 2006. – Т. 11. – С. 719–721.

14. *Богданов А. И.* Судьба профессора духовной академии : Н. Ф. Каптерев и его труды // Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви / В. И. Буганов, А. П. Богданов. – М. : Политиздат, 1991. – С. 494–517.

15. *Богданова Т. А.* «Биографический словарь иерархов Русской православной церкви с введения на Руси христианства до 1918 г.» К. Я. Здравомыслова. История создания и проблемы публикации // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований : сб. матер. науч.-практ. семинара, Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г. / ред.-сост. Г. В. Калашников, А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов. – СПб., 2002. – С. 104–110.

16. *Богданова Т. А.* Глубоковский Николай Никанорович / Т. А. Богданова, А. К. Клементьев // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М., 2006. – Т. 11. – С. 601–610.

17. *Боярченков В. В.* Общество истории и древностей российских в середине 1840-х гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 114–121.

18. *Бушуева А. А.* Некролог как источник для воссоздания образа смерти в православном миропонимании (на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей» конца XIX – начала XX в.) // Документ. Архив. История. Современность : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф, Екатеринбург, 2–3 дек. 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 241–244.

19. *Бушуева Л. А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. / Л. А. Бушуева. – Казань : Центр инновационных технологий, 2012. – 288 с.

20. *Бычков А. Ф.* О словарях русских писателей митрополита Евгения // Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита Киевского Евгения. – СПб., 1868. – С. 217–292.

21. *Бычков С. П.* Антон Владимирович Карташев – историк Русской православной церкви : автореф. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1999. – 22 с.

22. *Бычков С. П.* О термине и значении предмета русской церковной историографии // Вестник Омского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 188–193.

23. *Бычков С. П.* Об особенностях проблематики русской церковной историографии в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 95–101.

24. *Бычков С. П.* Церковная историография в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : особенности научного дискурса // Вестник Омского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 74–78.

25. *Вазанов А. А.* Церковные музеи на Урале в дореволюционный период // Православное наследие в культуре России : история, актуальность диалога : матер. Всерос. науч.-практ. конф. / сост. И. Н. Морозова. – Челябинск, 2012. – С. 87–95.

26. *Введенский А.* Запросы времени // Богословский вестник. – 1903. – № 10. – С. 240–254.

27. *Вербицкая Л. А.* Вехи и успех компаративистики в социальных и гуманитарных науках / Л. А. Вербицкая, В. В. Козловский, Н. Г. Скворцов // *Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований.* – СПб., 2001. – С. 5–11.
28. *Вернадский Г. В.* Русская историография / Г. В. Вернадский. – М.: Аграф, 1998. – 448 с.
29. *Виноградов В. П.* Наследие митрополита Платона в истории Московской духовной академии. Речь в собрании церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения 22 октября 1914 г. / В. П. Виноградов. – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1914. – 26 с.
30. *Вишленкова Е. М.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность / Е. М. Вишленкова, Р. Х. Галиulina, К. А. Ильина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.
31. *Вороничева О. В.* Читательская деятельность и культура чтения // *Библиотекосведение.* – 2011. – № 5. – С. 59–65.
32. *Воскресенский Г.* О заслугах протоиерея А. В. Горского для славяно-русской историко-филологической науки // *Богословский вестник.* – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 442–455.
33. *Вяткин В. В.* Богословие и проблема современной историографии // *Вопросы истории.* – 2011. – № 11. – С. 172–175.
34. *Вяткин В.* Между наукой и богословием. О проблемах церковной историографии // *НГ-религии.* – 2010. – 2 июня. – С. 7.
35. *Галанов М. М.* Митрополит Платон и Павел I // *Вопросы истории.* – 2006. – № 7. – С. 150–154.
36. *Георгиева Н. Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // *Вестник РУДН. Сер.: История России.* – 2016. – № 1. – С. 7–19.
37. *Глазева А. С.* Жизнь и взгляды Московского митрополита Платона (Левшина) // *Российская история.* – 2010. – № 6. – С. 120–131.
38. *Гоголев Г.* Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского / Г. Гоголев. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – 233 с.
39. *Гоголев Г.* Горский Александр Васильевич / Г. Гоголев, С. В. Римский, А. А. Турилов // *Православная энциклопедия* / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Т. 12. – М., 2006. – С. 149–152.
40. *Голубинский Д.* Участие протоиерея А. В. Горского в деле учреждения при Московской духовной академии кафедры естественнонаучной апологетики // *Богословский вестник.* – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 456–466.
41. *Голубинский Ф. А.* История общества, составившегося под названием «Ученых бесед» в Московской духовной академии (1816) // *У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов.* – М., 1914. – С. 1–9.

42. *Гончар М.* Некролог как специфический источник изучения жизнедеятельности личности (на материалах «Подольских епархиальных ведомостей») [Электронный ресурс]. – URL: <http://gisap.eu/ru/node/49957> (дата обращения: 30.04.2017).
43. *Горский Александр Васильевич* // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 21 т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб., 1902. – С. 317–318.
44. *Гостева И. В.* Традиции церковной риторики в современном православном дискурсе // Православное наследие в культуре России : история, актуальность диалога : матер. Всерос. науч.-практ. конф. / сост. И. Н. Морозова. – Челябинск, 2012. – С. 244–247.
45. *Далмат (Юдин), иером.* 325 лет российскому духовному образованию // Встреча. Академия : этапы обновления. – 2010. – № 1 (29). – С. 4–17.
46. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
47. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 389 с.
48. *Данилов В. Л.* Реформа духовного образования в России : история и современность // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2017. – № 1. – С. 164–169.
49. *Демидов Г. В.* Начало церковно-исторической науки в России и митрополит Платон (Левшин) // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 18–24.
50. *Дмитриев Д. С.* Платон, митрополит Московский, и Спасо-Вифанский монастырь / Д. С. Дмитриев. – М. : Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1900. – 67 с.
51. *Дмитриенко Н. М.* Историко-церковные исследования в дореволюционном Томске (1860–1917 гг.) // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее : сб. тез. докл. III Духовно-исторических чтений / под ред. Л. М. Хараима, О. Т. Лойко. – Томск, 1994. – Вып. 2. – С. 51–52.
52. *Евгений (Евфимий) Болховитинов* // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 11. – С. 411–413.
53. *Евсеев И. Е.* Высшая духовная школа и духовное творчество // Христианское чтение. – 1912. – Май. – С. 589–600.
54. *Единоверие* // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 21 т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб., 1902. – Т. 9. – С. 150–151.
55. *Ершова М. А.* Роль духовных академий в становлении русской философии // Церковь в истории и культуре России : сб. матер. междунар. науч. конф., Киров, 22–23 октября 2010 г. / отв. ред. А. Балыбердин. – Киров, 2010. – С. 385–389.
56. *Жизнеописание* высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского // Макарий (Булгаков). История русской церкви / на-

уч. ред. С. А. Беляев. – М. : Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 11–32.

57. *Зарицкая О. И.* Вифанские покои митрополита Платона // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 58–69.

58. *Зелёв С. В.* Святитель Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский – выпускник Перервинской духовной семинарии // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 38–44.

59. *Зверева Г. И.* Понятие новизны в «новой интеллектуальной истории» // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 4. – С. 44–54.

60. *Зыков А.* Деятельность митрополита Филарета в борьбе с расколом / А. Зыков. – М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1893. – 204 с.

61. *Иннокентий* (Смирнов, 1784–1819) // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1894. – Т. 13. – С. 220.

62. *Источниковедение* : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцев. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

63. *Источниковедческие* и методологические проблемы биографических исследований : сб. матер. науч.-практ. семинара, Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г. / ред.-сост. Г. В. Калашников, А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. – 256 с.

64. *Казанский Петр Симонович* // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Т. 13. – СПб., 1894. – С. 902.

65. *Каримова Н. С.* Профессор А. А. Дмитриевский о целях, задачах и методах деятельности церковно-археологических обществ // Церковь. Богословие. История : матер. II Междунар. науч.-богословской конф., Екатеринбург, 12 февр. 2014 г. / под ред. С. Ю. Акишина, И. А. Никулина. – Екатеринбург, 2014. – С. 102–106.

66. *Кипарисов В. Ф.* Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник / В. Ф. Кипарисов. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1893. – 229 с.

67. *Клейменова Р. Н.* Общество любителей российской словесности (1811–1930) / Р. Н. Клейменова. – М. : Академия, 2002. – 624 с.

68. *Климов М. В.* Особенности компаративистского анализа // Методология науки : сб. трудов Всерос. филос. семинара / сост. и отв. ред. М. Н. Баландин. – Томск, 2002. – Вып. 5: Проблемы типологии метода. – С. 54–59.

69. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М. : Наука, 1988 (репр. – М. : Тип. Грачева и К, 1871). – 512 с.

70. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей / отв. ред. В. И. Буганов. – М. : Наука, 1985. – 174 с.

71. *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века / В. П. Козлов. – М. : Изд-во РГГУ, 1999. – 416 с.

72. *Козлов М.* Святитель Филарет и московские духовные школы // Духовное образование в Сибири : история и современность: матер. конф., Томск, 4 октября 2008 г. – Томск, 2010. – С. 67–89.
73. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд; пер. и комм. Ю. А. Асеева. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
74. *Компаративистика* // Культура и культурология. Словарь / ред.-сост. А. И. Кравченко. – Екатеринбург, 2003. – С. 430–431.
75. *Корневский В. М.* Духовенство и краеведение // Православие и Россия : канун третьего тысячелетия: матер. духовно-исторических чтений / под ред. Л. М. Хараима, О. Т. Лойко. – Томск, 2000. – С. 36–37.
76. *Корнеев М. Я.* Сравнительная философия // Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб., 2001. – С. 27–39.
77. *Костомаров Н. И.* Архиепископ Феофан Прокопович // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – СПб., 1876. – 2-е отд., вып. 6. – С. 867–885.
78. *Костров А. В.* Дореволюционные учебники по «расколоведению» как историографический источник // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. – № 2 (2). – С. 45–46.
79. *Котюрова М. П.* Культура научной речи : текст и его редактирование / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М.: Наука, 2008. – 280 с.
80. *Котюрова М. П.* Стилистика научной речи / М. П. Котюрова. – М.: Изд. центр «Академия», 2012. – 240 с.
81. *Красильникова Л. В.* Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Красильникова. – М., 1995. – 23 с.
82. *Кривушин И. В.* Церковный историк и церковно-историческая наука : момент осмысления // Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. / науч. ред., комм. М. А. Морозова. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 5–17.
83. *Кром М. М.* Историческая биография : новая жизнь старого жанра // Политическая история на пороге XXI века : традиции и новации / отв. ред. Л. П. Репина, В. В. Согрин. – М., 1995. – С. 182–189.
84. *Кроче Б.* Теория и история историографии / пер. с итал. И. М. Заславской, послесл. Т. В. Павловой. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 192 с.
85. *Круг П.* Любители церковной истории // НГ-религии. – 2008. – № 6. – 2 апр. – С. 1.
86. *Кцоева С. Г.* Методологические аспекты составления интеллектуальной биографии ученого (опыт междисциплинарного исследования жизни и творчества Карла Ясперса) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 (35), ч. 1. – С. 82–85.

87. *Ларионов А. А.* Студенчество в Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII века // *Российская история*. – 2010. – № 6. – С. 30–40.
88. *Лебедев А. С.* История церкви как предмет университетского преподавания // *Вестник Европы*. – 1875. – Т. 5. Октябрь. – С. 787–799.
89. *Лебедев Д.* Профессор Анатолий Алексеевич Спасский (к характеристике его ученой деятельности как историка древней церкви) // *Богословский вестник*. – 1916. – № 10–12. – С. 19–94.
90. *Леонтьева Т. Г.* Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // *Вопросы истории*. – 2001. – № 3. – С. 170–178.
91. *Литаков Е. В.* Знаменский Петр Васильевич // *Православная энциклопедия* / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М., 2009. – Т. 20. – С. 297–301.
92. *Лисюнин В. Ф.* Церковная пресса и ее влияние на общество (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Макарьевские чтения: матер. Третьей Междунар. конф., Горно-Алтайск, 21–22 ноября 2004 г.* / отв. ред. В. Г. Бабин. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 106–121.
93. *Лойко О. Т.* Архимандрит Гавриил – первый историк русской философии (к двухсотлетию со дня рождения) // *Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее : сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений* / под ред. Л. М. Хараима, О. Н. Бахтиной, О. Т. Лойко. – Томск, 1995. – С. 152–160.
94. *Лысогорский Н. В.* Московский митрополит Платон Левшин как противораскольничий деятель / Н. В. Лысогорский. – Ростов н/Д : Электронпечатня А. И. Тер-Абрамиан, 1905. – 656 с.
95. *Макарчева Е. Б.* Православная духовная семинария в конце XVIII – первой половине XIX века // *Макарьевские чтения: матер. Третьей Междунар. конф., Горно-Алтайск, 21–22 нояб. 2004 г.* / отв. ред. В. Г. Бабин. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 79–88.
96. *Мангилева А. В.* Современная историография истории духовного сословия в России XIX – начале XX в. // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. – 2013. – Вып. 1 (5). – С. 134–149.
97. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. / А. В. Мангилева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 480 с.
98. *Мангилева А. В.* Эволюция внешнего облика духовного сословия в XIX – начале XX века (на уральских материалах) // *Церковь. Богословие. История : матер. II Междунар. науч.-богословской конф., Екатеринбург, 12 февр. 2014 г.* / под ред. С. Ю. Акишина, И. А. Никулина. – Екатеринбург, 2014. – С. 145–150.
99. *Манчестер Л.* Поповичи в миру : духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

100. *Маркевич А. И.* О летописях. Из лекций по русской историографии. С приложением статьи «О русских летописях» / А. И. Маркевич. – М. : Ленанд, 2016. – 250 с.
101. *Медушевская О. М.* Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. – 2004. – № 1 (10). – С. 1–7.
102. *Мельков А. С.* А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки [Электронный ресурс]. – URL: [http:// pravoslavie.ru/arithiv/031205000126.htm](http://pravoslavie.ru/arithiv/031205000126.htm) (дата обращения: 16.08.2016).
103. *Мельков А. С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского / А. С. Мельков. – М. : Пашков дом, 2006. – 216 с.
104. *Мельков А. С.* Исполни знания : жизнеописание протоиерея А. В. Горского / А. С. Мельков. – М. : Пашков дом, 2012. – 259 с.
105. *Мельков А. С.* Ректор Московской духовной академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской патриархии. – 2002. – № 12. – С. 47–52.
106. *Метель О. В.* Альбер Утан : опыт интеллектуальной биографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9 (23), ч. 1. – С. 129–131.
107. *Михейкина М. Э.* Российская библеистика : от зарождения до возрождения : историографический очерк / М. Э. Михейкина. – М. : Мосты культуры, 2004. – 135 с.
108. *Митрополит Евгений* : жизнь и творчество. Восьмые Болховитиновские чтения : сб. статей / сост. А. М. Аббасов, В. Н. Демченко, А. В. Кожемякин. – Воронеж : Фонд культуры, 1993. – 36 с.
109. *Мраморнов А. И.* К вопросу о биографическом методе в изучении истории Русской церкви // Вестник Московского университета. – Сер. 8: История. – 2009. – № 5. – С. 38–50.
110. *Мягков Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 200 с.
111. *Нечаева М. Ю.* Открытие епархиальных отделов Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – Вып. 1 (5). – С. 107–133.
112. *Нечаева М. Ю.* Упадок или подъем? К оценкам синодального периода истории Русской православной церкви // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 4–19.
113. *Никитин С. А.* Императорское Русское историческое общество // Вопросы истории. – 2007. – № 3. – С. 3–19.
114. *Общество любителей духовного просвещения* // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 21. – С. 626.

115. *Остапенко В. С.* Философско-религиозное мировоззрение митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова) // Митрополит Евгений : жизнь и творчество: Восьмые Болховитиновские чтения : сб. статей / сост. А. М. Аббасов, В. Н. Демченко, А. В. Кожемякин. – Воронеж, 1993. – С. 9–13.
116. *Павленко Т. А.* Забастовки семинаристов в конце XIX – начале XX в. : движение за реформирование духовной школы // Православие : конфессии, институты, религиозность XVII–XX вв. : сб. науч. работ / под ред. М. Дольцова, П. Рогозного. – СПб., 2009. – Вып. 6. – С. 176–197.
117. *Павлов И.* История, которая не может устаревать. Труд Михаила Понсова пришлось адаптировать для современных богословов // ИГ-религии. – 2005. – № 11 (163). – 13 июля. – С. 7.
118. *Павлова Т. А.* Опыт духовной биографии : Джон Вулман // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 279–296.
119. *Павлова Т. А.* Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века : традиции и новации / отв. ред. Л. П. Репина, В. В. Согрин. – М., 1995. – С. 86–92.
120. *Палкин А. С.* Полемика представителей интеллектуальных элит единоверия о путях его развития в 1860-е гг. // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3 (36). – С. 66–72.
121. *Палкина Г. В.* Общий обзор «Начертания церковной истории от библейских времен до XVIII века» архиепископа Иннокентия (Смирнова) // Церковь. Богословие. История : матер. III Междунар. науч.-богословской конф., Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г. / ред. С. Ю. Акишин, И. А. Никулин. – Екатеринбург, 2015. – С. 503–510.
122. *Пашенцев Д. А.* Благотворительная деятельность Русской православной церкви : автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 24 с.
123. *Пигалев А. И.* Разрыв в интеллектуальной истории как смена модели всеобщности (христианство на фоне истории философии) // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 4. – С. 26–44.
124. *Пирожков Г. П.* Российское родино(крае)ведение : зарождение и развитие (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (16) : в 2 ч. – Ч. II. – С. 175–182.
125. *Платонов А. А.* Академик Евгений Евсигнеевич Голубинский – историк и человек // Отечественные архивы. – 2003. – № 3. – С. 21–28.
126. *Полетаев Н. И.* Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории русской церкви / Н. И. Полетаев. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1889. – 587 с.
127. *Полунов А. Ю.* Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского / А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1998. – 254 с.

128. *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III / под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 1996. – 144 с.
129. *Помяловский Н. Г.* Очерки бурсы / Н. Г. Помяловский. – Л. : Художественная лит-ра, 1971. – 191 с.
130. *Постников П.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. 252–359.
131. *Прахт Д. В.* Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. История. – 2012. – № 2. – С. 133–138.
132. *Профессор Анатолий Алексеевич Спасский* // Богословский вестник. – 1916. – № 10–12. – С. 3–18.
133. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 280 с.
134. *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I / предисл. и прим. Н. К. Пиксанова. – Пг. : Огни, 1916. – IX, 483 с.
135. *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1. – 144 с.
136. *Размустова Т. О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры / отв. ред. М. А. Полякова, Э. А. Шулепова. – М., 1990. – С. 89–104.
137. *Репина Л. П.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI вв. // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 12–22.
138. *Репина Л. П.* Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 5–12.
139. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Круг, 2011. – 560 с.
140. *Репина Л. П.* Личность и общество, или История в биографиях // История через личность : историческая биография сегодня. – М., 2005. – С. 5–16.
141. *Репина Л. П.* Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Спец. вып. : Персональная история и интеллектуальная биография. – М., 2002. – С. 5–10.
142. *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии : общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2011. – С. 5–13.
143. *Розанов Н. П.* Московский митрополит Платон (1737–1812 гг.) / Н. П. Розанов. – СПб. : Синодальная тип., 1913. – 94 с., III с.

144. Рудковская И. Е. Историографическая компаративистика : возможности и грани исследования // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2011. – С. 535–554.
145. Рудковская И. Е. Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5 (95). – С. 92–99.
146. Рукавицына Е. И. Библиотека митрополита Евгения, подаренная Киеву // Митрополит Евгений : жизнь и творчество: Восьмые Болховитиновские чтения : сб. статей / сост. А. М. Аббасов, В. Н. Демченко, А. В. Кожемякин. – Воронеж, 1993. – С. 19–21.
147. Румянцева М. Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 13–28.
148. Рязев А. С. Просвещенное духовенство при Екатерине II // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 43–57.
149. Сегень А. Ю. Филарет Московский / А. Ю. Сегень. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 431 с.
150. Сидорова Т. А. Историография как интеллектуальная история : проблемы междисциплинарности и контекста // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2011. – С. 586–594.
151. Скурат Н. Московский храм Святого пророка Илии, слывающий Обыденным, как свидетель эпохи московского архипастыря Платона (Левшина) // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 9–17.
152. Скутнев А. В. Идеалы и установки духовного сословия в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 151–155.
153. Славгородская Л. В. О диалогизации научной прозы // Стиль научной речи / отв. ред. Е. С. Троянская. – М. : Наука, 1978. – С. 106–117.
154. Смирнов С. Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. – 1900. – Т. 3. Ноябрь. – С. 373–380.
155. Солнцев Н. И. Вопросы периодизации истории русской церкви // Вопросы истории. – 2009. – № 1. – С. 164–168.
156. Солнцев Н. И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского : теоретические основы и историографическое значение / Н. И. Солнцев. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2010. – 195 с.
157. Солнцев Н. И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. И. Солнцев. – Нижний Новгород, 2009. – 55 с.
158. Соловьев И. Профессор П. В. Знаменский как историк Русской церкви // Знаменский П. В. История Русской церкви. – М., 2000. – С. 3–9.
159. Сословище русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / кол. мон.; под ред. Е.А. Вишленковой, И. М. Савельевой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.

160. *Спасский А. А.* Первая лекция по кафедре общей церковной истории // Богословский вестник. – 1903. – Т. 1. – С. 278–296.
161. *Спасский Анатолий Алексеевич* // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – Т. 30. – С. 149.
162. *Степкин В.* Значение канонической деятельности митрополита Московского Платона (Левшина) в становлении науки церковного права в России // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2006. – С. 77–85.
163. *Субботин Н. И.* Несколько замечаний на книгу профессора Е. Е. Голубинского // Русский вестник. – 1881. – № 1. – С. 407–437.
164. *Сухова Н. Ю. А. А.* Дмитриевский и ученики : проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX – начало XX в.) // Церковь. Богословие. История : матер. III Междунар. науч.-богословской конф., Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г. / под ред. С. Ю. Акишина, И. А. Никулина. – Екатеринбург, 2015. – С. 583–595.
165. *Сухова Н. Ю.* Антон Владимирович Карташев : попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История : матер. IV Междунар. науч.-богословской конф., Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г. / под ред. П. И. Мангилева, И. В. Починской. – Екатеринбург, 2016. – С. 322–330.
166. *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный : сб. ст. по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX в. / Н. Ю. Сухова. – М. : ПСТГУ, 2007. – 384 с.
167. *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа : проблемы и реформы (вторая половина XIX века) / Н. Ю. Сухова. – М. : ПСТГУ, 2006. – 658 с.
168. *Сухова Н. Ю.* Духовно-учебные принципы митрополита Платона и их развитие в истории высшего духовного образования // Платоновские чтения / под ред. В. Чувикина. – М., 2007. – С. 25–37.
169. *Сухова Н. Ю.* «Идея Академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX – начала XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – Вып. 2 (6). – С. 138–153.
170. *Сухова Н. Ю.* Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России (1808–1918 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. Ю. Сухова. – М., 2011. – 36 с.
171. *Сухова Н. Ю.* Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Ю. Сухова. – М., 2006. – 30 с.
172. *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) / Н. Ю. Сухова. – М. : ПСТГУ, 2012. – 374 с.
173. *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. / Н. Ю. Сухова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. – 676 с.
174. *Сушко А. В.* Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.) / А. В. Сушко. – СПб. : СПбГМА им. И. И. Мечникова, 2010. – 256 с.

175. Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 107–114.
176. Тальберг Н. Д. История Русской церкви / Н. Д. Тальберг. – М. : Изд-во Срегенского монастыря, 2009. – 960 с.
177. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX в. История императорских православных духовных академий / В. А. Тарасова. – М. : Новый хронограф, 2005. – 567 с.
178. Тимон Н. Г. Новгородское общество любителей древности как важный центр научно-просветительской и научно-издательской работы // Древняя Русь : вопросы медиевистики. – 2010. – № 2 (40). – С. 107–117.
179. Толочко А. «История Российской» Василия Татищева : источники и известия / А. Толочко. – М. : Новое литературное обозрение ; Киев : Критика, 2005. – 544 с.
180. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века : пер. с англ. / Х. Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 527 с.
181. Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» / сост. Е. М. Витошинский. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1915. – 316, V с.
182. Фатеев В. А. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М., 2006. – Т. 11. – С. 479–480.
183. Федоров Б. И. Логико-методологические основания компаративистики // Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб., 2002. – С. 5–16.
184. Федотов А. А. Русская православная церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.orthedu.ru/ch-hist/18012-fedotov-a-a-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-19432000-gg-vnutricerkovnaya-zhizn-vzaimootnosheniya-s-gosudarstvom-i-obschestvom.html> (дата обращения: 20.12.2017).
185. Филарет (Гумилевский) // Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. 35. – С. 738–739.
186. Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С. Л. Фирсов. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. – 660 с.
187. Флоря Б. Н. Митрополит Макарий как историк Западнорусской церкви // Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. – М., 1996. – Кн. 5. – С. 5–18.
188. Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) : официальный сайт. – URL: <http://www.m-fond.ru/> (дата обращения: 20.12.2017).
189. Фролов А. И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использова-

ния памятников истории и культуры / отв. ред. М. А. Полякова, Э. А. Шулепова. – М., 1990. – С. 74–88.

190. *Хибарин И.* Профессор-подвижник // Журнал Московской патриархии. – 1954. – № 10. – С. 59–64.

191. *Ховаковский В.* Биографические очерки. Платон, митрополит Московский / В. Ховаковский. – СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1870. – 65 с.

192. *Холиков А. А.* Биография писателя как жанр / А. А. Холиков. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 96 с.

193. *Хоружий С. С.* Православная аскеза – путь к новому видению человека. – Библиотека Веб-центра «Омега», 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/ascetic.pdf> (дата обращения: 11.12.2016).

194. *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. – 1912. – № 1. – С. 1–18.

195. *Цыпин В.* История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 207. – 816 с.

196. *Чебанюк Т. А.* Методы изучения культуры / Т. А. Чебанюк. – М. : Аспект-Пресс, 2011. – 400 с.

197. *Четыркин Ф.* Платон, митрополит Московский / Ф. Четыркин. – СПб. : Тип. Акинфиева и Леонтьева, 1899. – 32 с.

198. *Чиркова Н. Ю.* Евгений Болховитинов – ученый и архиерей / Н. Ю. Чиркова, Е. А. Шляпникова // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 128–134.

199. *Шапошников А. Е.* Митрополит Макарий (Булгаков) о церковных и монастырских библиотеках // Мир библиографии. – 2008. – № 3. – С. 39–48.

200. *Шаховский Д. М.* Митрополит Макарий как церковный мыслитель и историк // Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. – М., 1996. – Кн. 7. – С. 7–14.

201. *Шаховской Н. Н.* П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // Русское обозрение. – 1896. – Т. 37, № 2. – С. 572–589.

202. *Шаховской Н. Н.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. – М. : Синодальная тип., 1899. – Т. 1. – С. 1–51.

203. *Экитут С. А.* Пространство интеллектуальной истории // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2001. – Вып. 4. – С. 12–25.

204. *Яковлев А. И.* Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. – 2008. – № 10. – С. 24–41.

205. *Яковлев А. И.* Светоч Русской церкви : Жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского / А. И. Яковлев. – М. : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2007. – 208 с.

206. Яловская Г. В. Из истории дискуссии о богословском образовании в университетах России // Православие и Россия : канун третьего тысячелетия: матер. духовно-исторических чтений / под ред. Л. М. Хараима, О. Т. Лойко. – Томск, 2000. – С. 38–40.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Эволюция церковной исторической науки в контексте развития исторической мысли XIX – первой четверти XX в.	
1.1. У истоков церковной исторической науки: между моральной оценкой и изложением фактов	9
1.2. Труды А. В. Горского: к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия	26
1.3. Российские духовные академии как центры исследования церковной истории.....	39
1.4. Жанровое разнообразие научных сочинений церковных историков.....	51
Глава 2. «Наука, эрудиция, труд над первоисточниками – вот тон, который слышался и задавался»: что значило быть церковным историком?	
2.1. Социокультурный и интеллектуальный облик церковного историка XIX – первой четверти XX в.	61
2.2. Чтение в жизни российских церковных историков	76
2.3. «История не должна быть панегириком, иначе она потеряет смысл»: понимание истории в духовно-академической среде.....	88
2.4. Церковный историк и источник: особенности интерпретации и способы работы	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	115
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	118

Научное издание

КУЗОРО Кристина Александровна

«Самые средоточные вопросы знания и веры»:
церковная историческая наука XIX – первой четверти XX в.

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 09.07.2018 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печ. л. 8,9+8 вкл.; усл. печ. л. 8,2; уч.-изд. л. 8,0.
Тираж 100 экз. Заказ 417

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1